

Академик В. М. Плоских

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

VII

книга 2

*Время разбрасывать камни
и время собирать камни.*

Библия, Екклесиаст 3:5

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name 'Александр' (Alexander).

Академик В. М. Плоских

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

Книга 2

VII

Редакционная коллегия:

А. А. Асанканов, чл-корр. НАН КР, д-р ист. наук
Д. Д. Джунушалиев, чл-корр. НАН КР, д-р ист. наук
А. Ч. Какеев, акад. НАН КР, д-р филос. наук
Т. К. Койчув, акад. НАН КР, д-р экон. наук
З. К. Курманов, д-р ист. наук, проф.

Составитель:

профессор, *В. А. Воропаева*

Ответственный редактор:

академик НАН КР *Т. К. Койчув*

Плоских В. М.

Собрание сочинений: в 15 т. / сост. проф., В. А. Воропаева; отв. ред. акад. Т. К. Койчув. — Бишкек: Нео Принт, 2014–2021.

Владимир Михайлович Плоских — один из ведущих ученых Кыргызстана, внесших значительный вклад в развитие исторической науки республики.

Доктор исторических наук, профессор, действительный член Национальной Академии наук Кыргызстана, действительный член Российской Академии педагогических и социальных наук, заслуженный деятель науки Кыргызской Республики, археолог, педагог, писатель, член Конфедерации подводной деятельности России, дважды лауреат Государственной премии Кыргызстана в области науки и техники, лауреат общественных премий им. Е. Д. Поливанова, А. П. Чехова, И. Бунина, Атаюрка, И. Ахунбаева.

В. М. Плоских — руководитель Центра источниковедения и рукописного наследия Института истории и культурного наследия НАН КР, директор Института мировой культуры, заведующий кафедрой истории и культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета, главный редактор научного журнала «Диалог цивилизаций».

Награжден почетными грамотами КР, удостоен государственных наград КР — ордена «Манас» III степени, медали «Данк», имеет другие награды Кыргызской Республики, а также России, Казахстана, Украины, Туркменистана. Является автором ок. 500 научных трудов по истории, археологии, источниковедению, кыргызско-российским межгосударственным взаимоотношениям.

Основные научные проблемы, которыми более 50 лет занимается В. М. Плоских, обобщены и систематизированы в Собрании сочинений ученого.

**Национальная Академия Наук Кыргызской Республики
Кыргызско-Российский Славянский университет**

В. М. ПЛОСКИХ

**УЧЕННЫЕ-ИССЛЕДОВАТЕЛИ
КЫРГЫЗСТАНА XX ВВ.**

Бишкек — 2019

УДК 902/904
ББК 63.4
П 74

Рецензент:

Д. Джунушалиев, д-р ист. наук, профессор.

Плоских В. М.

П 74 **Ученые-исследователи Кыргызстана.** – Б.: Нео Принт, 2019. – 368 с. Илл. (Собр. соч.: в 15 т. / В. М. Плоских. – Т. VII. Кн. 2).

ISBN 978-9967-12-119-5

В VII том собрания сочинений вошли монографии и статьи, посвященные выдающимся людям – ученым, внесшим неоценимый вклад в изучение Кыргызстана.

Издание является стереотипным.

Часть первая

**Очевидность
невероятного**

Каждый раз, когда пассажирские авиалайнеры приближаются к г. Фрунзе, включаются динамики и бортпроводница зачитывает давно заготовленный текст: «Уважаемые пассажиры, через несколько минут наш самолет совершит посадку в аэропорту «Манас» столицы Киргизстана г. Фрунзе. В г. Фрунзе имеются...» Далее идет перечисление того, что имеется и в том числе, что в городе расположена Академия наук Киргизской ССР.

Эта информация, как и любая обыденность, проходит мимо сознания. Но если вдуматься в каждое слово — Академия наук Киргизской ССР, — то знающему историю народа республики откроется невероятность очевидного. Бросим взгляд в прошлое, ибо без его знания невозможно понять и оценить настоящее.

Исааку Ньютону принадлежат слова: «Если я и достиг чего-то в науке, то только потому, что стоял на плечах гигантов», то есть наука не может возникнуть враз из незнания. Она всегда имеет предысторию. Непреложным фактом становления и развития киргизской науки является то, что киргизский народ на всем протяжении своей предыдущей истории не имел своей науки. Да, были две одиночные звезды — Юсуп Баласагуни и Махмуд Кашгари, но будучи сынами земли киргизской, они выросли все-таки на другой, близкой, но другой культуре. Да, киргизы — один из древнейших народов Азии — владели богатейшими знаниями о природе, культуре животноводства, но эти знания были эмпирическими, обыденными. Науки же как системы знаний, как организованного поиска законов и закономерностей, управляющих мирозданием, в прошлом киргизского народа не было.

И разве не очевидна невероятность того, что спустя лишь 37 лет после Великой Октябрьской революции народ, прошедший трудную, порой трагическую дорогу длиной почти в две тысячи лет и находившийся к двадцатому веку на грани физического исчезновения с лика Земли, смог в 1954 году создать свою национальную Академию. Как мог возникнуть такой феномен — ведь, повторимся, из ничего наука не может родиться. И здесь нужно еще и еще раз сказать слова благодарности Октябрьской революции, спасшей киргизский народ от небытия, давшей мощный импульс творческой энергии народу великой России, дети которой зажгли свет Знания в душах братского народа. Это истина.

Сегодня киргизская наука занимает достойное место в науке нашей страны. По ряду направлений ученые республики вышли на всесоюзный и мировой уровень. Кое в чем наука республики еще отстает, испытывает большие трудности, но ведь и человек не рождается сразу зрелым и мудрым — он проходит детство, отрочество, юность...

Мы не можем точно определить, на какой стадии развития сегодня находится Академия наук республики. Но то, что она за исторически кратчайший миг сумела твердо стать на ноги и уверенно шагает в будущее, — это тоже истина.

ОТ БУКВАРЯ ДО АКАДЕМИИ НАУК

...сочувствие общественным интересам и живое общение с ними одни только и могут придать науке истинную полезность и сделать ее интересною и нужною для общества.

Н. А. Добролюбов

Киргизский народ — один из древнейших народов мира, на протяжении многих веков создававший богатую самобытную материальную и духовную культуру. Как и другие народы, киргизы на своем историческом пути пережили бурные взлеты и падения. Утерев руническую письменность, которой владели в средневековье, они выстояли в ходе многовековой борьбы с иноземными захватчиками за свободу и независимость, за сохранение своей целостности и сохранили богатейшие традиции национальной культуры.

Кочевой образ жизни, постоянная зависимость от стихии и многовековые наблюдения за окружающим миром позволили киргизскому народу накопить богатый запас эмпирических знаний. Эсейчи — так называли человека, который занимался метеорологией. Были среди киргизов и люди, которые неплохо разбирались в астрономии: практически каждый чабан с годами приобретал значительные познания в этой области.

Широко известны крупнейшие литературные памятники Киргизстана XI в. — первая тюркоязычная поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание», или «Наука об управлении

государством»), написанная поэтом и мыслителем Юсуфом Баласагунским, и книга другого ученого — тюрколога, лингвиста и лексикографа, этнографа и фольклориста, историка и географа Махмуда Кашгарского «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий»), которые по праву считаются великими творениями X—XI вв., содержащими уникальный материал по языку, фольклору, истории и культуре Средней Азии.

Коллективное творчество масс явило свету грандиозную эпическую поэму «Манас», насчитывающую около миллиона строк, и другие эпические произведения, в которых народ выразил свои представления о собственной истории, о связях с соседями. В них нашли отражение хозяйственное устройство, быт, обычаи, нравы, а также суждения о человеческих достоинствах и пороках, сведения о религиозных представлениях, медицинских, естественных, географических и других познаниях.

Письменные памятники VIII — начала XX в. подтверждают существование древней письменности киргизов, которая не получила широкого распространения — грамотность населения составляла всего лишь два процента. Не было развитой письменной литературы, хотя, как заметил известный алжирский писатель Мурад Бурбуну, великий манасчи Саякбай Каралаев и был национальной библиотекой в прошлом.

В конце XIX — начале XX в. чаяния народа выражали выдающиеся акыны-демократы и просветители Токтогул Сатылганов, Тоголок Молдо и Барпы Алькулов, в творениях которых звучали мотивы философской лирики, поэтического осмысления глубин жизненных явлений, сложности законов природы и мироздания. В них нашли яркое отражение и художественное воплощение идеология масс, рост самосознания и стремление киргизского народа к свободе. Акыны призывали трудящихся к дружбе с русским народом, к освоению его богатой демократической культуры.

Свобода и счастье в киргизские степи, предрекали они, придут из России.

В середине XIX в. прогрессивные русские ученые заложили фундамент научного киргизоведения. Они с большим интересом исследуют географию, минеральные богатства, растительный и животный мир горного края, историю, этнографию, археологию, язык, народный эпос. Естественно-исторические исследования географов П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. М. Пржевальского, зоолога Н. А. Северцова, геоботаника А. П. Федченко, геолога И. В. Мушкетова, историка-востоковеда В. В. Бартольда, тюрколога-лингвиста В. В. Радлова, художника В. В. Верещагина, этнографов Н. А. Аристова, Н. Н. Пантусова и Ф. В. Пояркова, ботаника-садовода А. М. Фетисова, краеведа Я. И. Королькова, казахского ученого-просветителя Ч. Ч. Валиханова и многих других явились громадным вкладом в изучение Киргизии. Фактически они открыли ее просвещенному миру, а полученные русскими исследователями обширные сведения стали основой для начального научного познания Киргизии.

Однако поистине коллективный характер исследовательская работа приобрела после Великого Октября. В Киргизии возникают научно-исследовательские учреждения, деятельность которых неразрывно связана с работой многих крупных центров страны, и прежде всего Москвы, Ленинграда, Ташкента. Объединение народа в единое государство создало благоприятные условия для научной мысли, способствовало росту национальных исследовательских центров, рациональному использованию духовных сил и материальных возможностей для решения актуальных задач.

Большую роль в экономическом и культурном преобразовании республики сыграло старейшее научное учреждение страны — Академия наук СССР, усилиями которой было положено начало систематическому изучению производительных сил Киргизстана. В 1924—1926 гг. крупная геологическая экспедиция АН СССР под руководством

академика А. Е. Ферсмана разведывала недра на юге Киргизии. С 1927 г. ученые Института почвоведения АН СССР осуществляли геоботаническое изучение ряда скотоводческих районов, а Московский зоотехнический институт — зоотехническое обследование. С 1927 г. начинается исследование бальнеологических свойств и возможностей использования для здравоохранения термальных источников Киргизии. В 1928 г. в Киргизию направлена крупная комплексная научная экспедиция АН СССР, куда входили минералоги, ихтиологи, ветеринары, медики и антропологи. Таким образом было положено начало планомерному исследованию природных богатств республики. Значительную работу по изучению почв и растительности Киргизской АССР провел в 1925—1927 гг. Среднеазиатский государственный университет. В эти же годы учеными Москвы, Ленинграда и других крупнейших научно-исследовательских учреждений страны интенсивно изучались история, быт, культурное наследие киргизского народа. В 1927 г. комплексная экспедиция проводила экономические, этнографические, лингвистические и другие исследования в ряде районов Алая. Одновременно было предпринято широкое экономико-статистическое обследование, которое дало необходимый исходный материал для первого пятилетнего плана развития народного хозяйства республики.

В 1929 г. составляется первый план научно-исследовательских работ, который охватывал деятельность всех учреждений, работающих на территории Киргизии. Одно из центральных мест в этом плане отводилось комплексным исследованиям АН СССР.

В соответствии с общесоюзной и среднеазиатской программами Киргизстан должен был превратиться в развитую аграрно-индустриальную республику. Ученые АН СССР и местные научные силы деятельно участвовали не только в разработке, но и в осуществлении этого плана, уделявшего значительное внимание планированию научно-

исследовательских работ. 6 августа 1929 г. Совнарком республики принял пятилетний план исследовательских работ и утвердил контрольные цифры научных исследований на 1929—1930 гг. Для успешного выполнения пятилетнего плана промышленного развития и подъема сельскохозяйственного производства необходимо было привести в действие все ресурсы. Большую роль при этом должна была сыграть наука, которая становилась одним из рычагов технико-экономического и социального прогресса, роста благосостояния и духовной культуры народа.

В 20—30-е годы уже планомерно исследуются природные богатства и производительные силы нашего края, изучаются история и культура народа, разрабатывается национальная письменность, определяются пути формирования киргизского литературного языка, закладывается база для создания самостоятельных научно-исследовательских учреждений, подготовки и воспитания научных кадров. Направление научных исследований в те годы диктовалось необходимостью введения в хозяйственный оборот практически неизученных богатейших природных ресурсов.

В соответствии с ленинским декретом «Об охране научных ценностей» в мае 1921 г. решением СНК Туркеспублики при Наркомпросе был учрежден Туркестанский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы, деятельность которого в первые годы ограничивалась наблюдением за состоянием и реставрацией исторических памятников, а также отдельными археологическими разведками. В 1923 г. П. П. Иванов, а в 1924 г. В. Д. Городецкий провели обследование и раскопки археологических памятников Таласской и Чуйской долин — гумбеза Манаса и башни Бурана. Ферганская археологическая экспедиция под руководством Б. А. Денике и Б. Н. Засыпкина в 1924 г. изучала Узгенский архитектурный комплекс.

В начале 20-х годов проводятся этнографические исследования общественных и семейных отношений, родового

деления, культуры и быта киргизов. В частности, изучением племенных делений коренного населения Северной Киргизии занимался В. Н. Дублицкий. В 1924–1925 гг. специальная этнографическая экспедиция находилась в ряде районов Центрального Тянь-Шаня. Результаты ее работы получили отражение в книге Ф. А. Фиельструпа «Исследования среди кара-киргизов» (1926 г.).

Первым учреждением, которое координировало научно-исследовательскую работу в тогдашнем Туркестане, в том числе и в Киргизии, был Государственный ученый совет. В 1924 г., после национально-государственного размежевания Средней Азии, из него выделился Академический центр, переведенный из Ташкента во Фрунзе и с 1926 г. функционировавший при Наркомпросе Киргизской АССР. ГУС Турк. республики и Академический центр Киргизской АССР к изучению производительных сил и культуры республики привлекли многих советских ученых. К примеру, были начаты запись и собирание образцов национального фольклора. По поручению Наркомпроса Туркестанской АССР Ы. Абдырахманов в 1922–1926 гг. записал полный вариант первой части эпоса «Манас» в исполнении знаменитого манасчи С. Орозбакова объемом свыше 180 тыс. стихотворных строк. Сбором киргизского фольклора в Северной Киргизии занимался и К. Мифтаков, который в 1923 г. передал Наркомпросу Туркестанской АССР более 1300 рукописных страниц.

Первым ученым, предпринявшим попытку изучения эпоса «Манас» в советское время, был тюрколог П. А. Фалев. В статье «Как строится кара-киргизская былина», опубликованной в 1922 г. в первом номере журнала «Наука и просвещение» (орган Наркомпроса Туркеспублики), он глубоко освещает некоторые вопросы поэтики и стихосложения эпоса.

В апреле 1924 г. при Наркомпросе республики формируется Научная комиссия по созданию киргизской

письменности, сбору и публикации образцов устного народного творчества и материалов о восстаниях 1898 и 1916 гг. Так, известный ученый-востоковед академик В. В. Бартольд написал труд «Киргизы. Исторический очерк». В нем на основе обобщения письменных источников впервые был дан сжатый обзор истории Киргизии с древнейших времен до 70-х годов XIX в. Труд издан во Фрунзе в 1927 г.

Новый толчок развития науки связан с образованием Киргизской АССР (1926 г.): возросли материальные возможности и научные силы, что создало реальные условия для планомерного развертывания научно-исследовательской работы. В начале 1926 г. коллегия Научной комиссии Отдела народного образования Киргизии приняла решение о незамедлительном сборе произведений народного искусства.

В декабре 1926 г. во Фрунзе создается Центральный музей Киргизстана, который систематически направлял экспедиции для комплексных исследований отдельных районов, причем особое внимание уделялось сбору историко-этнографического материала. В 1926—1927 гг. создаются научно-исследовательские учреждения: Сейсмическая станция, Метеорологическое бюро, Фрунзенская ветеринарно-бактериологическая лаборатория, Селекционная и Сельскохозяйственная опытные станции, Почвенно-ботаническое бюро.

На их базе в конце 1928 г. образуется Киргизский научно-исследовательский институт краеведения, занимавшийся изучением почв, растительного и животного мира, составлением учебников и методических пособий на киргизском языке, введением нового латинского алфавита. К исследовательской работе широко привлекались ученые Москвы, Ленинграда и Ташкента. В Киргизском научно-исследовательском институте краеведения функционировали отделения: зоологии, почвенно-ботаническое, кормодобывания, зоотехнии, языка, и письменности, научно-терминологическая комиссия. В дальнейшем он реорганизуется в Институт культурного строительства, к числу

заслуг которого следует отнести ряд достижений в научном оформлении киргизского языка, введение нового латинского алфавита, разработку терминов, лексики и орфографии литературного киргизского языка и др.

Однако частая смена основ алфавита тюркских языков в 20–30-х годах имела ряд негативных последствий и вызвала определенные трудности в повышении уровня образования, так как приходилось переучивать многих людей, что привело к появлению «неграмотных» людей, которые некоторое время назад уже научились читать и писать. Неустойчивость норм затрудняла общение не только с литературными памятниками прошлого, но и с современными книгами.

В мае 1925 г. в Пишпеке состоялся первый научно-педагогический съезд Киргизской автономной области, на котором был официально реформирован арабский алфавит, практически еще в 1923 г. приспособленный к фонетической системе киргизского языка. Но и реформированный алфавит якобы не обеспечивал правильного написания слов, заимствованных из русского языка, и не в полной мере отражал звуковые особенности киргизского языка. Поэтому на съезде был поставлен вопрос о переходе на латинский алфавит. Для руководства работой по переходу на новый алфавит 14 октября 1926 г. образован областной комитет и началось широкое разъяснение трудящимся преимуществ новшества. 29 ноября 1929 г. Президиум ЦИК Киргизской АССР принял официальное решение, в котором с января 1930 г. отменялось использование арабского алфавита в печати и деловой переписке. Латинский алфавит, существовавший до 1940 г., был вновь заменен — теперь уже алфавитом, построенным на основе русской графики.

Разработка алфавитов на основе арабской, латинской и русской графики, формирование киргизского литературного языка, становление и развитие национального языкознания

были в центре внимания также тюркологов Москвы и Ленинграда. Большую помощь киргизским ученым оказывали С. А. Малов, А. Н. Самойлович, Н. А. Баскаков и А. К. Боровков; наряду с видными русскими учеными Е. Д. Поливановым и И. А. Батмановым, игравшими активную роль в становлении киргизского языкознания, в Институте киргизского языка и письменности трудились молодые ученые из числа представителей местных национальностей — Х. Карасаев, К. Бакеев и Дж. Шукуров.

В годы довоенных пятилеток в республике создаются условия для дальнейшего развития научно-исследовательских учреждений, для подготовки специалистов различных профилей. В 1932 г. во Фрунзе открылось первое высшее учебное заведение — Киргизский государственный педагогический институт, через год — Киргизский сельскохозяйственный институт (с ветеринарным и зоотехническим отделениями), в 1939 г. — Киргизский государственный медицинский институт.

Исходя из задач, поставленных перед научными учреждениями по изучению производительных сил, в целях планомерной и согласованной научно-исследовательской работы в сентябре 1935 г. СНК республики объявил об организации при СНК Киргизской АССР Комитета наук, которому вменялись в обязанность планирование и координация научно-исследовательской работы, установление связей с научными центрами и учреждениями СССР, подбор кадров для исследовательских учреждений республики и т. п. Однако практически Комитет стал функционировать лишь с момента, когда Киргизия стала союзной республикой.

В мае 1936 г. в результате реорганизации Института культурного строительства создается Научно-исследовательский институт языка и письменности. В это же время действовали Киргизский научно-исследовательский институт животноводства, Киргизский государственный музей и другие научные учреждения.

² Том VII. Кн. 2 В. М. Плоских

В начале 30-х годов правительство республики обратилось в АН СССР с просьбой принять участие в комплексных экспедиционных исследованиях в Киргизии, и Совет по изучению производительных сил АН СССР направил в Киргизию комплексную экспедицию, которая объединила 250 научных работников и состояла из 12 отрядов (геохимический, геоморфологический, кварцевый, животноводческий, лесной, ихтиологический, агрономический, археологический, ртутно-сурьмяный и др.). В работе экспедиции принимали участие и другие центральные научные учреждения, а также местные ученые. Эта комплексная экспедиция, руководителем которой стал известный ученый В. Я. Белоусов, явилась своеобразным организационным центром научной работы в республике. Ученый совет Киргизской экспедиции возглавлял академик Н. И. Вавилов.

Ученые занимались геологическими исследованиями, улучшением местных пород скота, изучением горных пастбищ, разработкой целого комплекса мероприятий, связанного с подъемом экономики Чуйской долины, изучением ореховых и плодовых лесов Южной Киргизии, рыбного хозяйства, транспортных проблем, общими экономическими изысканиями. Активное участие в работе экспедиции принимали местные научно-исследовательские коллективы. На конференции, состоявшейся во Фрунзе в октябре 1932 г., были подведены итоги первого года работы экспедиции, а также деятельности ряда научных учреждений.

Для решения задач перспективного планирования в феврале 1933 г. АН СССР совместно с правительством республики провела в Ленинграде первую конференцию по изучению производительных сил Киргизской АССР, выводы которой нашли отражение в книге «Киргизия». В феврале 1935 г. в Москве состоялась вторая конференция АН СССР по освоению природных ресурсов Киргизской АССР. Труды этой конференции были опубликованы в двухтомном

издании под названием «Проблемы Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики».

Для дальнейшего усиления помощи Киргизской АССР в хозяйственном и культурном развитии Ленинградский Совет депутатов трудящихся в ноябре 1932 г. принял шефство над республикой. В постановлении по поводу этого отмечалось, что одной из важных задач является «содействие изучению производительных сил Киргизской АССР со стороны Академии наук и научно-исследовательских институтов Ленинграда».

Становление и развитие науки в Киргизии связано с именами академиков Л. С. Берга, Д. И. Щербакова, В. И. Смирнова, члена-корреспондента АН СССР А. А. Саукова и многих других замечательных русских ученых. Так, под руководством Д. И. Щербакова и В. И. Смирнова проводилось изучение сурьмяно-ртутных месторождений Южной Киргизии, где позднее была создана крупнейшая в СССР промышленная база по производству сурьмы и ртути. Л. С. Берг направлял исследования по гидрологии озера Иссык-Куль. Из наиболее важных научных исследований этого периода следует отметить широкий комплекс геоморфологических и инженерно-геологических исследований в Чуйской долине и особенно сейсмически опасных ее участков — Боомского и Кеминского ущелий. В Центральном Тянь-Шане велись гляциологические, а в Джеты-Огузе и Караколе — археологические и этнографические исследования под руководством академика В. В. Бартольда.

Комитет наук при СНК Киргизской ССР, ставший главным научным центром республики, сыграл важную роль в развертывании исследовательской работы, организации новых научных учреждений, руководстве и координации их деятельности. Непосредственно в системе Комитета наук были созданы ботанический сад, музей краеведения, химическая лаборатория и другие учреждения, вошедшие позднее в состав Киргизского филиала АН СССР.

Летом 1937 г. Комитетом наук при СНК Киргизской ССР совместно с республиканским пединститутом организуется историко-археологическая экспедиция под руководством Б. М. Зимы для обследования археологических и архитектурных памятников ряда районов Северной и Южной Киргизии, которая зафиксировала памятники материальной культуры Восточной Ферганы, на перевале Кугарт, у озер Чатыр-Куль, Сон-Куль, в Кочкорке, Караколе и Чуйской долине. Были проведены не-большие разведочные раскопки в Таласе у гумбеза Манаса, в ущелье Кулан-Сай (Киргизский хребет) сфотографированы надписи и наскальные изображения животных.

Для сохранения памятников старины и искусства и организация их реставрации в сентябре 1938 г. СНК Киргизской ССР принял постановление о создании при Комитете наук Отдела археологии, а при нем — Комитета по охране памятников старины и искусства. Отделу было поручено провести в 1939 г. полную инвентаризацию памятников материальной культуры и искусства на территории Киргизстана.

В 1938 г. по решению Совнаркома Киргизской ССР и Комитета наук при СНК Киргизской ССР ботаники И. В. Выходцев и Е. В. Никитина организовали во Фрунзе Ботанический сад.

Большое значение для дальнейших исследований природных богатств и вовлечения их в производство имело создание в 1938 г. Геологического управления, которым наряду с поиском и разведкой различных видов минерального сырья были начаты региональная съемка и составление геологической карты республики средних масштабов.

В конце 30-х годов создаются первые научные медицинские учреждения: в начале 1938 г. во Фрунзе открыт Киргизский институт эпидемиологии и микробиологии, где разрабатывались научные методы борьбы с инфекционными заболеваниями; в 1939 г. — медицинский институт,

где наряду с подготовкой врачебных кадров разрабатывались актуальные проблемы медицинской науки. В эти же годы разворачиваются исследования по борьбе с болезнями сельскохозяйственных животных. В 1940 г. была образована Киргизская научно-исследовательская ветеринарная опытная станция.

Для усиления научно-исследовательской работы в области истории постановлением СНК Киргизской ССР 31 декабря 1940 г. Научно-исследовательский институт киргизского языка и письменности реорганизуется в Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

Проблемы животноводства и пастбищного хозяйства изучались Киргизским научно-исследовательским институтом животноводства совместно с сельскохозяйственным институтом и опытными станциями. Геоботанические экспедиции и стационарные исследования ученых на высокогорных пастбищах значительно расширили изучение флоры республики. Проведенная И. В. Выходцевым кормово-геоботаническая крупномасштабная съемка позволила составить первую геоботаническую карту Киргизской ССР, которая на ВСХВ в 1941 г. была удостоена Большой серебряной медали. В сельскохозяйственном институте разрабатывались проблемы агрономической и ветеринарной науки.

Велось систематическое изучение истории киргизского народа, исследовались вопросы языкознания и киргизской литературы. В 1940 г. вышел в свет составленный К. К. Юдахиным первый киргизско-русский словарь, ставший важным вкладом в киргизскую лексикологию.

Благодаря заботе государства, всесторонней помощи АН СССР в Киргизии постоянно расширялась сеть научных учреждений, увеличивалось число научных работников. Если в 1928 г. было четыре научных учреждения, то в 1940 г. — уже 13, научно-педагогической деятельностью занимались 323 человека, в том числе 13 докторов и 45 кандидатов наук, из них 131 специалист работал в научных учреждениях.

В аспирантуре обучалось 27 человек, в основном представители местной национальности.

Большую роль в подготовке национальных научных кадров сыграли центральные высшие учебные заведения и русские ученые, работавшие в Киргизии. Например, только в Ленинграде в 1927–1941 гг. высшее и среднее специальное образование получили более 600 человек из Киргизии. В самой республике первые научные кадры биологов воспитывались под руководством Л. С. Берга, Е. В. Никитиной, И. В. Выходцева. В подготовке химиков и зоологов участвовали Д. И. Дементьев, Ф. А. Турдаков, лингвистов — К. К. Юдахин и И. А. Батманов, специалистов ветеринарии — К. И. Скрябин, А. А. Волкова и П. И. Ливотов, историков — М. П. Вяткин, А. И. Окладников, А. Н. Бернштам и др.

Развитие научных исследований в Киргизии в годы Великой Отечественной войны было тесно связано с деятельностью эвакуированных в республику институтов Отделения биологических наук Академии наук СССР: физиологии растений им. К. А. Тимирязева, биохимии, микробиологии, генетики, эволюционной морфологии им. Н. Северцова, палеонтологического. Во Фрунзе исследования вели два академика, четыре члена-корреспондента АН СССР, 235 сотрудников академических учреждений. Среди них были такие крупные ученые, как академики А. П. Бах, А. А. Борисьяк, члены-корреспонденты АН СССР Х. С. Коштоянц, Б. Л. Исаченко, Д. Л. Талмуд. В. А. Энгельгардт, члены-корреспонденты АН УССР А. М. Утевский, доктора наук, профессора В. М. Келдыш, Н. М. Сисакян, А. А. Ничипорович и др. Уполномоченным Президиума АН СССР в Киргизской ССР первоначально был член-корреспондент Х. С. Коштоянц, а затем академик А. А. Борисьяк.

Вместе с научными учреждениями Комитета наук и вузами республики институты АН СССР развернули работы, направленные на подъем сельского хозяйства. Исследования

биологов нацеливались на повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства, обеспечение фронта и тыла сырьем и продовольствием. Ученые разрабатывали способы получения витамина С из незрелого грецкого ореха, для производства этого витамина был построен завод в Джалал-Абаде. Исследовались проблемы, связанные с залеганием полезных ископаемых в недрах Киргизии. Под руководством и при активном участии докторов геолого-минералогических наук В. А. Николаева, Д. И. Яковлева, Д. И. Шульца и других удалось открыть свыше двадцати новых месторождений полезных ископаемых, среди них стратегически важных цветных и редких металлов — ртути, сурьмы, вольфрама, свинца.

Ученые-химики разработали технологию получения смазочного продукта из местного сырья для артиллерийских орудий, заменившего дефицитные импортные материалы. Генетики и агрономы рекомендовали новый способ посадки картофеля. Ученые-биохимики предложили способ сохранения витаминов при сушке овощей. Профессор Н. М. Сисакян (позже академик), к примеру, предложил новый способ сушки овощей и картофеля. Экспедиция археологического надзора, возглавляемая профессором А. Н. Бернштамом, собрала ценный археологический материал в зоне строительства Большого Чуйского канала.

При Комитете наук Киргизской ССР был организован Ученый совет в составе 39 наиболее квалифицированных научных работников, в число которых входили такие известные ученые, как члены-корреспонденты АН СССР Б. Л. Исаченко, Х. С. Коштоянц, А. М. Утевский, В. А. Энгельгардт и другие. Крупнейшие советские ученые во главе с президентом АН СССР В. Л. Комаровым при участии академиков С. И. Вавилова, К. И. Скрябина, членов-корреспондентов Д. В. Наливкина, Б. К. Шишкина, В. А. Энгельгардта, Х. С. Коштоянца, С. Е. Малова и других оказали большую помощь делу развития науки в Киргизии в годы

Великой Отечественной войны. Несмотря на трудности военного времени, научно-исследовательская работа в республике проводилась во все более широком плане.

В связи с развитием в республике научно-исследовательских работ, открытием ряда научных учреждений, возглавляемых Киргизским комитетом наук, ЦК КП(б) Киргизии и Совнарком республики еще в начале 1938 г. поставили перед Президиумом АН СССР вопрос об открытии Киргизского филиала АН СССР. Президент АН СССР В. Л. Комаров в своем письме союзному и киргизскому правительству в апреле 1939 г. поддержал эту просьбу, подчеркнув, что «необходимость создания в Киргизской ССР филиала Академии наук вполне назрела», что «Киргизскую республику уже не могут удовлетворить посылки из центров разного рода экспедиций, работы которых не закрепляются в постоянно действующем филиале Академии наук на месте».

Киргизия к этому времени уже располагала необходимыми научными кадрами (их также предполагалось усилить за счет присылки из центра), здесь работали высшие учебные заведения и ряд научно-исследовательских учреждений. Для выяснения возможности создания филиала Президиум АН СССР направил в республику комиссию под руководством академика С. Г. Струмилина, которая признала своевременной организацию Киргизского филиала АН СССР. Однако осуществлению этого весьма важного мероприятия помешала война. И все же руководство Киргизской ССР и Президиум АН СССР пришли к выводу о необходимости создания Киргизского филиала АН СССР.

5 января 1943 г. Совнарком СССР принял постановление «Об организации Киргизского филиала Академии наук СССР». К этому времени Комитет наук при СНК Киргизской ССР фактически уже выполнял функции филиала АН СССР. Непосредственно в состав Комитета наук входили Институт истории, языка и литературы, научно-

исследовательская лаборатория прикладной химии, биологический отдел с ботаническим садом, музей краеведения с богатыми и оригинальными коллекциями, научная библиотека. В Комитете работало три доктора наук, два профессора и 12 кандидатов наук. Комитет руководил также научно-исследовательской работой других институтов, расположенных на территории Киргизии, и поддерживал самую тесную и непосредственную связь с эвакуированными в республику институтами Биологического отделения АН СССР. Постановлением Президиума АН СССР была образована комиссия, которую возглавил А. Н. Бах. Она и внесла предложения о тематике, структуре, кадрах и материальной базе филиала.

Киргизский филиал АН СССР, созданный в 1943 г., явился тем центром, который объединил усилия не только ученых республики, но и научных сил страны на стратегических направлениях развития Киргизии. В филиал входили институты: геологический, биологический, химический, языка, литературы и истории, имевшие 8 секторов, 17 лабораторий, а также экономико-географическую группу, Ботанический сад, Музей национальной культуры и научную библиотеку. В них работали 158 научных сотрудников, в том числе академик К. И. Скрябин, член-корреспондент АН СССР В. А. Николаев, 12 докторов и 22 кандидата наук, заслуженный деятель науки Б. Г. Массино. Председателем филиала был избран академик К. И. Скрябин, его заместителями — Дж. Шукуров (бывший нарком просвещения Киргизской ССР) и Б. Г. Массино (он же директор Биологического института КиргФАН), ученым секретарем — профессор П. В. Власенко (бывший председатель Комитета наук республики).

Выступивший на торжествах с речью по поводу открытия филиала академик В. Л. Комаров заявил: «Грохот пушек не заглушит в нашей стране голоса науки, а напротив, он вдохновляет наших ученых выполнять свой

патриотический долг служения социалистической Родине». Он охарактеризовал структуру филиала и назвал проблемы, стоящие перед новым центром киргизской науки: это изучение растительных ресурсов, описание и составление ботанических справочников и карт, акклиматизация и интродукция ценных культур, лекарственных и кормовых богатств, а также дикорастущих растений, всемерное развитие животноводства, оздоровление его путем проведения рациональных, научно обоснованных мероприятий, расширение перспектив исследования и скорейшего освоения недр, минерально-сырьевых ресурсов Киргизии, изучение культурного наследия киргизского народа, его языка, литературы и истории, составление и издание русско-киргизского и киргизско-русского словарей. «Киргизский филиал, — сказал в заключение В. Л. Комаров, — может стать центром научной мысли в республике, способствовать ее дальнейшему экономическому и культурному подъему, увеличить вклад киргизских ученых в общую сокровищницу науки Советского Союза».

Академик К. И. Скрябин подчеркнул: «Киргизский филиал вступает в жизнь не в младенческом, а в юношеском возрасте, поскольку его предшественниками — коллективами научных деятелей Киргизии разных специальностей уже проделана весьма солидная исследовательская работа». Одной из наиболее важных и первоочередных задач было создание местных научных кадров. С этой целью помимо организации аспирантуры в Киргизии предусматривалась подготовка научных кадров при головных научных учреждениях АН СССР.

Всю свою деятельность филиал подчинил мобилизации ресурсов Киргизии на нужды обороны страны, дальнейшему развитию промышленности и сельского хозяйства.

Только за один год ученые провели 19 геологических, биологических, химических, археологических и фольклорных экспедиций. Были получены существенные результаты

в области геологии, особенно в изыскании местного минерального сырья, составлены геологическая и гидрогеологическая карты Киргизии, завершено научное оформление Южно-Киргизского каменноугольного бассейна и разработан ряд актуальных вопросов водоснабжения промышленных предприятий.

Геологи «Цветметразведки» под руководством профессора В. И. Смирнова провели большую работу по расширению разведанных запасов ртути. Ценное исследование провел кандидат геологических наук Н. М. Синицын, уточнив и на фактическом материале дополнив положение о закономерности размещения ртутных рудопоявлений в Южной Киргизии. В целях воспитания молодой научной смены Геологический институт привлек к работе и закрепил за специалистами студентов старших курсов Киргизского педагогического института.

В Биологическом институте велись работы по расширению ботанического сада, по интродукции и акклиматизации некоторых культур, готовились материалы к созданию труда «Флора Киргизской ССР». Сотрудники зоологического сектора института разрабатывали вопросы экологии сельскохозяйственных вредителей и меры борьбы с ними, проводили экспериментальную работу по изучению экологии и физиологии овец и лошадей в высокогорных условиях. Ученые-биологи обследовали около 2 млн. гектаров горных пастбищ Киргизии, составили их карту и геоботаническое описание, сыгравшие значительную роль в развитии отгонного животноводства. Широко исследовались лекарственные растения.

Ученые Института химии разработали теоретические основы переработки и технического использования минерального сырья, уделив особое внимание изучению местных углей, солей и редких металлов, а также вопросам синтеза и применения в строительном деле новых взрывчатых веществ из местного сырья. Так, под руководством

Н. М. Сытого был разработан метод производства взрывных работ на строительстве гидростанций, шоссейных дорог и мелиорации сплавных рек.

Только в 1944 г. институты геологии, химии и биологии завершили 44 темы, касающиеся изучения и освоения природных ресурсов Киргизии.

В исследованиях ученых-обществоведов видное место занимала военно-патриотическая тематика: пропаганда идей защиты социалистического отечества, советского патриотизма и пролетарского интернационализма, дружбы народов СССР, справедливого и освободительного характера Великой Отечественной войны, закономерности победы Советского Союза над агрессором. Институтом языка, литературы и истории исследовались орфография и синтаксис киргизского языка, принципы оформления терминологии, содержание эпоса «Манас» для установления эпохи его возникновения и историчности отдельных эпизодов. Велась работа над монографиями и учебниками по истории Киргизии.

Важным событием в общественной и культурной жизни республики стал выход в свет русско-киргизского словаря, созданного Х. Карасаевым, Дж. Шукуровым и К. К. Юдахиным. Лингвистами под руководством И. А. Батманова была разработана научная грамматика киргизского языка. В 1945 г. под руководством Х. Карасаева начато составление толкового словаря киргизского языка.

В послевоенные годы перед учеными встали новые задачи.

В биологии намечались исследования проблем интродукции плодоводекоративных культур в Чуйской долине, флоры, растительности, микрофлоры, физиологии сельскохозяйственных культур и почв, позвоночных животных, птиц, рыб и рыбного прудового хозяйства, энтомофауны, гельминтофауны, физиологии, акклиматизации животного организма к большим абсолютным высотам, биохимии гельминтов.

Основными направлениями геологических наук были исследования в области тектоники, металлогении, магматических и метаморфических формаций, стратиграфии, а также неметаллических полезных ископаемых, гидрогеологии и гидрогеохимии минеральных вод Тянь-Шаня. Планом научных исследований предусматривались также работы по химии редких и рассеянных элементов, изучению органического сырья, горючих ископаемых, процессов взрыва и их практического применения в народнохозяйственном строительстве.

Решаемые специальным сектором проблемы включали комплексные исследования водных ресурсов в целях их максимального использования для поливного земледелия, утилизацию водной энергии, рациональное использование поверхностных и грунтовых вод в сельском водоснабжении. Экономико-географическая группа сосредоточила усилия на разработке двух проблем: «Экономическая география Киргизской ССР» и «Экономико-географический атлас Киргизской ССР». Особая курортологическая группа занималась изучением минеральных источников и грязей.

Большие задачи стояли перед гуманитарными науками в области истории, археологии, этнографии, языка, литературы, фольклора и искусства киргизского народа. В течение пятилетия предполагалось написать три тома четырехтомной «Истории киргизов и Киргизстана», подготовить к печати серии «Материалы по истории киргизского народа и Киргизстана». Планировалось создать первый большой труд «Очерки по этнографии Киргизской ССР». Намечалось начать антропологическое изучение населения республики. В перспективе предполагалось существенно расширить и углубить работы по изучению киргизского фольклора, подготовить и опубликовать полный текст эпоса «Манас» на киргизском языке, приступить к подготовке полного академического издания эпоса «Манас» с научными комментариями и указателями. Было намечено

разработать «Историю киргизской литературы», всесторонне изучить диалекты киргизского языка, составить его научную грамматику. Планировались исследования в области дунгановедения, искусствоведческих дисциплин.

Таким образом, перед коллективом филиала ставились обширные и важные научно-исследовательские проблемы. Многие из них были выполнены в намеченное время, некоторые оказались настолько трудоемкими, что разрабатываются до сих пор.

Накопленный опыт и результаты научно-исследовательских работ в Киргизии, имеющийся научный потенциал позволили в 1954 г. ставить вопрос об организации Академии наук Киргизской ССР. К этому времени КирФАН объединял шесть институтов (геологии, химии, ботаники и растениеводства, зоологии и паразитологии, водного хозяйства и энергетики, языка, литературы и истории) и три самостоятельных отдела (геофизики, (почвоведения, экономики), в которых работали 500 сотрудников, среди них было 13 докторов и 83 кандидата наук. В филиале обучалось 33 аспиранта, 6 ученых работали над докторскими диссертациями; кроме того, 20 аспирантов и докторантов готовились к защите диссертаций в академических учреждениях Москвы и Ленинграда.

В начале 50-х годов работа филиала неоднократно обсуждалась на заседаниях Президиума Академии наук СССР, где отмечались заметные достижения и определялись главные направления исследований. Как отмечалось, к примеру, в постановлении Президиума АН СССР «О деятельности КирФАН СССР за 1952 г.», филиал организационно окреп и выполнил ряд научных исследований, связанных с народнохозяйственными задачами Киргизской ССР.

17 августа 1954 г. Совет Министров СССР принял предложение ЦК КП (б) Киргизии и Совета Министров республики об организации во Фрунзе на базе Киргизского филиала АН СССР и ряда других республиканских

научных учреждений Академии наук Киргизской ССР. Для подготовки вопросов, связанных с созданием академии, Совет Министров Киргизской ССР образовал организационный комитет, в который вошли академик К. И. Скрябин, член-корреспондент АН СССР А. А. Сауков и другие представители АН СССР.

20 декабря 1954 г. состоялось торжественное заседание, посвященное открытию Академии наук Киргизской ССР. В постановлении ЦК КП (б) Киргизии, Президиума Верховного Совета и Совета Министров республики отмечалось, что открытие республиканской академии «является историческим событием в жизни киргизского народа, свидетельствующим о росте его экономики, науки и культуры», выражалась уверенность, что ученые республики не пожалеют сил и знаний для дальнейшего расцвета науки и культуры в Советском Киргизстане, внесут свой вклад в развитие советской науки.

В своем постановлении от 18 декабря 1954 г. Совет Министров Киргизской ССР установил численный состав Академии наук Киргизской ССР — 17 действительных членов и 23 члена-корреспондента. Из 100 докторов, кандидатов наук и заслуженных деятелей науки и культуры, выдвинутых научно-исследовательскими учреждениями и высшими учебными заведениями республики, были утверждены действительными членами Академии наук Киргизской ССР (академиками): И. К. Ахунбаев (хирургия), Б. Д. Джамгерчинов (история Киргизии), Н. И. Захарьев (зоотехния), И. А. Батманов (тюркология), А. А. Волкова (ветеринарная микробиология), И. Г. Дружинин (общая и неорганическая химия), А. А. Алтмышбаев (философия), Т. Сыдыкбеков (писатель), Е. А. Розова (сейсмология), Д. Алышбаев (политическая экономия), К. К. Юдахин (тюркология), А. Токомбаев (писатель), Б. Юнусалиев (киргизское языкознание). Членами-корреспондентами АН Киргизской ССР — М. М. Адышев (геохимия), М. Н. Большаков (водное

хозяйство), М. П. Вяткин (история народов СССР), О. А. Дудинов (медицина), Г. А. Евтушенко (физиология растений), Ф. И. Каширин (геология), Б. Керимжанова (киргизская литература). М. Н. Лушихин (зоотехния), А. Мамытов (агрочвоведение), К. Рыскулова (хирургия), А. А. Салиев (философия), К. К. Сартбаев (киргизское языкознание), К. Шатемиров (физическая химия), В. Г. Яковлев (биология животных).

21 декабря открылась первая сессия Общего собрания Академии наук Киргизской ССР. Почетным академиком АН Киргизской ССР был избран один из организаторов и первый председатель Киргизского филиала АН СССР академик К. И. Скрябин. Президентом Академии наук Киргизской ССР избран академик И. К. Ахунбаев, вице-президентами — академики А. А. Алтмышбаев и Н. И. Захарьев, академиком-секретарем президиума — член-корреспондент АН Киргизской ССР В. Г. Яковлев, академиками-секретарями отделений: естественных и технических наук — академик И. Г. Дружинин, биологических наук — академик А. А. Волкова, общественных наук — академик Б. Д. Джамгерчинов.

В состав Академии наук республики вошли следующие институты: геологии, ботаники, химии, водного хозяйства и энергетики, зоологии и паразитологии, краевой медицины, языка и литературы, истории. На заключительном заседании участники первой сессии Академии наук Киргизской ССР приняли обращение ко всем работникам науки и культуры республики, в котором намечались основные направления научной работы. С этого времени процесс развития научных исследований идет под непосредственным воздействием Академии наук Киргизской ССР — штаба республиканской науки.

Публикуется по изданию:

Очевидность невероятного // Академическая наука Киргизстана. История и проблемы. Фрунзе, 1990.

Часть вторая

**Е. Д. Поливанов
и «Манас»**

Тысячелетний юбилей эпоса «Манас» вызвал всемирный интерес к этому уникальному эпическому памятнику кыргызского народа. Но мало кому известно, что у истоков научного и поэтического перевода эпоса на русский язык стоял выдающийся лингвист, полиглот, автор монументальных трудов по сравнительному языкознанию и школьных учебников Евгений Дмитриевич Поливанов, проживший последние три года своей жизни в Кыргызстане (1934–1937), безвинно репрессированный и расстрелянный в 1938 г. в Москве.

Лет 50 тому назад, уже будучи кандидатом наук, я случайно обнаружил в пыльном углу академического архива разбросанные тетради с рукописями, которые привлекли мое внимание. Среди них были испещренные мелким почерком страницы фрагментов перевода на русский язык киргизского эпоса «Манас». Это оказались тетради знаменитого ученого-полиглота Е. Д. Поливанова.

ВВОДНАЯ

Из проекта так и не принятой юбилейной декларации тысячелетний «Манас» суверенного Кыргызстана

Кыргызский народ после обретения государственности и с началом подлинно независимого, демократического становления и формирования правового государства получил возможность продемонстрировать окружающему миру реальные источники своих духовных сил, сохранить и приумножить философское, культурно-гуманитарное и общечеловеческое наследие своих предков. Центральное место в нем занимает грандиозный эпос «Манас», веками аккумулировавший плоды духовного развития кыргызов. И ныне «Манас» продолжает служить животворным источником, питающим народную мудрость.

I

1000 лет минуло с тех пор, как начал слагаться героический эпос кыргызского народа «Манас». Он переходил от поколения к поколению в устной форме.

«Манас» энциклопедичен и уникален. Он олицетворяет свободолюбие кыргызов, воспитывает патриотизм и любовь к своему народу, стремление к согласию, единству, добрососедству. В нем сплетены воедино общечеловеческие понятия добра и зла, надежды и чаяния, философские воззрения на человека, общество, природу и Вселенную. В нем содержатся сведения по истории и быту, географии и медицине, экономике и экологии. Отражены процессы как политического характера, так и проблемы социально-экономического, культурного, государственного развития общества Эпохи Манаса.

Манас — главный герой эпоса — человек своего, уже далекого от нас, времени. Он выражает лучшие качества своего народа — великодушие и справедливость, бескорыстность и честность, терпимость и доверие. Нетрудно заметить созвучность этих черт с центральными идеями, вынесенными ООН на передний план своей международной деятельности.

II

В VI—IX веках на берегах Енисея полнокровно развивалась и достигла своего расцвета кыргызская государственность. Древнее кыргызское государство явилось одним из центров тюркской цивилизации.

В Центральной Азии была создана руническая письменность, названная орхоно-енисейской.

В хронологическом плане в эпосе «Манас» можно усмотреть этнографические реалии, начиная с гуннских времен (примерно с III в. до н. э.), а затем древнетюркского и древнекыргызского периодов истории кыргызского народа. IX век считается периодом «кыргызского великодержавия». Упадок кыргызского государства, начавшийся в X в., завершился в XIII столетии в орбите монгольской империи.

Зарождение, формирование и развитие такого величественного эпического произведения, как «Манас», очевидно, имело место, как непосредственный культурный результат, духовная реакция кыргызов на бесчисленные бедствия, которые обрушились на кыргызский народ, когда рухнуло великодержавие. Это была художественная память народа об эпохе кыргызского великодержавия, как образное воспоминание о давно ушедших временах, полных героических свершений, деяний и устремлений. В «Манасе» нашли свое эпическое воплощение стихийные, интуитивные поиски кыргызскими племенами путей к взаимному сближению, единению, к национальной консолидации перед угрозой порабощения.

Содержание и поэтика эпоса «Манас» — сложны и многогранны. В эпосе в некотором синкретическом единстве переплетены архаические сюжеты — борьба богатыря с чудовищами, великанами, драконами, этика быта патриархального общества, многочисленные древние традиционные поэтические формулы и древняя звукоорганизация стиха. Эпос повествует об извечных общечеловеческих истинах, о таких категориях, как добро и зло, честь и доблесть, дружба и чувство долга, любовь к отечеству и неустанная борьба за независимость. Они раскрываются в самых различных сюжетных ситуациях, связанных с деяниями богатыря Манаса, — в батальных сценах, описаниях мирной жизни, кочевий, народных обрядов, сопровождающих эти эпизоды. Воспевание неукротимой, неистойвой доблести (Манас и его 40 богатырей) соседствует с воспеванием мудрости и осмотрительности (Бакай, Кошой). Главная идейная платформа эпоса — борьба за независимость. И именно это — красная нить его сюжетной эволюции. Ныне эта стержневая идея эпоса нашла воплощение в исторически иной обстановке, которая позволяет народу Кыргызстана на равных с другими государствами войти в мировое сообщество.

III

На протяжении многих столетий «Манас» во всем своем объеме не был достаточно широко известен народам Азии и других континентов. Сегодня, с бурным развитием средств массовой информации, он становится доступным для всех. Ознакомить мировое сообщество с духовным миром и истоками культуры кыргызов — вот историческая задача, которую предстоит выполнить эпосу в новую эпоху.

«Манас» создан народом. Наиболее одаренные представители народа — манасчи — непосредственные его творцы, носители традиции, которая не может и не должна быть утрачена.

Сокровищница мировой культуры едина. В ней находят место вершинные творения, достижения, созданные в различные исторические эпохи. Определить место, которое занимает «Манас», чем он способен одарить мировую культуру, — цель сообщества ученых, задача юбилейных научно-практических мероприятий.

Мир с его общечеловеческими ценностями неделим и взаимообусловлен. Объявление 1995 года Международным годом 1000-летия эпоса «Манас», с этой точки зрения, означает дальнейшее утверждение надежд новых демократических государств на гармоничное социально-экономическое развитие в обстановке взаимопонимания.

Празднование 1000-летия великого эпоса «Манас» способствует:

- знакомству с кыргызской культурой мирового сообщества;
- глубинному взаимопониманию народов;
- залогоу мира в общественном сознании;
- изучению культурного наследия человечества;
- сохранению культурного наследия различных народов со всеми местными, национальными и религиозными особенностями его;
- развитию обмена в области культуры с использованием современных методов распространения знаний;
- признанию культурных ценностей Средней Азии, в частности эпоса «Манас», который является достижением не только тюркских народов, но и всего человечества.

Ныне эпос не только историческая ценность, но и гибкое неразрывно-прочное звено, соединяющее прошлое, настоящее и будущее народов Кыргызстана.

«МАНАС» И ИДЕОЛОГИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ КЫРГЫЗСТАНА

Разброс мнений ученых

Эпос «Манас» уникален не только размерами, кругом героев, насыщенностью сюжетов, глубиной идеи. Он уникален и своей ролью в истории кыргызов, которую не смог взять на себя ни один эпос в мировой истории. В XV — начале XVI в. он стал той идеологической основой, на которой разнородные, разобщенные племена кочевников Ала-Тоо объединились, сформировав таким образом кыргызскую народность. Роль «Манаса» для них стала чем-то вроде «Библии» для христианского и «Корана» для мусульманского мира.

Да, Манас объединил кыргызов. Но объединение это было достаточно «аморфным». В основном оно имело место в периоды военных действий. В иные времена крупные роды жили очень самостоятельно и независимо друг от друга, не было централизованного управления. Сами понятия «государство» и «государственная власть» не подходят к форме объединения кыргызских родов, нашедшей отражение в эпосе «Манас».

Более того, этническое единство порой достигалось не как результат общенационального патриотизма, а на основе страха: один род становился главенствующим, подчиняя силой других. И в те времена имеющие власть под лозунгами «единства и братства», взывая к чувству «этнического единения», умели объединить людей для реализации корыстных, захватнических целей. Единство

обеспечивалось силой диктата хана. Право было только за ним. Вернее, понятия «право» вообще не существовало. Была воля хана, была покорность подданных. Не был исключением и Манас. Он был не только защитником кыргызов, но и завоевателем, не только справедливым и благородным богатырем, но и жестоким ханом, нагонявшим ужас не только на врагов, но и на своих сородичей. И порой тоже силой объединял кыргызов.

Сегодня в цивилизованном мире именно общность интересов, осознание своего суверенитета, патриотизм кыргызстанцев, всех этнических групп, живущих на благодатной кыргызской земле, объединяют нас. Мы, потомки Манаса, живем в ином времени, в измерениях цивилизованного мира, ушедшего далеко вперед и возвысившегося, поднявшегося на недостижимую даже для Манаса высоту. Существует мировое сообщество. По большому счету, Миром правят не злой инстинкт и оружие, а высокий Разум и доброе Согласие. Каждый народ на своей земле, используя достижения человеческого разума, может обеспечить себе приличную и даже процветающую жизнь. Нет необходимости ради собственного выживания отбирать богатства у других народов, захватывать чужие земли. И мы сегодня отстаиваем свою свободу и независимость не с оружием в руках, а опираясь на высокие идеалы мирового сообщества, закрепленные в документах ООН, на поддержку мировой общественности, завоевывая авторитет миролюбивой, открытой, демократической политикой.

В преддверии юбилея эпоса неистовые поклонники Манаса «вытащили» на предмет стихийного обсуждения «идеологию Манаса», которая, как они полагают, должна стать для нас «компасом и совестью». Но совершенно очевидно, что современная идеология не может быть создана на основе положений эпоса. Эпос не может служить материальным источником и носителем идеологии. Идеология рождается из материальной жизни и ее материальными

носителями являются живые люди, а не персонажи эпоса.

Если даже предположить, что в «Манасе» есть идеология — то это идеология эмпирического понимания жизни, ее целей и задач. Но тогда иного и не было дано. Тогда не шла речь ни о едином государстве, ни о демократическом обществе, а воспевались кыргызская исключительность, подчинение народа воле хана. Поддерживалось признание своих, отрицание чужих прав. То была идеология силы, жестокости, навязывания своей воли, а не идеология мира, согласия и разума.

Ныне мы строим демократическое правовое государство, а не кочевое кыргызское ханство с автономно живущими родами, проникнутыми взаимной подозрительностью, враждебностью, что было поводом к бесконечным междоусобным войнам. Мы строим целостное государство народовластия, а не ханство, где хан — повелитель, а все остальные — его бесправные подданные.

И сегодняшнюю идеологию следует строить не умозрительно, на каких-то идеологических посылах прошлого, а исходя прежде всего из потребностей современной жизни, понимания ее ценностей и целей, заглядывая в завтрашний день. Общациональная идеология должна утверждать не ценности прошлого, а сегодняшние ценности и ценности будущего. Наша идеология должна быть идеологией демократического обновления.

Т. Койчуев, академик

Роль «Манаса» в духовной жизни кыргызского народа достойна пристального внимания ученого. Современная наука учит различать содержание и смысл. В эпосе говорится о событиях, происходивших тысячу лет назад. Таково его содержание. А смысл его касается каждого из нас. Он способен увлечь внимание каждого читателя или слушателя. Смысл эпоса заключается в том, что он говорит о единении народном, о победах и поражениях,

мудрости и любви, гневе и торжестве — одним словом, о таких категориях и понятиях, которые и спустя тысячу лет не утратили своего значения.

Говоря об эпосе «Манас», следует отметить следующее: идеология пробивает себе дорогу в массовое сознание через тексты, понятные и распространенные. И что особенно важно и интересно — через тексты, которые носят повествовательный характер, которые не доказывают, а рассказывают. Рассказывают о событиях и людях сильно и поэтически. (Замечу, что именно таковы многие религиозные тексты, чем и объясняется их влияние). Можно ли извлечь из эпических произведений далекого прошлого, живущих в памяти и творчестве народном, мысли, имеющие современное значение? Думаю, что да. Однако представляется, что испытание временем выдержали именно те мысли, именно те идеи, которые в своей основе являются общечеловеческими, то есть имеющими значение для всех времен и народов.

А. А. Брудный, член-корр., проф.

«Манас» уже реально становится символом Кыргызстана. Высказаны хорошие, правильные, высокие идеи. Однако я хотел бы в определенном смысле «приземлиться». Как донести эти идеи до людей и прежде всего молодого поколения? Я не могу себя отнести к числу исследователей «Манаса». Но всегда интересовался древней историей и эпохой эпоса. Когда же исследовал творчество Поливанова — большого знатока и переводчика «Манаса» 30-х годов, окончательно понял, что мне не осилить эпос в подлинно научном исследовательском плане. Поэтому сейчас я больше популяризатор истории и эпохи «Манаса». И здесь столкнулся с поразительным явлением — незнанием школьников и студентами эпоса. Могу судить только по столичным школам и вузам: не знают эпоса русские, не знают и кыргызские школьники, не знают студенты

вузов. Что это значит? Тревогу вызывает тот факт, что нет популярной школьной и детской литературы о Манасе, нет и учебников. И это меня как преподавателя серьезно тревожит. Я специально провел опросы — и в прошлом учебном году, и в новом, 1995, учебном году.

Надо, как мне представляется, не только и не столько лозунгами заниматься, а как можно шире распространять сам эпос, в оригинале и многочисленных переводах и даже в любых переложениях.

Почему школьники больше знают легенды и мифы Древней Греции? Потому что несколько поколений учащихся, и в Кыргызстане в том числе, изучают их в школьной программе. А эпос — не изучают (по крайней мере, так было до последнего времени). Нужна учебная литература, а ее либо нет, либо она не доходит до школ. Например, на складе залеживаются невостребованные первые экспериментальные учебные пособия, а в школах их острая нехватка. Это, видимо, тоже знамение нашего времени — переходного периода.

В. М. Плоских, член-корр., проф.

Интеллектуально-идеологический потенциал эпоса «Манас» колоссален. Он уже не раз в переломные моменты истории кыргызов становился «материальной силой». Например, в XV—XVI вв. великий кыргызский эпос стал объединительной идеологической основой для множества племен и родов в период формирования кыргызской народности на Тянь-Шане. Явление уникально: в истории народов подобную роль не удалось сыграть ни одному известному эпосу. Его значение в истории кыргызов сравнимо только со значением «Корана» для мусульман и «Библии» — для христиан. Ни «Библия», ни «Коран», как показала их многовековая история, даже в период гонений, не потеряли своей притягательной силы. Уверен, что для кыргызского народа ее не потерял и «Манас». Ныне задача в другом:

как сделать идеи эпоса конструктивными для всех народов многонационального Кыргызстана?

В развитие выступления чл.-корр. В. М. Плоских отмечу: действительно, ни школьники, ни студенты практически не знают ни развития сюжета эпоса, ни идей, ни его основных героев. На вступительных экзаменах в Международный университет Кыргызстана в «год Манаса» я задавал вопросы: «Как звали родителей Манаса?», «Кто главные враги Манаса?», «Кого мы называем Гомером XX в.?» и т. п. Из сотен опрошенных, в том числе и медалистов, относительно компетентным был ответ лишь одного(!) юноши из Таласа.

Отсюда вывод: необходимо ввести в школьные и университетские программы Кыргызской Республики новый учебный предмет — «манасоведение». Однако здесь нужно «торопиться, не поспешая». Серьезным препятствием на пути эпоса в массы, особенно русскоязычные, является отсутствие хорошо подготовленных преподавателей и современной учебной литературы.

Могут возникнуть и надуманные, формально-схоластические препятствия. Так, в Турции, вероятно, с подачи наших дипломатов — видных деятелей культуры и науки Т. Океева и А. Мокеева, серьезно обсуждался вопрос о преподавании эпоса «Манас» в школах. Соответствующее министерство нашло это нецелесообразным под тем предлогом, что в эпосе «много эротики». Для нашего восприятия великого эпоса подобное препятствие, конечно же, из области курьезов.

В. П. Мокрынин, канд. историч. наук

В «Манасе» есть эпизод: войско заблудилось в глухом лесу Байдамтала. Ныне существует ботанический заказник «Байдамтал»... но в нем нет ни одного дерева!

Древней страстью кыргызов была охота. И богатырь Манас со своими удалыми соратниками нередко устраивал

многодневную охоту на диких баранов и козлов. Эти сцены в эпосе захватывающе красочны и эмоциональны. Однако многие места, упомянутые в эпосе как изобилующие дичью, сейчас пустыни. Уже на нашей памяти «тысячные» стада диких зверей превратились в «сотенные», а от «сотенных» остались единицы. В большинстве мест прежнего обитания дичь полностью исчезла.

В «Манасе» сотни упоминаний птиц и зверей. Это один из самых «населенных» представителями дикой природы мировой эпос. Природа «Манаса» могуча, как сам Манас, как народ, жизнь которого неразрывна с жизнью природы. Именно в ней он черпал и черпает свои силы и вдохновение.

Из «Манаса», как и других эпических творений кыргызского народа, мы должны усвоить важную идею о единстве народа и природы. Оскудение природы ведет не только к материальным потерям, но и к духовному обнищанию народа. Край, очаровавший Манаса и ставший родиной его потомков, будет иметь перспективы в будущем, только если будут сохранены и приумножены природные богатства. XXI век должен стать для Кыргызстана веком экологии... или его вообще не будет.

Э. Шукуров, докт. географ. наук

Е. Д. ПОЛИВАНОВ: СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Уже при жизни он стал всемирно известным ученым, признанным лидером нового направления в лингвистике. Его труды переводились на иностранные языки, особенно ценились и переиздавались в Японии. У нас же делалось все возможное, чтобы замолчать его исследования. Опубликованные научные труды были изъяты из обращения, а неопубликованные рукописи и сейчас находятся за «семью печатями», в секретных фондах недостижимых архивов. И хотя в последнее время стали появляться статьи и книги о жизненном и творческом пути ученого, организуются конференции, посвященные его памяти, изданы избранные произведения, имя его все еще не заняло достойного места в истории науки. В Кыргызстане, где прошли последние три года жизни и научных исследований выдающегося лингвиста современности, где написаны труды по дунганскому и кыргызскому языкознанию, по манасоведению, как это не прискорбно, нет серьезных публикаций об ученом, не собраны и не изданы последние его исследования, никак мемориально не отмечено его пребывание здесь.

* * *

В свое время нами была получена из Самаркандского областного государственного архива «Ведомственная анкета Наркомпроса УзССР» Е. Д. Поливанова. Это ксерокопия интереснейшего документа — анкеты, заполненной лично Е. Д. Поливановым, с подробными ответами на большинство вопросов. И хотя анкета была до этого проанализирована

Е. Д. Поливанов

московским биографом ученого В. Ларцевым в книге «Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности» (М., 1988), она представляет интерес и для нас, ибо остался открытым ряд вопросов, на которые может дать, но еще не дал ответа «фрунзенский» период жизни ученого.

Анкета заполнена Е. Д. Поливановым 14 апреля 1931 г. во время работы в Самаркандской педагогической академии. Она отражает основные вехи жизни, причем упор делается не на научно-педагогическую, а на общественно-политическую деятельность. Автор даже слегка мистифицирует свою биографию. Так, в графе «год, месяц, число рождения» собственной рукой выводит: «28 февр. 1892 г.» Хотя, судя по другой архивной справке, он родился в 1891 г.

В «Краткой биографии» в анкете Е. Д. Поливанов пишет: «Сын железнодорожника и матери-писательницы, участницы освободительного движения... По окончании гимназии

поступил в университет и одновременно в Восточную Академию (окончил их в 1911–1912 гг.). Получил предложение остаться при университете для приготовления к профессуре по кафедрам: 1) русской литературы; 2) сравнительного языкознания; 3) тибетского языка. Избрал сравнительное языкознание, в 1914 году закончил магистерский экзамен и с 1915 года стал приват-доцентом (по японскому языку, а затем по сравнительному языкознанию). В 1917 г. принимал участие в политработе, еще до Октябрьской революции (в Совете крестьянских депутатов, где в бюро печати был одним из двух всего имевшихся там интернационалистов), печатался в «Новой жизни» Горького, с Октябрьской революции (с самого первого дня ее) стал на работу Советской власти. Среди всего состава профессуры Петербургского университета стали на сторону Советской власти только двое: проф. Рейснер и я. С тех пор работаю по специальности и в разных должностях на практической работе».

В графе «Научные труды, какие и год их издания» Е. Д. Поливанов записал: «Свыше ста научных работ (из них свыше 20 научных изданий). 1913–1931». В графе «Какими языками владеет» скромно ответил: «Французским, немецким, японским, китайским, узбекским, английским и некоторыми другими». Ученый был фактически полиглотом и в другой анкете писал, что знает 16 языков (а лингвистически — еще два десятка).

В воспоминаниях узбекского журналиста М. С. Кардашева, многие годы близко знавшего Е. Д. Поливанова, есть такая реплика ученого по этому поводу:

« — Разве это много? — обронил он однажды, — Всего сорок шесть, а кардинал Мецофани знал семьдесят два. Вот это действительно полиглот».

Но достоинство Поливанова не только в знании языков, а в их творческом, научном использовании в своей многогранной деятельности: лингвиста-исследователя, переводчика, поэта, дипломата и педагога.

Каков же научный вклад Е. Д. Поливанова в лингвистику до приезда в Кыргызстан?

Один из первых красных профессоров Е. Д. Поливанов уже в 20-е годы — автор целого ряда основополагающих лингвистических трудов, он занимает ведущее место в сравнительном языкознании, является признанным лингвистом-востоковедом... до те пор, пока не выступил с ревизией «нового учения о языке» Н. Я. Марра, яфетическая теория которого считалась вершиной марксистского языкознания.

Выступить против «учения» Марра было не только сложно, но и опасно: Марра поддерживали А. В. Луначарский, другие представители власти, видя в нем авторитетного ученого старой школы, полностью перешедшего на коммунистические позиции. Поливанов был первым квалифицированным ученым-лингвистом, который выступил против теории Марра, вульгарность которой была доказана много позже. 4 февраля 1929 г. Евгений Дмитриевич делал доклад в Коммунистической академии на тему: «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория», и сразу же оказывается в оппозиции к официальному, марровскому, языкознанию.

Забегая вперед, отметим: современные лингвисты признают, что именно Е. Д. Поливанов стоял на правильных научных позициях и если бы марровская теория административными силовыми мерами не заглушила идеи Поливанова, современное сравнительное языкознание в своем развитии ушло бы далеко вперед. Признаемся, однако, что его идеи за рубежом сразу нашли признание, были развиты и к нам возвратились позже, уже через иностранную науку.

Вокруг Поливанова сложилась такая атмосфера (и это в начале 30-х годов!), что многие издательства просто боялись публиковать работы «антимарксистского» профессора, вокруг него начали плестись интриги. Общая невыносимая атмосфера усугубилась обострившейся болезнью.

⁴ Том VII. Кн. 2 В. М. Плоских

Для заглушения физической и духовной боли ученому все чаще приходилось прибегать к морфию, развивалась наркомания. Работать в центре ему практически не давали, и он приехал в Среднюю Азию, сначала в Самарканд, затем — в Ташкент.

Здесь он много и упорно работает над созданием письменности и грамматики языков коренных народов Средней Азии, продолжает заниматься общетеоретическими проблемами языкознания, основными способами образования языков — интеграцией и интерференцией, фонетической эволюцией и пр.

В 30-х годах в Ташкенте часто бывал сначала по служебным, а затем научным делам известный кыргызский организатор науки, поэт и ученый Касым Тыныстанов. Будучи сам лингвистом, признанным в стране тюркологом, К. Тыныстанов, естественно, не мог оставить без внимания судьбу выдающегося коллеги. И решил пригласить Е. Д. Поливанова в Киргизию, обещая создать нормальные условия для работы и жизни.

Е. Д. ПОЛИВАНОВ В КЫРГЫЗСТАНЕ

В январе 1934 г. в Ташкенте состоялось всесоюзное совещание по орфографии. От Кыргызстана в ней участвовали бывший министр народного образования Касым Тыныстанов и молодой научный сотрудник Института культурного строительства Юсуп Ян-Шан-Син.

После конференции командировку К. Тыныстанову продлили с задачей: «изучить организационный опыт работы в Узбекистане с правом принимать необходимых в киргизский институт». Вскоре для работы во Фрунзе по личному приглашению К. Тыныстанова приезжает профессор Е. Д. Поливанов.

Приказом по Институту культурного строительства от 21 июля 1934 г. Е. Д. Поливанов зачисляется «научным сотрудником Института в должности действительного члена по дунганскому сектору с окладом 600 руб. в месяц. Испытательный срок с заключением персонального договора».

Во Фрунзе свободных квартир не было, и Поливанов с женой Бригиттой Альфредовной Бирк (эстонкой по национальности) поселился сначала в гостинице, затем в однокомнатной квартире дома № 92 по ул. Дзержинского (ныне пр. Эркиндик). По воспоминаниям современников, это был худощавый, коренастый человек, без левой руки (в молодости потерял кисть при неосторожной посадке в трамвай, однако ходили слухи, что еще гимназистом он на пари положил ее под колеса поезда — еще один пример мистификации, которую любил ученый?), привлекавший собеседников своей эрудицией, ораторским красноречием и обаянием.

Основная область работы Поливанова в Институте культурного строительства (вскоре переименованного в Институт

кыргызского языка и письменности), — кыргызский и дунганский языки: составление учебников, словарей; изучение и перевод на русский язык эпоса «Манас». Но приходилось по совместительству в пединституте преподавать даже... политэкономия. Ученый был полиглотом, легко и много писал, увлекательно читал лекции, имел обширный круг знакомых в научных кругах и творческой интеллигенции — такой сотрудник для Кыргызстана был поистине драгоценной находкой.

В первый год работы в экспедицию выехать не удалось: Поливанову и Ян-Шан-Сину срочно пришлось заняться составлением учебника дунганского языка. В этом же году совместно с поэтом Ясыром Шивазой Поливанов переводит на дунганский язык «Интернационал», заявляет в исследовательский план Института серию научных работ.

Евгений Дмитриевич рвался в лингвистическую экспедицию по Кыргызстану, но ее срок неоднократно отодвигали. Не выехали и, как было намечено, 15 июня 1936 г. Все было готово, но появляется очередной приказ по институту: «День выезда экспедиции по обследованию говоров дунганского языка перенести на 21 июня сего года. Профессору Поливанову и научному сотруднику Ян-Шан-Сину поручается участие в работе по переводу проекта Конституции на дунганский и киргизский языки». В экспедицию выехали лишь 23 июня 1936 г., маршрут ее был жестко расписан. Характерно в этом отношении распоряжение по институту:

«Начальнику дунганской экспедиции
профессору Поливанову.

1. Категорически предлагается следовать по маршруту экспедиции и исключительно с Ян-Шан-Синим. Ваши самостоятельные выезды (без Ян-Шан-Сина) дезорганизуют работу экспедиции.
2. Изменения маршрута (Каракуруз—Каракол) будем рассматривать как нарушение плана работы института,

а дорожные расходы и суточные во время отклонения от общего маршрута будем списывать за Ваш счет.

3. Предлагаю из каждого телеграфного пункта сообщать в институт о времени выезда и въезда с указанием общего состояния работы.
4. Работы экспедиции должны быть закончены до 10 августа.

Зам. директора *И. Батманов*».

Понятно, что энтузиазма в работе от такого приказа ни у кого не прибавится. Я в свое время знал Игоря Алексеевича Батманова, пытался вызвать на откровенный разговор о Поливанове, но встречал настороженную сдержанность. И. А. Батманов сам был в те трагические дни на грани ареста и, естественно, не по своей инициативе издал столь «странный» приказ. Поливанов же привык к подобному отношению и смиренно выехал в экспедицию. К тому же рядом был молодой друг, коллега, который скрашивал жесткие условия экспедиционного бытия. И понятен в этом плане восторженный отзыв Поливанова о надежном коллеге и друге Ян-Шан-Сине: «Только благодаря ценным качествам своего сотрудника тов. Ян-Шан-Сина, которого я искренне считаю отличным товарищем по работе, экспедиция смогла сделать то, что она сделала, и в общем удовлетворить тем требованиям, которые ей ставились: в результате экспедиции 1) установлен диалектический состав дунганских наречий на территории сел... 2) сделаны фактические и морфологические описания дунганских наречий, в том числе доселе мне не известного шаньсийского наречия».

Три десятилетия спустя Ян-Шан-Син вспоминал: «Мы были в экспедиции по изучению и сбору материалов по дунганскому языку, были в селах Александровка, Ирдык, в г. Пржевальске и в с. Каракундуз (Казахская ССР)... Обладая феноменальной памятью, профессор Е. Д. Поливанов,

чтобы скрасить дорогу на тарантасе, наизусть читал «Илиаду» и «Одиссею» на греческом языке несколько часов подряд. Он переводил в это время киргизский героический эпос «Манас» и наизусть декламировал сотни строф».

По итогам лингвистической экспедиции сохранились две работы, остальные экспедиционные материалы до наших дней не дошли... В рукописных фондах Института кыргызского языка и литературы (наследника бывшего Института культурного строительства и Института языка и письменности) удалось обнаружить только «Отчет о дунганской лингвистической экспедиции», написанный Поливановым 15 августа 1936 г.

Приведем выдержку из отчета:

«Собранная картина языковых факторов открывает нам глаза не только на исторический генезис дунганских систем “тонов”..., но и на историко-фонетическую систему китайских “тонов” в целом, и тут мы, бесспорно, владеем материалами и выводами, которые кроме нас никому еще не известны. Подробному изложению относящихся сюда вопросов должна быть посвящена особая монография, за которую можно будет приняться в ближайшие месяцы — в отпускное время». Подготовленной автором к печати монографии «Главнейшие особенности дунганского языка» разыскать не удалось. Но мне посчастливилось встретить в этом же архиве (вернее, в фондах института) четыре рукописные тетрадки (в свое время их было не менее восьми) по кыргызскому языкознанию.

Когда я принес для перепечатки эти материалы машинистке, постоянно сотрудничавшей с историками, Е. Н. Криницкой, она обомлела: ей оказались знакомы тетрадки, она знала автора этих четких характерных строчек. По моей просьбе Е. Н. Криницкая записала воспоминания о том далеком времени. В них есть такие строки: «Странное у меня было чувство, когда я увидела у Вас в руках их

эти тетради. Много лет назад я уже видела их однажды, когда он сам принес их мне — те же самые школьные тетради в клеточку, с такими же серенькими обложками из плотной бумаги, исписанные его аккуратным почерком. Моя зрительная память не изменила мне. Я узнала их раньше, чем Вы сказали мне, кому они принадлежали. Что-то дрогнуло во мне, когда я взяла их и руки. Столько лет прошло... Вдруг всколыхнулось все такое горькое, трудное. И за несколько минут я вновь пережила все, что давно миновало, о чем мне запрещено было упоминать в каких-либо анкетах и даже вспоминать...».

Написала она это в марте 1971 года, все еще боясь вспоминать те кошмарные годы, когда высланная вслед за мужем — «врагом народа», без прав, без работы, без денег и друзей вынуждена была прозябать вдали от родного Ленинграда. Поливанов пытался чем только мог в своем безысходно бедственном положении помогать молоденькой машинистке, давая на перепечатку свои материалы. И после ареста Поливанова она вынуждена была сдать недопечатанные его рукописи в НКВД. Это было понятно и объяснимо: с одной стороны — страх, уже испытанный, леденящий душу, с другой — наивная вера, что может быть, хоть там-то они сохранятся! Весь научный архив и рукописи Поливанова были изъяты. Будем и мы надеяться, что еще не все потеряно, и материалы ученого, как и законченные, но не опубликованные труды, еще будут обнаружены... И опубликованы.

При диалектном анализе кыргызского языка Поливанов целиком воспринимает классификацию его по четырем диалектам, которую предложил «выдающийся местный исследователь К. Тыныстанов» (Е. Поливанов). Это диалекты юга Кыргызстана, долины Таласа, Чуйской долины, восточной части Северного Кыргызстана.

Вообще Поливанов высоко ценил лингвистические способности своего коллеги: «Исследовательская работа

Тыныстанова, — писал Е. Д. Поливанов в тех же еще не опубликованных лингвистических тетрадах, — заслуживает безусловного внимания, так как в ней он вполне самостоятельно подошел к той проблеме морфологии (т. е. дисциплины, изучающей соотношения и взаимные причинные зависимости фонологической и морфологической систем языка), которая лишь в последние годы... стала разрабатываться западноевропейскими лингвистами”.

За свои научные труды один из выдающихся первых кыргызских ученых, лингвист, литератор и поэт Касым Тыныстанов в 1936 г. получает звание профессора. В институте таким образом стало два профессора-коллеги, два высокоавторитетных лингвиста, глубоко уважавших и поддерживавших друг друга. Однако обстановка в институте была непростой: неоднократно приходилось «признавать» свои идеологические ошибки К. Тыныстанову; оставался «под колпаком» Е. Д. Поливанов. Несмотря ни на что, Е. Д. Поливанов и К. Тыныстанов активно трудятся. В тематическом плане научно-исследовательских работ института на 1936—1937 гг. их труды по лингвистике значились как основополагающие.

Е. Д. Поливанов приступил к составлению картотеки кыргызско-русского словаря, научному описанию дунганского языка, готовил очерк истории дунганского письма, исследовал поэтику и принципы русского перевода кыргызского героического эпоса «Манас», имел большие научные планы. В общественном плане Е. Д. Поливанов ставит вопрос о создании дунганского театра, организации пушкинского юбилея и т. д.

Предпринимает он и попытку выехать на международный лингвистический конгресс в Данию. В конце июля (или начале августа) 1936 г. Е. Д. Поливанов направляет из экспедиции письмо первому секретарю Кыргызского обкома партии М. Л. Белоцкому:

«В обком ВКП(б)

Прошу извинения, что пишу карандашом. Это объясняется тем, что я нахожусь в условиях полевой работы в научной лингвистической экспедиции и, пользуясь случаем отправить письмо через Токмак, лишен сейчас возможности писать чернилами.

В день выезда во 2-ой рейс нашей экспедиции я получил письмо из Дании — от секретаря Комитета по созыву IV Международного лингвистического конгресса с официальным предложением участвовать в этом конгрессе (от 27 VIII до 4.IX. в Копенгагене, в Дании).

Прошу разрешить вопрос: уместно ли мне выехать на этот конгресс?

Обстоятельства таковы:

- 1) К 10.VIII я закончу научную экспедицию.
- 2) В сентябре мне, так или иначе, необходимо быть и центре для корректирования ряда печатающихся Академией наук моих научных работ.
- 3) Я получал регулярно приглашения на все три прежде бывших международных конгресса и на международную фонологическую экспедицию. Но не имея возможности выехать (по семейным, главным образом, обстоятельствам: не мог обеспечить материально свою семью на время своего отсутствия), я ограничивался тем, что посылал мои доклады и др. работы; доклады зачитывались и печатались (на французском языке).
- 4) Теперь же есть важный теоретический вопрос, в котором важно было бы отстоять марксистскую линию историко-лингвистического исследования (подробности могу изложить по приезду), и я готов был бы, если обком найдет уместным, принять с этой целью личное участие в Конгрессе (хотя никакой личной заинтересованности в этой поездке и не имею).

В случае положительного ответа прошу (т. к. надо отвечать в Данию немедленно) телеграфировать мне по адресу: Каракол, селение Ирдык, профессору Поливанову.

Профессор *Евг. Поливанов.*

Около 10.VIII буду в г. Фрунзе»¹.

Каков же был ответ? Характерный для классического бюрократизма — формальная отписка. На письме есть резолюция Белоцкого: «Школьн. отд. Это дело не обкома, а Центрального правительства — кому ездить на заграничные конгрессы».

И рядом еще одна чья-то приписка: «Поливанов в отъезде. Приедет сообщу. Не знаю адреса».

Чья-то подпись. Неразборчивая. (И это все на одном письме, со всеми конкретными координатами адресата).

Никакой, конечно, Дании Поливанов не увидел.

Вокруг его имени прочно закрепилась репутация «анти-марксиста», и руководство Киргизии тем более не решалось впутываться в рискованные (не столько научные, сколько политические) акции, связанные с хоть и признанным за рубежом, но отверженным в Союзе ученым.

А тут еще из Москвы, из издательского товарищества иностранных рабочих в СССР 5 января 1937 г. пришел официальный запрос:

«ЦК КП(б)К

Киргизская ССР

Профессор Поливанов Евгений Дмитриевич, работающий в настоящее время в научно-исследовательском Институте киргизского языка и письменности, представил

¹ Архив политической документации КР. Ф. 10. Оп. 9. Д. 6. Л. 3—7.

издательскому товариществу иностранных рабочих в СССР ряд работ, в частности, «Введение в фонетику».

В связи с тем, что нам известны некоторые отрицательные стороны работ проф. Поливанова в бытность его в Москве и Ленинграде, убедительно просим сообщить мнение о целесообразности популяризации и издания работ проф. Поливанова.

Помощник предправления
издательства инорабочих
по кадрам (Петров)»¹.

Где уж тут было разобраться во всем официальным властям! Только от всего открещиваться. И в Москву пошел ответ: ничего, мол, мы не знаем ни о каких работах, ни о рукописях Поливанова. Делайте, что хотите (ответ, естественно, шел от имени дирекции института). Книга издана не была, рукопись не обнаружена.

Наступил 1937 год. И ни одна из перечисленных выше научных работ Е. Д. Поливанова так издана и не была. Не увидели свет и непревзойденные лингвистические труды К. Тыныстанова. Не пришлось друзьям побывать в новых намеченных экспедициях. 1 августа 1937г., в один и тот же день, оба профессора были арестованы. И лишь на третий день появляется приказ по институту следующего содержания:

«1. К. Тыныстанова, как не оправдавшего доверия и на протяжении ряда лет не дававшего научной продукции институту, с работы с 1 августа сего года снять.

2. Е. Д. Поливанова, как не оправдавшего доверия и срывающего выполнение производственного плана, сего числа с работы снять.

¹ Архив политической документации КР. Ф. 10. Оп. 9. Д. 73. Л. 19.

3. Сборники НИИКЯП¹ — «Вопросы орфографии киргизского языка», «Вопросы орфографии дунганского языка» и работу И. Батманова «Части речи в киргизском языке», изданную под редакцией Поливанова, из обращения изъять.

4. Работу Е. Д. Поливанова «Принципы терминологии дунганского языка» из набора изъять.

5. Работу Ян-Шан-Сина «Таньсуйский и шансийский диалекты», находящуюся в стадии набора, приостановить до пересмотра.

Вр. и. о. директора *И. Батманов*².

И. А. Батманову после этого спешно пришлось отбыть в Ташкент и переждать наиболее грозные месяцы, что спасло ученого от репрессий.

Самые плодотворно работавшие ученые нелепо обвинялись в срыве исследовательских планов и увольнялись. Несколько позже им навешиваются ярлыки «троцкистов», «националистов», «пантюркистов», в общем — «врагов народа», и вменяются в вину все мыслимые и немыслимые злодеяния.

¹ Научно-исследовательский институт киргизского языка и письменности.

² Из книги приказов по НИИКЯП.

Е. Д. ПОЛИВАНОВ И «МАНАС»

В ряду имен известнейших исследователей, переводчиков и комментаторов эпоса «Манас», таких, как Ч. Валиханов, В. Радлов, К. Тыныстанов, С. Липкин, М. Ауэзов, стоит и имя талантливого русского ученого-лингвиста Евгения Дмитриевича Поливанова. Связав свою судьбу в 1934 г. с Кыргызстаном, Е. Д. Поливанов самоотверженно и плодотворно работал в плане не только создания учебников и словарей по кыргызскому и дунганскому языкам, но и в области исследования великого кыргызского эпоса «Манас». Уже в следующем, 1935 году, он публикует в газете «Советская Киргизия» в собственном стихотворном переводе отдельные эпизоды из эпоса, готовит серьезную работу об особенностях перевода эпоса на русский язык и выступает с докладом по этой теме на совещании во Фрунзе 27–29 декабря 1935 г. К сожалению, поскольку подавляющее число участников совещания вскоре было репрессировано (М. Л. Белоцкий, К. Тыныстанов, Б. Исакеев, Е. Д. Поливанов и др.), материалы конференции не увидели свет, а стенограмма обнаружена лишь во фрагментах в архиве Комитета национальной безопасности Кыргызстана.

Выступление Е. Д. Поливанова не сохранилось, но, судя по всему, он выступал на совещании с проблемой перевода эпоса. Неоконченный текст обширной статьи на эту тему позже был обнаружен в архиве Академии наук и С. Мусаев опубликовал его в книге «Манас»: героический эпос киргизского народа» в 1968 г.

Статья о принципах перевода эпоса с кыргызского на русский язык не потеряла своей научной актуальности,

и проиллюстрированная личными переводами Поливанова из «Манаса», заслуживает особого внимания.

Здесь перед нами фигура ученого предстает в новом качестве — манасоведа, еще в должной степени не оцененного наукой.

Приведем основные мысли Е. Д. Поливанова о «Манасе», о принципах перевода эпоса на русский язык, и сопоставим фрагменты научного подстрочника и художественного стихотворного перевода, выполненного Поливановым во время работы во Фрунзе в 1934–1936 гг.:

«Манас» бесспорно занимает первое место среди памятников устно-литературного творчества турецких народов как по художественному, так и по научному своему значению (в качестве ценнейшего объекта литературного исследования). А по своему объему этот колоссальный эпос, в несколько десятков раз превосходящий «Илиаду», должен занять и мировое первенство как самый длинный (и представляющий собою вместе с тем единое сюжетное построение) эпос из всех известных нам народных эпосов других национальностей...

Вся совокупность эпизодов, входящих в него, объединяется уже тем, что в каждой из этих частей речь идет о хане Манасе или о событиях и людях, находящихся в непосредственной связи с Манасом, — о сыне Манаса (Семетее), и это единство стержневой фигуры, на которой держится и план, т. е. хронологический порядок отдельных частей, обуславливает композиционное единство эпоса...

...Колоссальные размеры эпоса (состоящего притом из чрезвычайно богатых формально-поэтической техникой стихов, выдерживающих и строгие просодические нормы, и аллитерацию, и рифмы) заведомо исключают гипотезу о единоличном творце «Манаса». Если фактически существовал «персидский Гомер» — в лице автора «Шах-наме» Фирдоуси, то единого «киргизского Гомера», т. е. единоличного

создателя «Манаса», без сомнения, не было — как не было и единого греческого Гомера».

Е. Д. Поливанов считал, что основная задача переводчика эпоса — не создание научно-филологической работы для узкого круга специалистов-тюркологов, а художественно-литературный поэтический перевод, предназначенный для широкого круга читателей.

Сам Поливанов осуществил все три стадии изучения и перевода эпоса: 1) исследование, 2) научный перевод подстрочника, 3) художественно-поэтический перевод.

Подстрочный перевод, выполненный Е. Д. Поливановым, отличается максимальной приближенностью к оригиналу, скрупулезной точностью и исчерпывающими комментариями. Однако до последнего времени он лежит невостребованным в рукописных фондах Национальной академии наук Кыргызстана.

«Великий поход» (на Бейджин¹ Великий)

Глава 1

Заговор семи ханов против Манаса
Поминки Кокотей² были,
Гиена³ Манас лучшим⁴ был,

¹ Бейджин (Бееджин) — Пекин (Здесь все примечания Е. Д. Поливанова).

² Имя хана (киргизского): Кокотой в русской передаче может допускать одну из двух форм: или Кокотей или Кокотой. «Поминки Кокотой» или «Тризна Кокотоя» служит, между прочим, заглавием для другого эпизода «Манаса».

³ Гиена — см. перечень постоянных эпитетов.

⁴ То есть политическим главой — князем (тогда как хан Кошой был управителем пира).

Старый Кошой главой был,
Народ, собравшись, присутствовал,
Поминки хана Кокетея были.
Манас богатырь
Ведь управлял,
Что мусульман, что язычников¹ (не различал).
Он не различал² великих³ и малых;
Некоторых⁴ из них он бил,
С гневом предстоя⁵ им,
Слова его были гневными
И знатные были ему нипочем».

Исследовав текст и подготовив научный подстрочник, Е. Д. Поливанов приступил к осуществлению художественного перевода. Он понимал всю сложность работы: «Встающая перед поэтическим переводчиком задача — дать адекватное оригиналу эстетическое воздействие на читателя — оказывается необычайно трудной ввиду весьма крупных различий между поэтической техникой киргизского текста и привычными для русского читателя формально-поэтическими приемами».

В своих тезисах выступления на декабрьском совещании манасоведов Е. Д. Поливанов конкретизировал эту идею:

«4. Как показывает практика многих русских поэтических переводов, соблюдение принципа «эквILINEарности» тождества числа стихов по сравнению с оригиналом) и принципа «эквИРИТмичности» (тождества размера

¹ Капыров — кяфиров, а в зап.-тур. произн. — гяур — т. е. язычников, неверных.

² То есть браня кого-либо из них.

³ То есть знатных и власть имущих.

⁴ Или: кое-кого из них.

⁵ То есть гневно обращаясь с ними.

и числа слогов) зачастую шло в ущерб смысловому и эмоциональному содержанию перевода. Поэтому лично я вполне присоединяюсь к замечаниям К. Чуковского, сделанным в статье о новейших переводах Шекспира, считаю принцип «эквilinearности» и принцип «эквиритмичности» обязательными для русского перевода «Манаса».

5. Материалом для поэтического переводчика (обработчика) должны служить: 1) Знакомство с формой киргизского подлинника, получаемое — а) из самого текста оригинала и б) из кратких письменных указаний относительно размера, размещения ударений, цезуры и проч. 2) Подстрочный перевод — желательно со специальным комментарием (предназначаемым не для печати, а именно лишь для «обработчика»), о котором будет сказано ниже.

Подстрочный перевод необходим будет даже в том случае, когда «обработчик» и подстрочный переводчик — одно и то же лицо: в этом случае подстрочный перевод необходим для оценки, проверки и окончательного редактирования поэтического перевода.

6. Требования, которые должны быть предъявляемы к подстрочному (предварительному) и художественно-стихотворному переводам, совершенно различны...»

Приведем образцы художественного перевода Е. Д. Поливанова начального отрывка «Великого похода» («Чон Газат») главы «Заговор семи ханов против Манаса» (опубликована в «Литературном Узбекистане». 1936. № 4):

Поминки хана Кокотоя
Свершались в княжестве Манаса,
Куда стеклась, узнав о «тое»,
Со всех сторон людская масса.
Роскошно совершалась тризна,
И долго длился пышный «той»,
И был главою пира признан
Могучий старый хан Кошой.

⁵ Том VII. Кн. 2 В. М. Плоских

* * *

Манас был справедливым ханом —
Не выделял он никого:
Язычникам и мусульманам
Был одинаков суд его.
Ни знатность, ни высокий сан
Не изменяли приговора,
И расправлялся грозный хан
Со всеми истою и скоро...
Своей рукой он бил одних,
Других ругал, корил сердито —
Немало воевод больших
В сердцах Манасом было бито.

Читатель сам может сравнить и оценить подстрочник Е. Д. Поливанова и выполненный им художественный перевод.

В «Вводном замечании» к приведенным выше фрагментам перевода эпоса «Манас» Е. Д. Поливанов написал: «Все приводимые нами здесь в вольном переводе отрывки «Манаса» принадлежат к той части эпоса, которая носит заглавие: «Великий поход» (или «Великий поход за веру») и подзаголовок: «Поход богатыря Манаса на Пекин Великий». Эта часть, как, с другой стороны, и часть под заглавием «Поминки (тризна) хана Кокотоя», являются любимейшими и наиболее часто исполняемыми эпизодами «Манаса». И если допустимо устанавливать литературные параллели между гомеровским творчеством и «Манасом», то «Великий поход» следовало бы назвать «Илиадой» киргизского героического эпоса (в то время как к «Тризне хана Кокотоя» могло бы быть примерно сопоставление с «Одиссеей» в целом, а к «Семетею» — сравнение с «Телемахидой», т. е. с первыми четырьмя песнями «Одиссеи»). Действительно, «Великий поход» — это такая же военная эпопея, какой является и «Илиада».

Переводы Е. Д. Поливанова составляют несколько тысяч строк, большинство относятся к «Великому походу». К сожалению, даже в академических изданиях Е. Д. Поливанов, его вклад в манасоведение не оценены должным образом. Наука же не терпит недомолвок. И ныне, в юбилейные дни, каждому должно быть отдано по заслугам, тем более, когда это касается Великого Эпоса.

Приведем еще один фрагмент из эпоса в поэтическом переводе Е. Д. Поливанова. Это строки о тризне, вызывающие определенные ассоциации с юбилейным тоем, который идет на родине Манаса тысячелетие спустя:

Манас дал знак
Идти в поход,
И поднят стяг,
И с ним идет
Всяк, чей отец звался киргизом...
Покинув дом, покинув скот,
Народ идет, идет вперед,
По черным двигаясь карнизам.
С великолепием султана
Манас идет. О грозный вид!
Заряжено ружье у хана,
Фитиль ружья уже горит.
А перед ним джигитов двадцать
Гарцуют с луками в руках...
И как, узрев их, не бояться?! —
Кто сеет стрелы — сеет страх...
Другие двадцать едут слева
Манаса, сына Леопарда¹.
И лица их сверкают гневом,
Блестят на солнце алебарды.

¹ Леопард — один из постоянных эпитетов Манаса (Прим. Е. Д. Поливанова).

Джигитов справа тоже двадцать.
И гневно каждого чело,
Они всегда готовы драться
И держат сабли наголо.
И сзади новых два десятка
Вздымают к небу свои пики,
И в образцовейшем порядке
Ведет их всех Манас великий.
Бывало ль больше грозной силы
И гордой силы торжество?!...
И горько думать, боже правый,
Что смерть постигла и его...
Таков закон судьбы лукавой:
Рок не жалеет никого.
Манаса нет уже давно, —
Подумать только, сколько славы
Во мгле веков погребено!...

* * *

Всюду, где только являлся Манас,
Всех поражало величье героя...
Ныне ж его застает наш рассказ
На тризне царя Кокотоя.
Тризной киргизского хана
Правил могучий Кошой.
Старший в роду Катагана,
Старый и мудрый герой.
С ним вождь Казахстана —
Владелец хан Кокчо,
С Санчибеком из Андижана
Он сидит к плечу плечом...
И Тоштук, сын Элеманов,
И Эштеков сын Джамгырчи, —
Они оба могучие ханы,

И в бою страшны их мечи.
Вон Агыш, рядом с ним Каджош,
Вот Агбаш, рядом с ним Мамбет...
Да разве всех перечтешь?
Где тут?! Конечно, нет.
Со всей Азии цари,
Услыхав про то, что тризну
Здесь вершат богатыри,
Собрались в нашу отчизну.
И гостям здесь нет числа.
Во всем мире нет народа,
Что сюда бы не послал
Иль царя, иль воеводу.
Все, узнав про «той» киргизский,
Все прислали к нам послов.
Из племен же, кровно близких, —
Из Киргизии сынов —
Все собрались поголовно:
Старики и молодые,
Как ближайšie родные
Из семьи единокровной...
Вкупе все, семьею близкой
Провожают мертвеца —
Деда, брата и отца, —
Так и весь народ киргизский
Собрался на пышный «той»,
Ибо умер Кокотой.
Во главе всех род Байгура,
С ним же рядом род Уйгура,
За уйгурами — калмыки,
За калмыками — казахи,
И мойоны, и эчиши,
И мойгуты, и чегиши...
Всех имен и не запишешь —
Ровно сорок

Всех племен,
Но попробуй сказать скоро
Этот длинный ряд имен...
Устроив тризну Кокотою,
Манас полки свои удвоил,
Дружину верную свою,
Держа в готовности, в строю.
Народ ведь глухо волновался:
Расходы все соображая,
Народ киргизский ужасался...
Причина этому такая:
По велению Манаса
На тризну хана Кокотоя
Собрать спешили горы мяса
Для угощенья всех на «тое».
Никто сначала не скупился:
В азартном, страстном увлеченье
Народ киргизский расщедрился
И превзошел все повеленья.
Кобыл упитанных, волов,
Баранов жирных и ягнят
Зарезать каждый был готов,
И так народ лишился стад.
И лишь теперь, когда богатый
Уж превратился в бедняка,
Он видит, что его затраты
Сулят ему наверняка
В течение многих лет лишенья...
Однако поздним сожаленьем
Он не вернет в свое «коро»¹
Убитых сгоряча коров.
Так гнев у скотоводов рос.

¹ По-киргизски gogo—«поскотина» — обнесенное изгородью место для выпаса рогатого скота (прим. Е. Д. Поливанова).

И вот с раскаянием вместе
Невольно возникал вопрос:
«Кто виноват в их щедром жесте?»
— «Манас нас к жертвам призывал!»
Так возникает возмущенье,
С вассалом шепчется вассал.
И вот народ вопит о мщеньи.
А самых знатных, родовитых
Глодала зависть уж давно.
И вот семь самых знаменитых
Киргизских ханов заодно
Готовят хитрый план крамольный:
«Из тех, кто ныне обеднел,
Собрав побольше недовольных
И весь манасовский удел
Заняв мятежными войсками, —
Его дружину перебить!
А как с Манасом поступить —
Мы уж потом увидим сами!»
И сам седовласый герой,
Хан Катагана — Кошой,
Вместе с Манасом свершавший
Столько походов и битв,
Идет теперь к ханам восставшим
И гордо им говорит:
«Слушайте, славные ханы!
Цель ваша будет легка,
Если себе в атаманы
Возьмете меня, старика.
Нет счета боям, в которых
Кошой побеждал врагов,
И со мной вы проверите скоро —
Красна ль у Манаса кровь!»....

Далее идет описание самого заговора — широко известный и всеми сказителями повторяемый сюжет. Но речь не о его содержании, а о форме перевода и оценке эпоса переводчиком, знатоком древнегреческого фольклора и древнеперсидского эпоса, подлинным знатоком «Манаса» — Евгением Дмитриевичем Поливановым.

ПУТЬ НА ЭШАФОТ

Е. Д. Поливанова арестовали по распоряжению республиканского наркома НКВД Четвертакова на основании телеграммы из Алма-Аты, откуда было переслано указание московского высокого начальства: «арестовать востоковеда Поливанова Евгения, бывшего в 1917 году заместителем Троцкого Наркомидела».

Несмотря на звание профессора и завидную работоспособность, Евгений Дмитриевич жил довольно бедно: не имел никаких накоплений, не было мебели, одевались супруги сверхскромно. Поэтому обыск прошел без хлопот. Ничего кроме рукописей в доме не взяли — нечего было брать. Увели Евгения Дмитриевича в том, в чем был одет — рубашка и легкие летние брюки, успел захватить лишь скромную котомку с вещами. Бригитта Альфредовна, как стояла в шоковом состоянии, так и осталась стоять, когда уводили мужа. Лишь нежно и обреченно посмотрела на него. И еще долго не могла прийти в себя, а затем бросилась в местную тюрьму. И на другой день. И каждый день. Но ничего не могла узнать: ничего не говорили о судьбе и местонахождении мужа.

А в это время больного Е. Д. Поливанова допрашивали в застенках НКВД. Допрос вел следователь Маргайтис Виктор Антонович (1898—1980). Надо сказать, фигура Маргайтиса — неоднозначна. Литовец по национальности, прекрасно владел русским, кыргызским и узбекским языками. Прославился в борьбе с басмачами на юге Кыргызстана. С 1935 г. работал в органах НКВД. В 1937—1938 годы — следователь НКВД Киргизской ССР, принимал участие в допросах политзаключенных — «врагов народа». В 1938 году

награжден орденом Красной Звезды и в Москве встречался с прокурором СССР А. Я. Вышинским. После репрессирования «железного наркома» Н. Н. Ежова и назначения на его место Л. П. Берии прошла серия чисток в органах страны, в том числе и в республиканском наркомате. В мае 1939 года Маргайтиса увольняют из НКВД — «на пенсию», в полосу репрессии он не попадает, остается жив. Участвует в Великой Отечественной войне. Умер во Фрунзе в восьмидесятидвухлетнем возрасте.

Вновь открытые документы показывают, что В. А. Маргайтис лично вел дело Е. Д. Поливанова во Фрунзе со времени ареста до отправки в Москву.

Первый протокол допроса. Документ еще нигде не публиковался, не известен исследователям и биографам Е. Д. Поливанова. Пройдемся вкратце по его страницам, каждая из которых лично завизирована Е. Д. Поливановым.

«1937 г., августа 4 дня, в г. Фрунзе нач. 3 отд. НКВД Кир. ССР Маргайтис допросил гр-на Поливанова Евгения Дмитриевича, 1892 г. рождения¹, в г. Смоленске, сына служащего — дворянина. Образование среднее — гимназия в г. Рига, высшее — в Ленинграде: Университет и Восточная Академия.

Владеет языками: французским, немецким, английским, испанским, китайским, японским, узбекским, киргизским, туркменским, дунганским, таджикским, латинским, греческим, польским, сербским, татарским, эстонским, русским...»

В протоколе допроса шли обязательные сведения о семейном положении и ближайших родственниках. Е. Д. Поливанов показал: «Женат на Бригитте Альфредовне Бирк, по национальности — эстонка. Брат — Дмитрий Лобачевский, по слухам, — в Ленинграде, связи не имею.

¹ Почему-то в следственном деле везде Е. Д. Поливанов указывает неверную дату рождения — 1892 г., тогда как фактически — 1891 г., что подтверждено документально и принято всеми биографами ученого.

За границей, в Эстонии, в г. Таллине, родственники жены — отчим Пильберг, мать Мария Таисовна Пильберг, письменную связь поддерживают с ними жена».

Больше о жене Е. Д. Поливанов старался нигде не упоминать. Не хотел навлекать лишних неприятностей, хорошо сознавая: одно то, что родители жены за границей, — достаточно тяжкий грех».

Вообще в материалах первого допроса и показаниях Поливанова о друзьях и сотрудниках по работе ничего компрометирующего не оказалось. Тем не менее, следователь Маргайтис ставит заключительный, провокационный вопрос — утверждение:

«Ваши связи с к.-р. националистами и к.-р. троцкистами-шпионами явно доказывают вашу практическую контрреволюционную деятельность. Расскажите о ней».

На что возмущенный Поливанов резко ответил: «Никакой к.-р. деятельности я нигде и никогда не проводил».

Следователь настаивал: «Следствие располагает, что вы на протяжении всей своей работы проводили к.-р. деятельность — расскажите о ней».

А ведь следствие еще не велось, и в протоколах первых допросов чувствуется неуверенность следователя, нет целенаправленной линии по уточнению или изобличению Поливанова в контрреволюционной деятельности. А заключение следователя Маргайтиса (оно было предreshено другими мотивами) — «враг народа» — ужасно. Поливанов предельно кратко и жестко на него отреагировал: «Нет, я к.-р. деятельности не проводил».

Было это 8 августа 1937 г. Так и отправили несломленного Е. Д. Поливанова в Москву — в НКВД СССР.

Бригитта Альфредовна ничего кроме фамилии фрунзенского следователя, ведшего дело Е. Д. Поливанова, не знала. Не объявлены были ни причины ареста, ни мотивы обвинения, ни место содержания под стражей мужа. Она переезжает в Ташкент, к сестре Аврелии Альфредовне,

по мужу Одоевской. А ее уже ищут повсюду в Кыргызстане. НКВД Кыргызской ССР получает из Москвы 17 ноября телеграмму о необходимости ареста жены Поливанова, но найти ее не могут. Хотя она и не прячется.

Бригитта Альфредовна ищет следы мужа, пытается узнать о его судьбе после ареста во Фрунзе — тщетно. Шлет запросы из Ташкента в НКВД Киргизии и следователю, арестовавшему Е. Д. Поливанова, в ответ — молчание. Тогда она отправляет в Москву прокурору СССР А. Я. Вышинскому письмо, полное отчаяния и безутешного горя.

В следственном деле Бригитты Альфредовны сохранился черновик письма (январь 1938 г.): полуистрепанные, порванные два листа ученической тетради, испещренные нервным почерком несчастной женщины, вопрошающей о судьбе мужа. Приведем этот документ полностью (оговоримся, он плохой сохранности, один лист надорван и текст не читается):

«Глубокоуважаемый товарищ!

Шесть месяцев я терпеливо ждала каких-нибудь результатов — и только теперь, когда я убеждаюсь, что мне без Вашей помощи не обойтись, я решаюсь отнять у Вас частицу Вашего времени и просить Вашего любезного внимания к моему делу.

Я жена профессора Евгения Дмитриевича Поливанова, хорошо известного в лингвистической науке и своими открытиями в области лингвистики, и своей бесконечной работоспособностью, и преданностью науке.

Шесть месяцев назад, 2-го августа¹ 1937 г. профессор Е. Д. Поливанов был арестован органами НКВД в г. Фрунзе, где мы последние годы проживали, и где мой муж работал в Научно-исследовательском институте языка и письмен-

¹ Описка — арест был произведен 1 августа.

ности руководителем дунганской секции, а также консультантом в Киргосиздате и преподавателем пединститута.

Арест был неожиданным и сильным ударом (...) ¹ для мужа, ибо все окружающие лица (...) знали, что мой муж был совершенно (...). Кроме того, он уже 27 лет подряд (...был...?) наркоманом-морфинистом, он не может прожить ни одного дня (...без вливания?) героина и лишение его нужной дозы наркоза может (...) разрыв сердца у него и вообще это...».

Далее на обороте страницы:

«Примерно в середине августа, придя в НКВД г. Фрунзе, я узнаю от коменданта, который, возвращая мне часть взятых при обыске вещей, сказал, что мужа моего нет во Фрунзе, что он переведен. Но никакими способами я не могла узнать о его местонахождении. Следователь Маргайтис, ведший дело, меня упорно не желал принять после перевода мужа, а заявление начальнику управления НКВД с моей просьбой указать мне местонахождение моего мужа оставалось без ответа.

Мой муж, взятый в летних брюках и рубашке, в таком виде и пропал неизвестно куда. Напрасно прождав (...) месяца, я выехала из Фрунзе в Ташкент в надежде (...). Но и здесь не могли ничего сообщить о судьбе мужа».

Далее обрывки о тяготах хождения, безденежья и мыслях о самоубийстве. Второй лист, видимо, продолжение и концовка письма, — лучшей сохранности:

«Я снова послала запрос во Фрунзе, к тому же следователю Маргайтису и, кроме того, просьбу наркому внутренних дел Киргизии тов. Лоцманову — сообщить мне, где находится мой муж, куда он мог бесследно исчезнуть? И кроме того, я просила тов. Лоцманова помочь своим

¹ Отточием отмечены нечитаемые места.

ходатайством перед Институтом языка и письменности во Фрунзе, чтобы мне, не требуя доверенности моего мужа, выслали бы из Института полагающиеся моему мужу деньги за неиспользованный отпуск в 1937 г. и все, что по закону может ему полагаться. Скоро уже 1½ месяца, как я отправила упомянутые запросы во Фрунзе, но ответа нет до сих пор ни от тов. Маргайтиса, ни от т. Лоцманова.

Я просто в отчаянии, я не знаю: куда мне еще обратиться.

И вот теперь опять во мне загорелась искра надежды — я знаю, что Вы, тов. Вышинский, не оставите без ответа отчаявшегося человека. Я прошу Вас посоветовать мне — как узнать мне о судьбе мужа? Я прошу Вас дать распоряжение соответствующим органам о том, чтобы они известили меня о судьбе моего мужа. Может быть он в Москве? Кончено ли следствие, был ли суд и в чем его обвиняют? Обо всем этом прошу Вас помочь мне узнать.

С глубоким уважением *Б. Поливанова*.

А кроме того — большая просьба: нельзя ли мне как-нибудь через Ваше посредство получить полагающиеся мне за мужа деньги за отпуск из Фрунзенского Института? И чтобы при этом с меня не требовали доверенности мужа?

Кроме того, мне трудно жить на 175 р., а между тем по своему образованию и по своим знаниям я должна была бы получать много больше, но мне очень трудно получить работу (Вы, может быть, не знаете, но женщине, у которой арестован муж, трудно устроиться на работу) — может быть и в этом Вы могли бы помочь?

Простите за беспокойство, за отнятое у вас время.

С глубоким уважением *Б. Поливанова*».

Ниже приписан адрес: Ташкент, Гл. почтамт, до востребования. Б. Поливановой. Домашний адрес: Ташкент, Сенная пл. Коллектив № 8, дом 83.

Конечно, никакого ответа не последовало и от Вышинского. Андрей Януарьевич Вышинский (1883 –1954) – бывший меньшевик, ренегат-большевик, прославившийся как организатор громких политических процессов 30-х годов против «врагов народа» Зиновьева, Каменева, Бухарина и других, в 1935–1939 гг. был прокурором СССР. Ему не было дела до индивидуальных жертв, да и навряд ли письмо дошло до него. Обратный же адрес был использован НКВД тотчас – Бригитту Альфредовну арестовали в Ташкенте 10 апреля 1938 г. Затем ее для следствия и суда направили по основному месту жительства – в г. Фрунзе.

Она так ничего и не узнала о судьбе мужа. А его еще в январе военная коллегия Верховного суда СССР приговорила к расстрелу, который был приведен в исполнение в Москве немедленно – 25 января 1938 г.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

Последние дни августа 1995 г. увенчали юбилейные мероприятия, посвященные тысячелетнему юбилею эпоса «Манас». Юбилейные торжества, международная научная сессия, подведение итогов исследования эпоса и определение новых перспектив его изучения, создание Национального центра манасоведения и художественной культуры — таков основной итог мероприятий.

«Океаном добра и мудрости, омывающим наши берега», назвал эпос председатель Национального оргкомитета «Манас-1000» премьер-министр Кыргызской Республики А. Джумагулов. Общенародный праздник — юбилей «Манаса», по его мнению, должен стать олицетворением единства и дружбы народов Кыргызстана, символом национального и духовного возрождения одного из древнейших народов Центральной Азии, консолидации и сплочения представителей более 80 наций и народностей, составляющих народ Кыргызстана.

Кыргызстан открыл эпос народам мира. Эпос «Манас» открыл миру новый демократический Кыргызстан.

Замечательно сказал народный кыргызский писатель Ч. Айтматов в дни юбилейных торжеств: «Еще один момент, который надо осознать, — волей истории мы принадлежим к европейской цивилизации. А она немислима без величайшей русской культуры. Окно в мир лежит для нас через Россию»¹.

Приведу еще несколько уже ставших широко известными цитат представителей русской культуры:

¹ Слово Кыргызстана. 1995. 26–27 авг.

Ч. Валиханов: «Манас» есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица богатыря Манаса. Это нечто вроде степной «Илиады». Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли в себе выражение в этой огромной эпопее».

В. Радлов: Эпос «Манас» — это поэтическое отражение всей жизни и всех устремлений народа... Этот эпос совершенно так же, как и эпос греков, дает ясную картину духовной жизни и нравов целого народа, с эпической широтой рисует он военные походы, сватания, тризны, скачки, домашний быт и т. п.»

Е. Поливанов: «Манас», бесспорно, занимает первое место среди памятников устно-литературного творчества тюркских народов как по художественному, так и по научному своему значению (в качестве ценнейшего объекта литературного исследования). А по своему объему этот колоссальный эпос, в несколько десятков раз превосходящий «Илиаду», должен занять и мировое первенство как самый длинный (и представляющий собою вместе с тем единое сюжетное построение) эпос из всех известных нам народных эпосов других национальностей».

С. Абрамзон: «Героический эпос «Манас» — вершина и синтез всего богатого политического творчества киргизского народа. Сложность и многообразие сюжетной канвы, богатство образов, красочность в описаниях героев и окружающей среды, грандиозность масштабов разворачиваемых событий сочетаются в «Манасе» с совершенством и своеобразным изяществом формы».

Хотелось бы развить одну недосказанную мысль большого русского историка-востоковеда, справедливо назвавшего кыргызов одним из древнейших народов мира. А именно — академика В. В. Бартольда. Отталкиваясь от перевода

⁶ Том VII. Кн. 2 В. М. Плеских

Бартольдом одного из индийских источников XIII в., а со своим коллегой и другом В. П. Мокрыниным выступили в юбилейные манасовские дни с идеей о рассмотрении новой гипотезы — о неизвестном енисейском манасчи XIII века.

Суть ее сводится к следующему. Согласно преданиям, самым первым манасчи считается эпический певец Жайсан-ырчы, который жил и творил во времена Манаса. Потенциал его был огромен: только обстановку юрты Манаса Жайсан-ырчы мог воспевать полдня. Память кыргызского народа сохранила нам и имя Токтогула-ырчы, который был сказителем «Манаса» и жил примерно 500 лет тому назад.

На наш взгляд, по времени между Жайсаном-ырчы и Токтогулом-ырчы можно отметить безымянного кыргыза, который жил еще на Енисее и с которым случилось удивительное приключение. О нем поведал нам Мухаммед ал-Ауфи в своем сочинении, написанном около 1228 г. в Индии. Перевод повествования изложил В. В. Бартольд.

Некий любознательный кыргыз решил узнать, куда впадает Енисей. Согласно Ауфи, в стране кыргызов четыре реки сливаются в одну, которая течет во мраке среди гор и пещер. Кыргыз на небольшом судне поплыл вниз по реке и в продолжении трех суток не видел света, звезд, месяца и солнца. Наконец река вынесла его на широкую равнину, где он смог выйти на пустынный берег. Вдруг кыргыз услышал стук копыт. Из осторожности он влез на дерево и стал ждать. Вскоре к дереву подъехали три всадника очень высокого роста (их рост сравнивается с длиной копья) на громадных лошадях. Всадников сопровождали собаки, не уступающие по величине коровам. Увидев кыргыз на дереве, они сжалились над ним, предложили ему спуститься с дерева и, опасаясь, что его растерзают собаки, посадили на коня впереди одного из всадников. Потом гиганты привезли путешественника к себе в юрту

и накормили. Причем они удивлялись его малому росту, как будто никогда не видели таких людей. Оказав гостеприимство, гиганты любезно указали кыргызу дорогу домой. (Бартольд В. В. Киргизы: Исторический очерк. Соч. Т. II, ч. 1. С. 495—466).

В. В. Бартольд считал рассказ Ауфи изложением какой-то легенды и, видимо, по этой причине оставил его без комментария. А ведь именно кыргызские легенды прежде всего должны интересовать фольклористов. Однако нам не известны попытки анализа повествования Ауфи в этом плане, поэтому мы и берем на себя смелость предложить свое видение изложенного выше.

Известно, что почти все манасчи связывают свое творчество с чудесным сновидением и наитием. Во время сновидений к избраннику якобы являлся сам Манас, Семетей или Сейтек со своими сподвижниками или без них и благословлял его на воспевание своих деяний. Некоторые манасчи утверждали, что Манас являлся к ним не только во сне, но и наяву. Так, знаменитый манасчи Кельдибек (умер в 80-х годах XIX в.) рассказывал, что в юном возрасте ему приснились Манас и его соратники. Они потребовали, чтобы юноша пел эпос «Манас», а затем совершил паломничество к «Гумбезу Манаса» в Таласской долине и совершил там жертвоприношение. Кельдибек выполнил все требования героя. По словам Кельдибека, после жертвоприношения в Таласе ему во сне опять явились Манас с соратниками и сказали: «До сих пор мы показывались тебе только во сне. Теперь покажемся наяву. Приходи к горе Палдажан на солнечной стороне реки Чу, но только один». Кельдибек выполнил все условия Манаса и якобы виделся и даже разговаривал с великими героями.

Подобных повествований можно привести множество. Не касаясь психологических аспектов проблемы, отметим, что в рассказе Ауфи (начало XIII в.) и рассказе Кельдибека много общих деталей. И в том и другом повествовании

действие происходит вблизи рек (Енисей и Чу) и гор (отроги Саян и Тянь-Шаня), в обоих случаях сказители (любопытный кыргыз, и Кельдибек) общаются с чудесными героями в одиночестве, не имея свидетелей, встреча с героями происходит в одном случае по выходе Енисея из темных горных теснин на светлую равнину, в другом — на солнечной стороне реки Чу. И на берегу Енисея, и на берегу Чу герои огромного роста и на таких же скакунах. В повествовании Ауфи есть деталь, отсутствующая в рассказе Кельдибека: свирепые собаки величиной с корову, что наводит на мысль о Кумайыке — чудесной собаке Манаса. Саяно-алтайские истоки легенды об Кумайыке в настоящее время доказаны. Да и какие другие три героя, сверхмогучих и в то же время добрых к незащитным, могли войти в легендарный мир кыргызов, если не супермогучие и великодушные Манас, Сейтек и Семетей?

Правда, в повествовании Ауфи есть еще одна деталь, которой нет в рассказе Кельдибека: упоминание о исконно кыргызском гостеприимстве енисейских гигантов, принявших путешественника в своей юрте и хорошо угостивших его. Однако в сновидениях других манасчи, особенно когда им снится Каныкей, обильный достаркан с угощением — атрибут обязательный. Да и сам Кельдибек разделил хлеб с Манасом, когда виделся с ним во сне.

Учитывая изложенное выше, мы вправе предположить, что в рассказе Ауфи о плаванье кыргыза по Енисею и его встрече с тремя великодушными исполинами, содержится типичная для кыргызских манасчи версия о начале (побудительном толчке) их творчества, связанном с встречей с героями эпоса в чудесном сне. «Путешественник» по Енисею, проспав трое суток, тоже рассказывал о своей встрече, причем настолько активно, что его рассказ в начале XIII в. дошел до далекой Индии, где и был зафиксирован. Это и был, по нашему мнению, один из первых манасчи.

Видный манасовед Акбаралы Сыдыков отметил, что в настоящее время зафиксировано 47 сказителей эпоса «Манас». Остались неизвестными лишь имена семи сказителей, в том числе двух манасчи, со слов которых производили запись в прошлом веке Ч. Валиханов и В. В. Радлов. Теперь, если наше предположение окажется верным, это соотношение станет 48:8.

Мы понимаем уязвимость нашей гипотезы: ведь Ауфи не назвал имен енисейских исполинов (если бы назвал, то В. В. Бартольд еще в прошлом веке вполне определился бы по проблеме кыргызского эпоса). Но гипотеза столь заманчива, что полагаем, ее следует ввести в научный оборот. К тому же наше толкование текста Ауфи ставит вопросов больше, чем дает ответов. Задача ученых — их решение.

Краткие экскурсы в эпос «Манас» и в мифологию кыргызов, которая в настоящее время изучена крайне недостаточно, (из-за отсутствия соответствующих источников), позволяют надеяться, что эпос «Манас» при определенном ракурсе изучения станет источником не только духовной культуры современного кыргызского народа, но и позволяющим восстановить истоки этой духовной культуры, заложенной еще в раннесредневековый (енисейский) период истории кыргызов.

* * *

Итак, создан Национальный центр манасоведения. Надеемся, что объединенные силы ученых поднимут на новый уровень исследования величайшего народного эпоса. Теперь уже неоспоримо, что в истории кыргызского народа эпос «Манас» наряду с религией и другими формами идеологии стал основным консолидирующим фактором, сплотившим разрозненные племена в грозную силу, способную

успешно противостоять внешним и внутренним врагам. Столь уникальная роль эпоса в жизни кыргызов позволяет, как уже отмечалось, сравнить ее с ролью «Библии» для христианского и ролью «Корана» для мусульманского миров. Поистине «Океан поэзии», как назвал эпос Чингиз Айтматов, отныне выходит на мировые просторы. И определенная заслуга в этом принадлежит также трагическому подвижнику русской науки Е. Д. Поливанову.

Публикуется по изданию:

Плоских В. Е. Д. Поливанов и «Манас». Бишкек: Илим, 1995.

Часть третья

Аскар Акаев

Ученый, политик...

«Хочу заверить вас и всех, кто следит за развитием нашей страны и демократическими преобразованиями в ней, что мы по-прежнему остаемся верными конечным идеалам свободы и демократии. Мы пойдем по избранному пути и дальше, последовательно решая задачи, вытекающие из реальностей на каждом конкретном этапе развития нашего общества».

А. Акаев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жаркий июльский день 1987 года. Отчетное годовичное собрание Академии наук. Руководство Академии встречает гостей, представителей правительства. Подъезжает правительственная «Волга», открывается дверца и бодро выскакивает наш куратор — зав. отделом науки и высших учебных заведений ЦК Компартии Киргизии Аскар Акаев. Он как-то по-юношески быстро поднимается по ступенькам, здоровается за руку с каждым присутствующим, а затем также стремительно проходит, почти вбегает в здание. Мы следуем за ним.

«Мальчишка!», — с оттенком покровительственного панибратства бросает солидный ученый. Он лет на пятнадцать старше Акаева, из одного с ним села, имеет общих далеких предков — вождей сарыбагышей, так что по кыргызской традиции — «родственник». Он — «акаевец», но хотел бы, чтобы тот был «солиднее» и «авторитетнее».

Предстояло избрание А. Акаева в академики. Пройдет немного времени и из этого дома — Президиума Академии

наук — Аскар Акаевич переберется в дом Правительства, который еще через некоторое время станут именовать не иначе, как «Белый дом» Президента.

Вместе с Акаевым в первые новые правительственные структуры уйдут и многие ученые — опытные и молодые, с идеями и инициативой, горящие одним желанием — строить суверенное Кыргызское государство. Поработал в стенах «Белого дома» сначала госсекретарем, затем вице-премьером и один из авторов, избранный позже, в декабре 1993 года, президентом новой, уже Национальной академии наук Кыргызской Республики. И сегодня в ближайшем окружении Акаева, Президента государства, его соратники: академик К. Жумалиев — руководитель администрации Президента, академик А. Какеев — министр образования и науки, имеют ученые степени премьер-министр А. Джумагулов и вице-премьер М. Жангарачева, министр финансов К. Нанаев и министр национальной безопасности А. Бакаев, министр охраны окружающей среды К. Боконбаев и генеральный прокурор А. Шаршеналиев, зав. отделом социальной политики администрации Президента К. Кененбаева и многие другие.

В парламенте — Жогорку Кенеше — Кыргызстана академики А. Эркебаев, Д. Акималиев, М. Мамакеев, член-корр. А. И. Ибраимов, доктора наук Р. Ачылова, Д. Нурмаматов и многие другие видные ученые Кыргызстана.

Есть все основания сказать, что ныне правящая элита государства является самой интеллектуальной за всю историю Кыргызстана. И во главе этой пирамиды признанный ученый, ушедший с головой в политику, чтобы построить государство, какого еще не было в более чем двухтысячелетней истории его народа.

Как-то дотошные корреспонденты допытывались: кто он сейчас, Президент А. Акаев, — ученый или политик? Чего в нем больше? Аскар Акаевич ответил: «Я ученый политик!»

В предлагаемой книге мы хотели бы показать Аскара Акаева как «ученого политика», как ученого и политика. Все здесь изложенное может показаться читателю субъективным. И хотя мы стремились быть беспристрастными, это повествование, естественно, окрашено нашими личными воспоминаниями, в нем отражены наше видение образа Акаева как ученого и государственного деятеля, наше представление об истории суверенного Кыргызстана и размышления о его будущем. Единственное, что мы можем сказать: писали мы от чистого сердца и с добрыми намерениями.

Авторы

Начнем с хроники событий суверенного Кыргызстана, ибо это — история государства и история его первого Президента Аскара Акаева.

Суверенный кыргызстан: Хроника событий

- 1990 г. 3 апреля** — принятие Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР.
- 4 июня** — начало событий ошско-узгенской трагедии.
- 27 октября** — избрание А. Акаева первым Президентом Киргизской ССР.
- 1991 г. 21 января** — издан Указ Президента об образовании, реорганизации и упразднении министерств и государственных комитетов.
- 5 февраля** — переименование города Фрунзе в г. Бишкек.
- 16–18 августа** — торжества по случаю 180-летнего юбилея «алайской царицы» Курманджан-датхи.

- 31 августа** — принятие «Декларации о государственной независимости Республики Кыргызстан».
- 12 октября** — всенародные выборы президента Республики Кыргызстан. Президентом избран А. Акаев.
- 8–21 декабря** — роспуск СССР и создание СНГ.
- 1992 г.** **2 марта** — принятие Кыргызстана в члены ООН.
- 3 марта** — утверждение Государственного флага Республики Кыргызстан.
- 30–31 августа** — 1 Всемирный курултай кыргызов.
- 18 декабря** — утверждение Гимна Республики Кыргызстан.
- 1993 г.** **5 мая** — принятие Конституции Кыргызской Республики
- 10 мая** — введение национальной валюты (сома)
- 20 августа** — изменение статуса АН — преобразование ее в Национальную академию наук.
- 1994 г.** **21–23 января** — Первый курултай народа Кыргызстана
- Январь** — утверждение Герба Кыргызской Республики
- 2–13 сентября** — парламентский кризис и самороспуск Жогорку Кенеша.
- 7 октября** — торжественное заседание, посвященное 70-летию образования Киргизской автономной области
- 22 октября** — Всенародный референдум по вопросу создания двухпалатного Жогорку Кенеша.
- 1995 г.** **5 февраля** — выборы в двухпалатный Жогорку Кенеш
- 25–30 августа** — торжества в связи с 1000-летием народного эпоса «Манас»

24 декабря — выборы Президента Кыргызской Республики. Президентом вновь избран (на второй срок) А. Акаев.

1996 г. 10 февраля — Всенародный референдум по внесению изменений и дополнений в Конституцию Кыргызской Республики

17 февраля — Второй курултай народа Кыргызстана.

1–4 марта — Указы Президента А. Акаева о формировании нового состава правительства во главе с премьер-министром А. Джумагуловым и администрации Президента Кыргызской Республики

29 марта — заключение Договора между Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном и Россией о всестороннем сближении и углублении интеграции.

ШТРИХИ БИОГРАФИИ

**Хотел быть историком, стал физиком.
Так рождаются легенды**

Летом 1994 г. Президент Аскар Акаев на вопрос корреспондента российского еженедельника «Собеседник» ответил: «Я историком хотел быть. Военным. С третьего класса запоем читал про походы Суворова, Нахимова... О Наполеоне все перечитал. А потом смотрел фильм «Ватерлоо» и вроде бы уже знал все, но так хотелось, чтобы Наполеон выиграл сражение.

Корреспондент: У вас в роду воины были?

А. Акаев: И воины, и правители. Я, между прочим, прапраправнук самого Атаке-бия. В 1785 г. он был ханом и отправил в Россию послов. Их приняла Екатерина II, да с большим почетом. Потому что была умная женщина, понимала: Россия будет иметь большой интерес к нашему региону.

Мой предок Шабдан-батыр правил в Северном Кыргызстане и помогал генералу Скобелеву присоединить Южную часть нашей страны к России. Мой отец как потомок ханского рода был вынужден скрываться в степях Казахстана...».

Историком Аскар Акаев не стал. Нашел себя в физике и вырос в талантливого ученого-исследователя, создавшего голографические системы памяти большой емкости.

Что же касается знаменитых предков — это, скорее, дань легенде, хоть и основанной на исторических преданиях, легенде, распространяемой корреспондентами с целью придать еще большее обаяние имиджу президента.

И А. Акаев сам пытался подправить эту легенду. Так, через год, в августе 1995 года, в преддверии тысячелетнего юбилея эпоса «Манас» во время встречи с зарубежными и местными журналистами А. Акаева вновь спрашивают о том же.

«Вопрос: В газетах писали, что Вы являетесь прямым потомком Шабдан-хана, Джантая, Атаке-бия — словом, правителей Киргизии. Правда ли это, и как вообще Вы относитесь к монархии?

Ответ: Нет. Я не являюсь прямым потомком Шабдана. А наш род восходит к приемному сыну хана, который жил в XVI веке. Один казахский султан, спасаясь от преследования, был вынужден перейти к кыргызам. И был принят ханом. У этого султана от кыргызской жены родился сын, который был усыновлен правителем и впоследствии стал кыргызским ханом. Вот от него и пошел наш род. Поэтому меня иногда называют казахом. Но, думаю, что даже сам Аллах не смог бы различить казаха и кыргыза...».

Так рождаются легенды. Но они питаются историческими реалиями. По народным понятиям, человек определенного рода или племени считается потомком великого предка, вне зависимости от прямой кровнородственной связи.

Давая многочисленные интервью (а не давать их нельзя), А. Акаев забывает (или недооценивает) мудрый совет, который дал ему еще в начале президентского пути его научный руководитель С. А. Майоров, выдающийся физик, профессор, лауреат Госпремии СССР, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Наставляя своего ученика, С. А. Майоров предупреждал его: «Меня не раз подводили журналисты. Они всегда спешат. Не имея времени на обдумывание, они часто публикуют не то, о чем говорил автор. Совет — всегда требовать текст на просмотр, до его опубликования».

Дельный совет, но едва ли выполнимый для Президента (хотя и есть у него целый штат пресс-службы). Даже

более свободные люди не всегда в состоянии проследить за публикацией своих интервью. (Не раз с горечью и мы убеждались, сколь вольны и легкомысленны иногда бывают корреспонденты, обрабатывая ответы интервьюируемых). Эту легкость с уклоном на сенсационность мы и видим в ряде интервью Акаева разным журналистам. Падкие на сенсацию журналисты вслед за этим начали проводить собственные исследования родословной А. Акаева: одни — пытаясь вывести ход успехов Президента из его «достопавной» восточной генеалогии, другие — явно злопаля над нестыкующимися фактами. Лишь специально проведенное исследование нашего докторанта историка Д. Сапаралиева, как нам представляется, ставит в этом вопросе точку специалиста («Свободные горы», № 45—53, март—апрель 1996 г.). По санжыре, по сведениям знатоков родословия и исторических источников, Президент действительно происходит из племени сарыбагыш — одного из крупнейших в Кыргызстане. Оно подразделялось на четыре больших родственных отдела: эсенгул, тынай, черикчи, надырбек. Отдел эсенгул возглавлял манап Уметалы, сын Ормона, провозглашенного ханом в середине XIX в. В его состав входил род абыла, из которого непосредственно и выходили Акаевы. Второй родственный отдел — тынай возглавлял манап Жантай Карабеков — прямой потомок знаменитого Атаке-бия, отправлявшего послов к Екатерине II. Третий отдел — черикчи — возглавлял родственный им манап Турегельди Абайдуллин. Четвертый отдел — надырбек — возглавлял родственный им манап Калыгул Бай уулу — знаменитый акын, один из основоположников историко-философского учения «заман» (о бренности мира и его неизбежном трагическом конце). Так что Аскар Акаев действительно является потомком древних кыргызских родоправителей-манапов из крупного племени сарыбагыш, а по матери-казашке в его жилах

течет и казахская кровь. Легенды все же рождаются на исторической основе — «нет дыма без огня».

Но Президентом А. Акаев стал не потому, что потомок великих родоправителей.

А что же следует из автобиографии А. Акаева?

Личное дело А. Акаева. Президента, но не государства, а Академии наук. Пройдемся по его страницам.

Из автобиографии:

«Я, Акаев Аскар, родился 10 ноября 1944 года в селе Кызыл-Байрак Кеминского района Киргизской ССР в семье колхозника. С 1951 по 1961 год обучался в Ново-Российской средней школе Кеминского района, которую окончил с золотой медалью. С октября 1961 по июль 1962 года работал слесарем на заводе «Фрунземаш». В 1962 году поступил в Ленинградский институт точной механики и оптики, который окончил с отличием в 1968 году и получил квалификацию инженера-математика по ЭВМ. С 1968 по 1971 год обучался в аспирантуре Ленинградского института точной механики и оптики, которую окончил с успешной защитой кандидатской диссертации...

В октябре 1972 года поступил на работу во Фрунзенский политехнический институт в качестве ассистента. С октября 1973 по октябрь 1976 года являлся докторантом Ленинградского института точной механики и оптики. Докторскую диссертацию защитил в ноябре 1980 года в Московском инженерно-физическом институте. С октября 1976 по апрель 1982 года работал на кафедре «АСУ и вычислительная техника» Фрунзенского политехнического института, с ноября 1977 года — заведующим кафедрой. С апреля 1982 по январь 1986 года заведовал кафедрой ЭВМ. В октябре 1981 года вступил в члены КПСС».

Такова биографическая хроника, таковы вехи на пути ученого к вершинам физики.

Педагог вуза

Работая в вузе, он получил научное признание за достижения в области оптической вычислительной техники и прикладной голографии.

Большой резонанс вызвала в ученом мире написанная А. Акаевым совместно с известным советским ученым профессором С. А. Майоровым монография «Когерентные оптические вычислительные машины» — первая в нашей стране по этому направлению. Издана она была в Ленинграде в 1977 году.

В вузе А. Акаев уделял большое внимание подготовке научно-педагогических и инженерных кадров. Выпустил только в вузе 6 кандидатов наук. Руководил аспирантами и соискателями, научно-исследовательской лабораторией «Опто-электроника», СКБ «База-ЭВМ» и «Нур».

Оценив научные достижения Акаева в области оптики и голографии — новом направлении науки с широкими прикладными возможностями, Ученый совет Политехнического института выдвинул его кандидатуру в члены-корреспонденты республиканской Академии наук. И 28 июня 1984 года А. Акаев вместе с другими 13 учеными был избран членом-корреспондентом.

В 1986 году А. Акаев возглавляет отдел науки и учебных заведений ЦК КП Киргизии.

Партийный функционер

Переход крупного ученого в партийные органы, и не на рядовые посты, а, нарушая традиции партийной иерархии, сразу в заведующие отделом науки и образования, вызвал в Кыргызстане всевозможные толки и прогнозы.

В мягком, тактичном молодом ученом никак не просматривался партийный функционер. В его методах не было

жесткого администрирования, он пытался действовать убеждением, а не силовым давлением. Вспоминаем, как целую неделю он терпеливо убеждал одного из авторов перейти работать деканом факультета в университет. А когда получил твердый окончательный отказ, понял, и больше не убеждал.

Это было время, когда на голову прежнего руководства республиканской Академии обрушились несправедливые нарекания и гонения. Президентом Академии наук в 1986 году был приглашен из Москвы видный специалист в области геологии, прогнозирования и освоения новых источников сырья для атомной промышленности Н. П. Лаверов. Все понимали: российский ученый, будучи крупным организатором науки, прибыл в качестве «буксира» — вытянуть из «застойного болота» кыргызскую науку. При нем вице-президентом в Академию наук был направлен А. Акаев.

Президент Академии наук

3 июля 1987 года общее собрание академиков республики избирает в свое сообщество действительными членами (академиками) Н. П. Лаверова — по специальности геология, горные науки; А. А. Акаева — по специальности информатика и вычислительная техника; У. А. Асанова — по специальности технология неорганических материалов.

Президентом Академии был избран Н. П. Лаверов, первым вице-президентом — академик А. Акаев. Теперь А. Акаев полностью занят научной работой. Через два года он избирается президентом Академии наук республики.

Работа в Академии была самым плодотворным этапом в научной деятельности будущего Президента республики. А. Акаев избирается членом оптических обществ ряда стран, почетным профессором и академиком многих

учебных заведений и научных учреждений стран ближнего и дальнего зарубежья, членом редакции всемирно известного журнала «Новости оптики». Прощаясь со своими коллегами после избрания главой государства, Аскар Акаевич направил общему собранию Академии следующее послание:

Общему собранию
Академии наук
Киргизской ССР

Глубокоуважаемые
члены Академии!

В связи с избранием 24 октября 1990 года
Президентом республики прошу освобо-
дить меня от обязанностей
Президента Академии наук Киргизской ССР.

Вместе с тем выразить свою искрен-
ную благодарность всем членам Академии,
ее Президиуму, всему коллективу
Академии наук за поддержку и добро-
казанные мне в период работы
в Академии.

Аскар А. Акаев

30. X. 1990 г.

ВЗЛЕТ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОЛИМП

Кризис власти

Каковы же были политические предпосылки, которые обусловили смену руководства в республике?

Во-первых, из-за своей безликой государственной, экономической и социальной политики, отсутствия какой бы то ни было самостоятельной позиции, консервативных методов руководства, методов силового давления прежнее руководство республики потеряло авторитет даже в глазах парламента, им же «собранного» по коммунистическому образцу. Оно не смогло предотвратить ряд крупных общественных конфликтов. Необходимость замены конкретного лица стала очевидной для всех.

Во-вторых, в самом парламенте, несмотря на его старокоммунистическую направленность, оказались и люди, демократически настроенные, исполненные гражданского долга, слова и действия которых не могли не повлиять на парламент в целом.

В-третьих, борьба между главными лицами бывшей власти за президентское кресло (причем в правилах старой практики — без уступок и самоотводов) привела к разногласиям в «коммунистическом стане», и борьба между главными руководителями перешла в борьбу между членами парламента по определенным групповым признакам. В результате не прошел ни один из трех серьезных конкурентов.

В-четвертых, на ЦК КП Киргизии и — Верховный Совет республики оказало сильное давление общественное движение под лозунгом смены руководства.

Изменилось время. И оно требовало в руководстве Нового человека.

Кто его поддержал, кто боролся за него в парламенте? Неоднозначен состав поддержавших его. Одни — это истинные приверженцы демократии, бескорыстные, большой власти не имевшие и не стремившиеся к ней, жаждавшие одного — позитивных перемен. Другие — те, кто был «обижен» прежним руководством и жаждал мести, кто, предав старых хозяев, хотел вернуться к власти вместе с Новым человеком. Третьи — взвешенные прагматики, которые осознали необходимость и неизбежность перемен, и были готовы к работе с Новым человеком.

Стремление изменить отживший стиль управления, избавиться от постоянной оглядки на Москву, предпочтения партийного пленума сессии укрепили желание депутатов пойти по новому пути суверенизации государства и провести выборы Президента Кыргызстана, с передачей ему всей полноты политической власти. Этого требовала и демократическая оппозиция депутатов, состоящая из 114 человек. В нее входили академики И. Айтматов, У. Асанов, будущий академик А. Эркебаев, писатели К. Акматов и М. Байджиев, литературный критик К. Бобулов и другие радикально настроенные депутаты, опубликовавшие в газете свое заявление.

Готовился ли стать Президентом Кыргызстана Аскар Акаев — академик, ученый, способный сделать блестящую научную карьеру? Многие наблюдатели утверждают: нет, не готовился, его избрание главой государства не что иное, как счастливая случайность. Так ли это?

Попробуем восстановить некоторые обстоятельства, предшествовавшие его избранию, которые могут пролить свет на истинное положение дел. Эти сюжеты неоднократно обыгрывались на страницах печати. Мы воспользуемся» официальным изданием, подготовленным к печати

в 1993 году Мелисом Эшимкановым и Каныбеком Иманалиевым в переводе с кыргызского Осмонакуна Ибраимова.

Сначала следует вспомнить трагические ошские события в июне 90-го и приезд Чингиза Айтматова (в то время члена Президентского Совета СССР) в Ош, а затем — в Бишкек (тогда еще Фрунзе). Авторитет знаменитого земляка, его выступления по телевидению, в печати позволили несколько разрядить взрывоопасную обстановку в регионе, чего не смогло сделать тогдашнее руководство республики.

Именно в этих условиях демократически настроенные государственные, партийные и общественные деятели проводят закрытое совещание, куда, как утверждают, первое лицо республики — А. Масалиев — не был приглашен. Предполагают, что совещание проводилось с ведома и согласия М. С. Горбачева. Но как бы то ни было, вопрос о возможном преемнике первого секретаря ЦК КП республики обсуждался всерьез. И тогда же названы были три кандидатуры, среди которых впервые упоминался А. Акаев. Из этого следует, что Аскар Акаев уже тогда выделялся и был достаточно заметной фигурой в политических кругах.

Когда на выборах в Верховный Совет СССР 6 марта 1989 года Акаев избирается народным депутатом от Наукатского района Ошской области, он впервые выносит на суд избирателей свое видение проблем республики и пути их решения.

В качестве депутата Верховного Совета СССР Аскар Акаев голосует за отмену 6-й статьи Конституции СССР (в ней КПСС рассматривалась как единственная руководящая сила советского общества), единственный из депутатского корпуса Кыргызстана в открытую поддержал опального академика Андрея Сахарова; боролся за предоставление льгот табаководам и чабанам; на третьей сессии ВС СССР он был единственным кыргызским депутатом, поддержавшим законопроект о собственности — законопроект,

заложивший основу перехода на рыночные отношения; принимал активное участие в подготовке спецвыпусков бюллетеня «Народный депутат», будучи членом комитета по реформам.

Работа в ВС СССР для Аскара Акаева не прошла даром. Она была хорошей школой для дальнейшей политической деятельности.

Одним из обстоятельств, благоприятствовавших приходу к президентской власти Акаева, стал политический кризис, разразившийся в республике накануне второй сессии Верховного Совета Кыргызстана. Перед «Белым домом» появились объявившие голодовку (число их достигло 141). Такая же ситуация сложилась в Оше, Токмаке, Быстровке. Главным требованием митингующих была отставка А. Масалиева, популярность которого в эти дни резко упала.

При рассмотрении возможных кандидатур на пост Президента поначалу выбор остановили на Председателе Совета Министров Апасе Джумагулове. Позже были названы также кандидатуры лидера иссык-кульских коммунистов Ж. Аманбаева и члена Политбюро ЦК КПСС А. Масалиева. (На выборах Президента ни один из них не получил большинства голосов). Была образована согласительная комиссия, которая, однако, не сумела прийти к единому мнению. Принимается решение обратиться к Чингизу Айтматову с просьбой дать согласие баллотироваться на пост Президента, на что писатель сразу ответил отрицательно. Но когда заинтересовались его мнением, он назвал фамилию Акаева и посоветовал продумать этот вариант.

В канун выборов А. Акаев находился в Москве.

Выборы Президента

Еще до выборов, в личной беседе Акаев на вопрос депутата А. Эркебаева, готов ли он бороться за президентство,

ответил явно уклончиво, ссылаясь на свою недостаточную опытность. И все же депутаты Верховного Совета республики решили включить Акаева в список для тайного голосования. Начались лихорадочные поиски Акаева по телефону. Его не могли найти ни в гостинице «Москва», где он остановился, ни у знакомых. (Оказалось, что он в это время, ни о чем не подозревая, со своей старшей дочерью Бермет был в гостях у коллеги — известного ученого-математика, академика Самарского),

Только глубокой ночью удалось найти Акаева и уговорить срочно прилететь домой. Происходило это ровно за сутки до выборов.

Выборы начались 27 октября 1990 года в 10 утра. «Окрыленные» демократией депутаты выдвинули для обсуждения сразу 12 кандидатур. На финиш вышли двое: Аскар Акаев и Насиридин Исанов. В итоге с большим преимуществом победил А. Акаев. Так он стал первым Президентом Кыргызстана.

Из интервью супруги Президента Майрам Акаевой журналистам:

«Подозревали ли Вы, что Ваш супруг когда-нибудь станет Президентом?»

— Нет, никогда. Ну кто не мечтает в молодости, и мы вдвоем мечтали кое о чем. Мечтали, например, окрыленные высокой оценкой самых именитых тогда ученых-физиков изысканий мужа: мы всей семьей сидим в Королевском дворце Стокгольма, а Аскар читает там свою Нобелевскую лекцию...

Но не думали, что он станет Президентом Кыргызстана».

Так открылась дорога к руководству страной для Нового человека. Им стал человек, который раньше не был глубоко связан с партийно-государственными структурами. Ученый, отличающийся аналитическим умом, умением «считать», он быстро оценивал ситуацию, выдвигал самостоятельные решения. В общем далекий от политики,

а тем более от политиканства, за два года работы в парламенте СССР А. Акаев стал гибким, динамичным и прозрачным политиком.

В чем уникальность прихода к власти А. Акаева? Он пришел один, не выдвигаясь ни от одной партии или общественной организации, не имея своей подготовленной команды. Такое положение имело и плюсы, и минусы. Плюс — он в принципе был свободен в выборе, что давало возможность формировать команду, исходя из компетентности, приверженности к демократии, высоких нравственных качеств возможных кандидатов. Минус — он не имел своей команды. У него не было времени узнать, кто есть кто. КП Киргизии, другие общественные организации, определенные группировки в Верховном Совете, лидеры внутренних регионов стали оказывать на него давление. В общем он выстоял, но тем не менее вынужден был идти на определенные компромиссы, что, понятно, впоследствии сказывалось. Отсутствие информации о кадрах объективно вынудило Президента искать сотрудников для себя среди узкого круга лиц, которые были известны. Но это были люди из партийного, советского и хозяйственного аппаратов прежней власти. Ситуация того периода была такова, что в общем-то лучшие силы в кадрах были коммунистами и служили командной системе. Рычага исполнительной власти на разных уровнях государственного и хозяйственного управления были в их руках, они имели опыт организационной работы. Президент не мог не считаться с этим фактом. Отдельные из этих работников впоследствии действительно показали себя единомышленниками Президента, но в целом его команды так и не составили.

Доля вины Президента здесь была. Он не сделал необходимых попыток глубже и ближе узнать новых людей, чтобы привлечь их для работы. Не зная в должной степени набранной команды, он замкнулся в своем аппарате и подчас передоверял ему кадровые вопросы.

В это время начался развал СССР. Первым шагом на пути к этому стало принятие 12 июня 1990 года первым съездом народных депутатов РСФСР Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации. Провозглашение независимости России, во многом определенное поведением других, в основном европейских союзных республик, усилило сепаратистские настроения в целом в СССР, приблизило его окончательный распад.

Первые шаги

Дальнейшая судьба А. Акаева неотделима от судьбы его страны, становления, и укрепления независимого суверенного Кыргызского государства. Родилась и крепла мечта возродить обновленный Кыргызстан, мечта «кыргызского ренессанса». Здесь в полной мере жажда исторического знания заставила Президента обратиться к истории своего народа с тем, чтобы познать этапы и осознать уроки строительства кыргызской государственности. Нет народа, который не мечтал бы о независимости и о собственной государственности. И кыргызы два тысячелетия мечтали о собственном государстве, что нашло отражение в непревзойденном народном творении — героическом эпосе «Манас».

Звездный час пришелся на IX век. Тысячу лет тому назад был кратковременный взлет, когда в кочевом мире метеором промелькнуло так называемое «кыргызское великодержавие». Затем снова тысячелетие борьбы за выживание, пока, наконец, уже в рамках советской системы, кыргызский народ не добился первой ступени государственности — автономной области. За десятилетие с небольшим она трансформировалась в союзную республику — декларативно суверенную, но фактически во многих отношениях ограниченную реалиями тоталитарного режима. И только

в 1991 году на общей волне парада суверенитетов бывших союзных республик Кыргызстан обрел полную независимость как государство и равноправным членом вошел в мировое сообщество.

Начался новый отсчет времени в судьбе суверенного Кыргызстана.

Испытание на демократизм

Первому Президенту Кыргызстана досталось тяжелое наследство. Большую власть все еще имела Компартия республики. Создалась ситуация некоего «двоевластия». В целом в СССР нарастали центробежные силы, разрушались экономические связи, активизировались инфляционные процессы, возникала межнациональная напряженность. Происходила трансформация лозунгов в направлении идеологизации: «социалистического рынка» — в «регулируемый»; «создания гуманного социализма» — во «вхождение в цивилизованный мир»; «федерации и конфедерации» — в «суверенитет и государственную самостоятельность».

В положении дел в Кыргызстане, как в капле воды, отразилась кризисная ситуация, сложившаяся в СССР в 1991 году. После острых дискуссий руководителям девяти республик удалось прийти к проекту Союзного Договора, подписание которого намечалось на 20 августа. Предстоял реальный переход к действительному федеральному государству, к замене сложившихся государственных структур новыми.

Консерваторы решили сорвать подписание Договора. В ночь с 18 на 19 августа был создан Государственный Комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) в СССР. М.С. Горбачева изолировали в Форосе, где он находился на отдыхе, приостановили действие оппозиционных партий и движений, ввели войска в Москву. В республики были

разосланы информации с требованием поддержать ГКЧП, причем путчисты действовали в основном через партийные структуры. На местах предстояло сделать решающий выбор: возврат к прошлой системе или продолжение демократизации общества и движение к подлинному суверенитету.

В эти дни в Кыргызстане отмечалось 180-летие Курманжан-датхи. На юге республики проходили торжественные юбилейные мероприятия. На них присутствовали Президент А. Акаев, первый секретарь Компартии Ж. Аманбаев, другие руководители республики. Мы сами были свидетелями, как какая-то тревога стала ощущаться в атмосфере праздника, затем первые лица срочно улетели в Бишкек. Уже 20 августа ЦК Компартии республики выступил в поддержку ГКЧП, тогда как Президент А. Акаев объявил происшедшее путчем и заявил о поддержке законного союзного правительства.

А. Акаеву и его верным сподвижникам удалось мобилизовать все силы, чтобы парализовать действия сторонников ГКЧП в республике.

А 21 августа путч закончился безусловным поражением. В Москву прибыл М. С. Горбачев. Однако центральная союзная власть была уже бессильна.

Один из ведущих западных советологов проф. Д. Хоскинг в связи с этими событиями образно писал тогда же: «Попытка путча в августе 1991 г. была во многом заговором Горбачева против самого Горбачева, когда одна половина его двойственной политики совершила покушение на другую». И еще: «Своим провалившимся выступлением путчисты ускорили именно те события, которые хотели предотвратить, — окончательный распад СССР и смерть КПСС».

После августовского кризиса стало ясно, что с таким центром республикам не по пути. Кыргызстан, как и другие бывшие союзные республики, декларировал свою независимость. Уже 21 августа 1991 года Верховный Совет Республики Кыргызстан по инициативе А. Акаева принял

«Декларацию о государственной независимости». Так завершился 74-летний этап развития Кыргызстана в составе советской страны.

Вскоре была запрещена деятельность Компартии Кыргызстана, главный мотив — активная поддержка ГКЧП со стороны руководства КПК.

Точка в развале СССР была поставлена «беловежским соглашением» Президента России Б. Н. Ельцина, Президента Украины Л. М. Кравчука и Председателя Верховного Совета Беларуси С. С. Шушкевича «Об образовании Содружества Независимых Государств (СНГ)».

Оно было ратифицировано решениями Верховных Советов трех союзных республик. Развал СССР стал свершившимся фактом. 21 декабря 1991 года на встрече в Алма-Ате к Содружеству присоединилось еще восемь республик, в том числе и Кыргызстан. А. Акаев поставил свою подпись под документом уже как Президент суверенного Кыргызстана.

У руля суверенного Кыргызстана

А. Акаев был избран Президентом парламентским путем. Почти через год — 12 октября

1991 года — его полномочия были подтверждены все-народными выборами. Первый Президент суверенной Республики Кыргызстан получил полномочия от всего народа.

В декабре 1991 года в Большом зале Кыргызской филармонии в торжественной обстановке Президент, положив руку на Конституцию, рядом с которой муфтий Кыргызстана положил Коран, принес присягу на верность народу и государству:

«Я, Аскар Акай уулу, Президент Республики Кыргызстан, перед всем своим народом и священным Отечеством Ала-Тоо, перед Богом от чистого сердца клянусь:

- свято соблюдать Конституцию Республики Кыргызстан и ее законы;
- защищать суверенитет и независимость кыргызского государства;
- уважать и обеспечивать права и свободы всех народов Республики Кыргызстан.

Перед всем своим народом и священным Отечеством Ала-Тоо, перед Богом от чистого сердца клянусь:

- с честью неустанно выполнять высокие обязанности Президента Республики Кыргызстан, возложенные на меня доверием всего народа».

С благословением предков старейшина кыргызского народа писатель академик Тугельбай Сыдыкбеков наставляет Президента:

«Думай глубоко — и пусть сказанное тобой будет всем по душе, сынок Аскар...

Будь в любом деле беспристрастен и справедлив как человек, способный разделить волосок вдоль, чтобы породнились и свой, и чужой...

Пусть правое дело твое не знает осечки.

Да приумножится достоинство твое.

Пусть народ твой будет здоров, а земли и воды невредимыми.

Пусть полной чашей будет доля людская!».

Мы были в зале. Присутствующие бурными аплодисментами встретили новую процедуру посвящения в главы государства, процедуру, освященную духом Манаса и устремленную в будущее.

ВО ГЛАВЕ ГОСУДАРСТВА

На пути к государственному «ренессансу»

Президент А. Акаев однозначно избрал ориентацию на создание при поддержке прогрессивной части общества демократического правового государства. Последовательно, шаг за шагом, формируется законодательная его основа. Определяются «форма государственного устройства, структуры исполнительной власти. Появляется возможность многопартийности в политической жизни. Внутренняя межнациональная политика направлена на обеспечение стабильного гражданского согласия и реализацию общечеловеческих ценностей. Проводится активная внешняя политика. Кыргызстан признается ведущими странами мира, принимается в ООН.

Все эти позитивные процессы непосредственно связаны с именем Президента А. Акаева. Пришлось коренным образом перестраивать государственные структуры, отходить от принципов советских органов власти.

При этом четко определились три ветви власти — законодательная, исполнительная и судебная. По общепринятым меркам — это высший уровень демократии. Но их формирование и разделение функций оказалось делом вовсе не простым, одним декларированием здесь было не обойтись. Это процесс затяжной и мучительный. Один за другим следуют эксперименты, не всегда оправданные, подчас вызывающие недоумение. Президент в неустанном поиске, экспериментируются новые государственные структуры, разрабатываются новая Конституция суверенной Кыргызской Республики, символы независимого

Кыргызстана — Государственный флаг, Герб и Гимн, осознавая настоящую необходимость, приступили к разработке собственной национальной валюты. Это был путь проб и ошибок. Ошибок, которые важно было осознавать и из которых Президент старался делать верные выводы.

В июне 1994 года, во время пребывания в Париже А. Акаев признал и совершенные на первых шагах утверждения государственности ошибки: «Мы жили в состоянии некоей эйфории, уверовав в неограниченные возможности демократических политических институтов, в магическую силу Конституции, многопартийности, парламентаризма, свободной прессы. Наша демократия в политической сфере возникла и начала действовать при отсутствии рыночной экономики и гражданского общества, при отсутствии частных и групповых производственных интересов и господстве потребительских интересов».

На первых порах, когда новые государственные органы только начали «осознавать себя», находились на стадии становления, важно было не противодействовать им, а оказать поддержку, как бы выдать «кредит доверия». Ошибались ли эти новые структуры? Безусловно. И им надо было помочь в устранении ошибок, а не идти на их разрушение. Разрушение ради разрушения — это разрушение государственности, когда ей нет лучшей или хотя бы равноценной альтернативы. Но говорить об издержках становления в духе конструктивного подхода было необходимо. И глава республики — ее Президент — имел мужество признать ошибки. Как только Кыргызстан обрел статус суверенного независимого государства, субъекта международного права, начался новый, «собственный» процесс законотворчества и законодательства. Но сохранился и прежний (времени существования СССР) опыт копирования проектов союзных законов, законов, издаваемых Россией, Украиной. Принятые важные нормативные акты не всегда проходили предварительную апробацию, часто не было нормальной экспертной

⁸ Том VII. Кн. 2 В. М. Плоских

оценки и конструктивного обмена мнениями в самом Кыргызстане, где эти акты должны были применяться.

Законодательная инициатива в основном исходила от Президента. Парламент в принципе только «собирал» проекты законов, обсуждал их и утверждал. Хотя именно он — законодательный орган, а потому должен был быть и инициатором, и разработчиком законов и нормативных актов, т. е. «профессионалом». Тем более, что правом законодательной инициативы обладал ряд государственных и общественных организаций. В президентском же аппарате должны были лишь контролироваться правильное использование законов и их исполнение.

Какие ошибки в формировании государственных структур можно заметить? Не всегда выдерживался общий продуманный и согласованный подход. Под каким, под чьим давлением начинали восстанавливаться некоторые изжившие себя структуры?

На начальном этапе президентства А. Акаев не раз оказывался в сложной ситуации, может быть потому, что более легким и простым подчас представлялся ему путь Кыргызстана к возрождению и расцвету, к новому «ренессансу». Бывал он и в патовых ситуациях. В таких случаях на вопрос «Каким же будет Ваш следующий ход?» он отвечал: «Я что-нибудь придумаю». И действительно придумывал, выходил из положения. Срабатывал аппарат многовариантного научного мышления. Опыт и методы ученого помогали политике и государственному деятелю.

И еще говорил Президент, опираясь на опыт прошлого своего народа: «Мы собираемся строить не общество безродных манкуртов, рабов всеядного потребления, забывших традиции и ценности предков... Мы должны извлечь уроки из нашей истории, освоить все лучшее, что было в прошлом, и сплавить его с будущим».

Достаточно вспомнить его выступление, посвященное 70-летию образования Киргизской автономной области

(«Воскрешение жизни, зов не только прошлого, но и будущего»), речь на I Всемирном курултае кыргызов («Да расцветет наше многонациональное государство, да поддержит нас дух предков во главе с Манасом»), выступление на торжественном заседании, посвященном тысячелетию эпоса «Манас» («Манас» — немеркнущая звезда кыргызского духа).

Как себе представлял Президент государственный суверенитет, государственное возрождение? В чем великий смысл и ценность независимости Кыргызстана? На эти вопросы он сам ответил в Обращении к народу по случаю дня независимости Кыргызской Республики 31 августа 1994 года.

«Государственная независимость — это возможность самостоятельно, своими руками, разумом и волей, своей инициативой и под свою ответственность решать самые важные вопросы хозяйственной и культурной жизни. Определить свою судьбу на сегодня и завтра и на самое далекое будущее.

Государственная независимость — это возможность говорить на равных с большими и малыми народами, самостоятельно определять свой путь и свое место в мировом сообществе, открываясь миру, всем его могучим ветрам...

Государственная независимость — это возможность сохранить себя на века как нацию, сберечь свои неповторимые черты и качества, умножая тем самым свой вклад в общую копилку мировой цивилизации.

Государственная независимость — это дальнейшее развитие нашей самобытности, языка, культуры. Это возможность наполнить свою жизнь национальным многоцветием и многозвучием.

Национальная независимость — это и великая историческая ответственность кыргызов за свою национальную судьбу, и за судьбу всех этносов, живущих бок о бок с ними, образующих вместе с кыргызами единый народ нашей чудесной страны».

Вспомним, как еще две с лишним тысячи лет тому назад предок кыргызов — сакский посол советовал Александру Македонскому, дошедшему с завоеваниями до Тянь-Шаня: с кем ты не будешь воевать, в тех сможешь найти верных друзей. Самая крепкая дружба бывает между равными, а равными считаются только те, кто не угрожает друг другу силой. Мудрый совет для потомков.

Президент, озаглавив свое Обращение символически — «У нас есть все основания смотреть в будущее с оптимизмом».

Главная трудность

Самая главная задача, стоящая — сегодня перед Президентом, — облегчение экономических трудностей. Экономический кризис, который мы пережили, начался не с момента утверждения президентской власти в республике — с октября 1990 года, а гораздо раньше — с начала 1980 года, уже тогда наблюдались симптомы кризисных явлений.

В свое время союзные и республиканские партийные и правительственные органы указывали на эти негативные процессы в экономическом развитии, проявляли озабоченность, принимали меры, что-то из них реализовывалось, что-то нет. Ученые причины спада экономики усматривали в несовершенстве используемых показателей экономической оценки, методов их расчета. Предлагались более «совершенные». А положение не менялось. Дело шло все хуже и хуже. А причина не находилась, хотя она была на поверхности.

Никому и в голову не приходила мысль об исторической недееспособности избранной (по существу навязанной обществу) командной социально-экономической системы. А если и приходила (все-таки приходила!), то молчали. Репрессивный метод борьбы с инакомыслием установил режим молчания.

После 1985 года симптомы кризисных явлений стали нарастать, кризис стал углубляться и охватывать более широкое пространство. Явно, во всем своем проявлении болезненно для народного хозяйства и для населения, экономический кризис разразился в 1990—1991 годах. И глубоко заблуждаются те, кто усматривает причины в происходящих демократических переменах.

Итак, где же причины? Кто же виноват? Что же мешало? Во-первых, провозгласив политическую и экономическую реформу, руководство КПСС не то, чтобы довело ее до логического завершения, но по существу торпедировало перестройку и процесс оздоровления экономики, последовательно не проводило политику реформы. Скорее всего, оно намерено было ограничиться половинчатой реформой сверху в духе коммунистического мероприятия. Не осознавая, что реформа, хотя и начата сверху, но уже подхвачена массами, и должна завершиться (как и завершилась) мирной революцией — изменением общественно-экономического устройства.

Беда М. С. Горбачева, как реформатора, в том, что он вовремя не порвал с консервативным руководством КПСС, проявлял нерешительность и, более того, оставался в плену «коммунистических реформ».

Не работал на реформу и парламент страны, не пропустивший практически ни одной из представленных программ перехода к рынку. Исходя из коммунистических требований, спекулируя на том, что действует от имени и во имя народа, а по существу сдерживая реформы, парламент нанес вред интересам народа. Будь даже вовремя принята Программа Рыжкова — Абалкина (не говоря уже о более радикальной Программе Шаталина — Явлинского) реформы пошли бы менее болезненно. Не то, что радикальные, даже половинчатые компромиссные программы подвергались жестокому «избиению».

В самом правительстве СССР, как показал август 1991 года, оказалось не так уж много людей, истинно заинтересованных в демократических преобразованиях, в политической и экономической реформах. «Дворцовая» реформа, идеологическим инициатором которой была КПСС и которая исполнялась советским правительством, не шла на радикальные шаги. И тем не менее, такова уж, наверное, логика развития реформ, общество уже не могло ограничиться результатами «дворцового переворота» и перевело все на рельсы подлинно революционных процессов.

К разрушительному спаду в экономике привела не ориентация на реформы, не демократические процессы в обществе, а оппозиция (и скрытая, и явная) КПСС, парламента и правительства. Их приверженность к тоталитаризму пробудила в республиках неверие в способность союзных руководящих органов решать кардинальные вопросы политических и экономических реформ, возобладали центробежные силы, что и обусловило в конце концов развал политического и экономического единства.

Таким образом, не попытки развития демократических процессов, а попытки консервативных сил сохранить под «демократическим прикрытием» тоталитарный режим привели к политическому и экономическому распаду СССР.

В итоге разрушены экономические связи между бывшими его республиками. Экономический кризис в новых суверенных государствах СНГ углубился именно вследствие этого.

Президент А. Акаев сознавал гибельность дальнейшего разрушения экономических связей и отстаивал необходимость сохранения единого экономического пространства. И не только сохранения, но и дальнейшего развития и углубления этих экономических связей. Но уже не под диктатом центра, а на основе добровольности и взаимной выгоды. И жаль, что не везде и не у всех находила понимание необходимость сохранения единого экономического пространства.

Самыми «больными» местами в экономике являются технологически и технически устаревший производственный аппарат и деформированная структура народного хозяйства.

Однако спрос за отставание в технологическом уровне и структурную архаичность должен был быть не с новой власти, а с той, что была раньше. (История уже спросила с нее — этой власти уже нет. И спрашивать стали сразу). Но и упреки в адрес новой власти слышались всюду, К примеру, это касалось деятельности ряда крупных объектов, которые при советском режиме были введены в строй. Да, в первые годы президентской власти, продолжался жестокий экономический кризис. И не было в республике для разрешения или даже смягчения его ни экономических, ни финансовых возможностей,

В результате вместо ожидавшегося на волне эйфории суверенитета развития экономики и улучшения материального положения народа шел дальнейший, все ускоряющийся процесс разрушения производства, резкой социальной поляризации народа, роста криминальной экономики. Встав во главе государства, А. Акаев несколько необоснованно срок для перестройки, стабилизации положения и взлета экономики определил в 3 года. Жизнь внесла свои коррективы. К чести Президента, он сумел это мужественно признать и откровенно сказать об этом народу.

Президент поставил вопрос о разработке новой стратегической программы экономического развития страны.

Принятие Конституции Символика государства

Последний месяц 1992 года. ознаменовался большой политической активностью народа — бурно обсуждались представленные Президентом, группами депутатов и группой ученых альтернативные проекты Конституции суверенного

Кыргызстана. Разные были предложения и мнения, разные были проекты (в частности, и по объему — краткие, как в США, и пространные — почти как в бывшем СССР). Но все они сходились в основном: были нацеленность на демократизацию государства, вхождение в мировую экономику и цивилизованное общество. Проект академика Т. Койчуева, например, предусматривал двухпалатный парламент, но тогда это положение не получило поддержки.

Двенадцатая сессия Верховного Совета республики двенадцатого созыва 5 мая 1993 г. приняла Основной Закон — Конституцию Кыргызской Республики. В ее преамбуле было четко обозначено:

«Мы, — народ Кыргызстана, стремясь обеспечить национальное возрождение кыргызов, защиту и развитие интересов представителей всех национальностей, образующих вместе с кыргызами народ Кыргызстана, исходя из заветов предков жить в единстве, мире и согласии:

- подтверждаем свою приверженность правам и свободам человека и идее национальной государственности,
- исполненные решимости развивать экономику, политические и правовые институты, культуру для обеспечения достойного уровня жизни для всех,
- провозглашая свою приверженность общечеловеческим моральным принципам и нравственным ценностям национальных традиций,
- желая утвердить себя среди народов мира как свободное и демократическое гражданское общество,
- в лице своих полномочных представителей принимаем настоящую Конституцию».

В основу принятой Конституции был положен проект, предложенный президентом А. Акаевым, скорректированный в ходе обсуждения.

Республика Кыргызстан отныне называлась Кыргызской Республикой, Верховный Совет был переименован

в Жогорку Кенеш, а его Председатель именовался Торага. Государственным языком объявлялся кыргызский при гарантии равноправного и свободного развития и функционирования русского и других языков.

Конституцией Кыргызская Республика определялась как демократическая республика с президентской формой правления, когда Президент выступает гарантом незыблемости Конституции и единства государственной власти, является главой государства — его представителем внутри страны и в международных отношениях.

В то же время Конституция ограничивала полномочия Президента, часть функций которого переходила к Жогорку Кенешу, что само по себе таило в перспективе определенную конфронтацию законодательной и исполнительной властей. Конституция закрепляла государственную символику — флаг, герб и гимн. Позже к ним была добавлена национальная валюта — сом. Много споров вызвали разновариантные конкурсные предложения национального флага и герба. Под председательством Торага Жогорку Кенеша М. Шеримкулова была создана специальная комиссия. В итоге был принят Государственный флаг красного цвета, как в эпосе «Манас», хотя предлагались и голубой, и зеленый — почитаемый исламом как цвет знамени пророка. В центре — изображение солнечного диска (внутри — тундук юрты) с сорока расходящимися лучами цвета золота (от символического «кырк» — «сорок»). 5 марта 1992 года в 16.00 состоялась торжественная церемония подъема нового Государственного флага Кыргызской Республики над «Белым домом» — резиденцией Президента.

В январе 1994 года утвержден Государственный герб. Его авторами явились жители Нарына — школьный учитель рисования А. Абдраев и начальник УВД, вскоре ставший генералом С. Дубанаев — отнюдь не профессионалы-художники, тем более не геральдисты, что и вызвало определенную негативную реакцию профессионалов.

В центр круга на фоне голубого озера и снежных гор, из-за которых восходит солнце, — гордо распростер крылья белый орел. На ободке круга перевитые колосья и коробочки хлопка и надпись: «Кыргыз Республикасы». С этого времени на фронтоне «Белого дома» красуется новый национальный герб в бронзе.

Живой интерес вызвал конкурс на создание текста и музыки нового гимна. За перо и написание нот взялись стар и млад, от чабанов до профессионалов — поэтов и композиторов. В адрес комиссии поступило более 300 вариантов гимна. Был принят текст стихов Ж. Садыкова и Ш. Кулуева (русский перевод К. Ахматова и М. Рудова), музыка известнейших кыргызских композиторов Н. Давлесова и К. Молдобасанова.

Введение национальной валюты

В 1993 году была введена национальная валюта, а это было вызвано отнюдь не соображениями государственного престижа, а острой экономической необходимостью. Тем не менее национальные банкноты стали символом суверенного государства. Вопросами разработки национальной валюты занималась специальная комиссия из нескольких человек, причем в обстановке строгой секретности, ибо даже разговоры о собственной валюте в те времена рассматривались как кощунственные провокации. (У истоков разработки кыргызских денег стояли и оба автора данной книги: один — как экономист в должности госсекретаря, второй — в качестве историка). Но жизнь требовала своего и политики должны были смотреть намного дальше сиюминутных проблем.

Введение новой валюты должно было повлечь за собой серьезное преобразование всей экономической системы и народного хозяйства, наложить свой отпечаток на все

реформы, связанные с переходом к рыночной экономике. Однако определенная часть мер, непосредственно относящихся к введению национальной валюты, выделялась особо. Это реформа налоговой системы, ориентированной на поощрение предпринимательства, освобождение государственного бюджета от несвойственных ему функций, реформа банковской системы и др. Следовало завершить реформу цен, обеспечить единую политику цен и конвертируемость нашей валюты. Требовал особого внимания механизм введения новой валюты. Тайну подготовки кыргызских денег удалось сохранить, хотя отдельные намеки и высказывались в печати.

Переход России на новые деньги образца 1993 года фактически означал введение Россией собственной валюты и ставил другие государства СНГ, связанные с рублевой зоной, в трудное положение. И когда очередные проинфляционные акции руководства России поставили Кыргызстан перед реальной возможностью нового взрыва цен и угрозой гиперинфляции, Президент А. Акаев 3 мая 1993 г. внес на рассмотрение Верховного Совета республики предложение о введении национальной валюты. Обнадеживало в успехе этого акта и то, что Международный валютный фонд гарантировал материальное обеспечение кыргызских денег. После тщательного обсуждения в парламенте предложение было принято: 211 депутатов проголосовали «за», 41 — «против», 28 — воздержались. Для практического осуществления принятого решения был образован специальный комитет (в него вошли К. Нанаев, Т. Койчуев и Т. Чынгышев). 10 мая 1993 года национальная валюта Кыргызстана — сом. и тыйын — получила права гражданства.

Название кыргызских денег исторически уходило своими корнями в седую древность и буквально означало: «сом» — кусок драгоценного металла, «тыйын» — «серая белка», употребляемые в средневековье в виде эквивалента обме-

на — денег. Эскизы портретов видных деятелей культуры кыргызской истории (от эпического «Манаса», Токтогула, Курманджан-датхи, Т. Молдо, К. Тыныстанова до примабалерины Б. Бейшеналиевой и композитора А. Малдыбаева), разработанные кыргызскими художниками, нашли воплощение на купюрах первых кыргызских денег. Деньги были отпечатаны в Лондоне и спецрейсом доставлены в Бишкек. Многие обратили внимание на художественное исполнение денег и то, что на них были изображены женщины — конкретные исторические персонажи — уникальный случай для стран исламского мира.

Надо сказать, что сразу после введения кыргызской валюты, когда на страницах прессы бушевали дискуссии о том, чего больше — пользы или вреда — несет введение собственной валюты, мы выпустили брошюру «Сом — проблемы и надежды» (Т. Койчуев, В. Плоских. — Бишкек: Илим, 1993). Но новые деньги уже не нуждались в защите. Жизнь доказала своевременность нововведения.

К 1995 году сом, по признанию Международного валютного фонда, уже стал стабильной и конвертируемой валютой.

Противостояние Президента и Жогорку Кенеша

Как записано в Конституции, Кыргызская Республика — это суверенная, унитарная, демократическая республика, построенная на началах правового, светского государства.

Правовое государство (в отличие от неправового) осуществляет управление обществом в нормативном порядке, т. е. через законы.

Для того, чтобы законы были надежными, осуществлялись справедливыми средствами и защищались, необходим эффективный контроль за правотворчеством, правоприменением и правозащитой. Этому служит принцип разделе-

ния властей — законодательной, исполнительной, судебной.

Это означает, что ни одному из государственных органов не принадлежит вся государственная власть. Каждый из них осуществляет только свою, присущую ему функцию и не имеет права подменять другой орган. Такое разграничение направлено на то, чтобы удержать власть от возможных злоупотреблений.

Но нельзя не согласиться с тем, что из трех ветвей государственной власти какая-то одна должна выйти на первое место. В противном случае государственный механизм окажется поражен борьбой за фактическое верховенство или превратится в силу торможения.

Государственная власть в Кыргызской Республике основывается на принципах:

- разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную;
- всенародного избрания главы государства — Президента Кыргызской Республики, который выступает гарантом незыблемости Конституции и единства государственной власти;
- разделения государственной власти и местного самоуправления.

Органы законодательной, исполнительной и судебной властей действуют самостоятельно и взаимодействуют друг с другом. Они не вправе выходить за пределы полномочий, установленных Конституцией Кыргызской Республики.

Верховный Совет, переименованный в соответствии с новой Конституцией в Жогорку Кенеш, был избран еще в досуверенном Кыргызстане. Он выполнил свои важные функции: провозгласил Декларацию о независимости, Конституцию суверенного Кыргызстана, избрал его Президента, принял целый ряд важнейших законов.

В соответствии с Конституцией Торага Жогорку Кенеша избирался тайным голосованием. Он был подотчетен

Жогорку Кенешу и мог быть освобожден от должности по решению Жогорку Кенеша, принятому большинством — не менее двух третей от общего числа — депутатов.

Торага Жогорку Кенеша вел заседания, осуществлял общее руководство подготовкой вопросов, подлежащих рассмотрению на заседаниях Жогорку Кенеша и его Президиума, ведал их внутренним распорядком, подписывал постановления и решения, принятые Жогорку Кенешем и его Президиумом, и осуществлял другие полномочия, возложенные на него Конституцией и законами Кыргызской Республики. Сначала все так и было. Но чем дальше, тем больше Жогорку Кенеш политизировался, депутаты стали заниматься не свойственными им функциями, погрязли в собственных разборках, что мешало законотворческой деятельности, стало опасным для стабилизации государства. После «золотого» скандала, инициированного парламентом, вынужден был уйти в отставку премьер-министр Т. Чынгышев. Возглавил правительство А. Джумагулов, имевший большой опыт хозяйственно-организационной работы. В этих условиях наиболее сознательные депутаты поставили вопрос о прекращении, своих функций и самороспуске парламента.

Оценивая работу старого парламента, А. Акаев заявил: «Прежний Жогорку Кенеш, в соответствии с реалиями переломного, поворотного момента истории, заложив основы нашей государственности и направления нашего независимого развития, выполнил свою миссию, сделав то, что было в его возможностях».

Были назначены выборы в новый, одобренный всенародным референдумом двухпалатный парламент, состоящий из палаты законодателей (35 депутатов) и палаты народных представителей (70 депутатов). Однако полномочия палат не регламентировались, что могло в будущем привести (и привело) к бесплодным спорам и соперничеству, депутаты восприняли от предшественников излишнюю политизированность.

А. А. Акаев

Выборная кампания в двухпалатный Жогорку Кенеш в феврале 1995 года проходила очень тяжело, изобиловала всевозможными «кризисами». И закончилась лишь спустя полгода. До осени Собрание народных представителей работало в неполном составе, что было следствием выборного кризиса, разразившегося сначала в Нарыне и Таласе, а затем в Караколе. Нарушение Закона о выборах в Жогорку Кенеш,— жалобы кандидатов в депутаты и избирателей, несовершенство самого законодательства, набирающие силу воинствующий трайбализм и регионализм, подкуп избирателей, манипуляции Центризбиркома — выносили на повестку дня даже вопрос о возможности отмены проходящих парламентских выборов и переноса их на основе новой избирательной системы на более поздний срок. Однако кризис удалось преодолеть и законодательная власть

приступила к исполнению своих обязанностей. Торага Законодательного собрания избирается юрист М. Чолпонбаев, Торага Собрания народных представителей — А. Матубраимов, занимавший пост вице-премьера правительства.

Президент поставил перед новым составом Жогорку Кенеша следующие первоочередные задачи:

- создание правовой базы, которая обеспечила бы благоприятные условия для успешного решения внутренней и внешней политики;
- создание упорядоченной, субординированной правовой системы, комплексного правового акта, базирующегося на безусловном исполнении Конституции;
- реформирование государственной власти и местного самоуправления, решение вопросов социально-экономического развития республики.

Жизнь настоятельно требовала конституционных изменений. Президент А. Акаев направил в Жогорку Кенеш свои предложения по изменению и дополнению отдельных статей Конституции.

Подступал срок новых выборов Президента. Президенту предстояло дать отчет за пять лет своего президентства и предложить свое видение дальнейшего развития Кыргызстана, принять решение — баллотироваться или нет на новый срок.

5 ЛЕТ И 100 ДНЕЙ ПРЕЗИДЕНТА АКАЕВА

За укрепление гражданского согласия

Важнейшим условием формирования демократического правового государства является обеспечение защиты прав человека, гражданского и межнационального согласия в обществе.

Надо признать, что, к сожалению, политическая реформа в СНГ сопровождалась и националистическими перекосами, когда проблемы национального порядка, естественно возникающие в процессе суверенизации республик, не решались согласовательными методами.

Обострение межнациональных отношений после прихода А. Акаева к президентской власти снизилось, но известное напряжение еще долго наблюдалось. Оно не было связано с какими-то государственными акциями в независимом государстве. Оно было обусловлено прежде всего наследием прошлого. Коренное население по уровню жизни оказалось в худшем положении, чем другие этнические группы. Если бы в свое время уделялось должное внимание нуждам коренного населения, обеспечению его занятости, подготовке рабочих кадров, повышению их квалификации, жилищно-бытовым условиям, то, очевидно, не было бы разительных контрастов не в их пользу и не имелось бы агрессивно настроенной части в кыргызской среде, особенно среди молодежи.

Кровавые ошские события явились следствием неумной политики партийных органов в решении вопросов распределения и использования земли, политической слепоты и отсутствия взвешенного и своевременного реагирования

⁹ Том VII. Кн. 2 В. М. Плоских

на имевшие место и нараставшие негативные националистические территориальные притязания, с одной стороны, и столь же националистические претензии на исключительность и «защиту своих интересов» — с другой.

Хотя в начале 90-х годов в южном регионе республики имели место вспышки жестоких межнациональных конфликтов, в общем и целом удалось сохранить спокойствие в республике. Уравновешенная, трезво оценивающая ситуацию политика пришедшего к власти Президента А. Акаева позволила избежать дальнейшего противостояния двух братских народов — кыргызов и узбеков, восстановить мир и спокойствие на юге республики. Но тем не менее... напряженность в межнациональных отношениях наблюдалась еще длительное время.

В 1991 году Отделом проблем национальных отношений Института философии АН Республики Кыргызстан были проведены экспертные опросы в Ошской и Чуйской областях, а также массовый опрос в г. Бишкеке относительно состояния межнациональной ситуации.

Состояние межнациональных отношений в Ошской области спустя год—два после трагических событий оставалось довольно сложным. Межнациональный конфликт, имевший место в июне 1990 года, выявил всю глубину накопившихся в регионе проблем. В ближайшей перспективе тоже не предвиделось значительных перемен. Нестабильность социально-экономической ситуации при деструктивной деятельности экстремистов могла сказаться отрицательно. Отмечалась межнациональная напряженность и в Чуйской области. Безусловно, основными объективными дестабилизирующими факторами как в регионе, так и в целом по республике являлись резкий спад уровня жизни, рост цен и т. д.

Анализ результатов социологического исследования, проведенного в два этапа (сентябрь 1991 г. и февраль 1992 г.), обнаружил тенденцию усиления напряжения в межнациональной ситуации и в г. Бишкеке. Так, на втором этапе

исследования почти вдвое увеличилось число респондентов, охарактеризовавших состояние межнациональной ситуации в городе как нестабильное, при котором возможны межнациональные конфликты. Основным дестабилизирующим фактором в межнациональных отношениях назывались политическая и экономическая нестабильность в СНГ. Кроме того, факторами, дестабилизирующими межнациональную обстановку в г. Бишкеке, считались дефицит продуктов питания, введение новых цен и т. д. Отсюда ясно, что чем быстрее пошли бы сдвиги в сторону улучшения в экономике, тем увереннее чувствовали бы себя люди, независимо от национальности, гражданства, партийной и профессиональной принадлежности.

25–31 августа 1992 года в Бишкеке состоялся I Всемирный курултай кыргызов. Соплеменников — гостей из близких и дальних стран приветствовал Президент А. Акаев. «Мы, — сказал он, — переживаем самые тяжелые дни, но в этот трудный час не имеем права впадать в уныние и растерянность. Думаю, что наш стойкий и мудрый народ и на сей раз проявит свои лучшие национальные и человеческие качества».

«Народ Кыргызстана» — все чаще и чаще звучит в устах Президента. В этом всеобъединяющем понятии разные национальности — и кыргызы, и русские, и узбеки, и дунгане, и уйгуры, и немцы, и все жители Кыргызстана, к какому бы этносу они себя не относили, — смогли ощутить себя частицей единого целого, равноправными гражданами единого государства — Кыргызской Республики. Вскоре появилось и другое всеобъединяющее понятие — «Наш общий дом».

В республике возникли и стали успешно развиваться культурно-этнические центры представителей почти всех народов, для которых Кыргызстан был и остается Родиной: «Славянский фонд», «Узбекский центр», Украинская и Белорусская общины, «Совет немцев», общества евреев

и уйгуров, ассоциации таджиков, корейцев и дунган, Татарский и Башкирский центры и другие.

В январе 1994 года в здании Государственной филармонии собрались представители всех этносов на Первый курултай народов Кыргызстана. На нем Президент Аскар Акаев впервые сформулировал эмоциональное, но верное по сути определение: «...народ Кыргызстана — это сплав исторических судеб и долговременных интересов кыргызов и всех иных составляющих его этносов... Это взаимодействие и взаимопроникновение их культур, тесное экономическое сотрудничество».

Отбросив ранее господствовавший порочный ранжир «старший брат» — «младший брат» в межэтнических отношениях, Президент возложил особую ответственность за судьбы государства на кыргызский этнос, составляющий костяк народа Кыргызстана. Главная мысль А. Акаева; только единство, мир и согласие между всеми этносами, составляющими народ Кыргызстана, гарантируют совместное строительство, укрепление и процветание нашего общего дома — Кыргызской Республики.

Представители многих этносов поддержали идеи Президента и приняли «Декларацию единства, мира и согласия», провозгласив в качестве задач и принципов:

- совместное строительство, укрепление и процветание общего дома — Кыргызстана;
- взаимоуважение духовных ценностей, традиций каждого этноса, каждой нации и народности;
- равноправие в реализации и развитии национально-культурного своеобразия каждой нации и народности;
- взаимотерпимость, взаимопомощь и взаимодействие ради общего будущего.

Политический резонанс выступлений Президента за межнациональное согласие всегда был благоприятным. Но, к сожалению, от декларирования прекрасных постулатов

(даже в устах Президента) до реального их претворения в жизнь — огромная дистанция.

Разрыв экономических связей и хозяйственные трудности, бытовой национализм, политические дискуссии вокруг Закона о государственном языке (кыргызском) и придания официального статуса русскому языку, о двойном гражданстве, неуверенность в будущем, «коренизация» руководящего кадрового состава вызвали на первых порах эмигрантские настроения у русскоязычного населения. Начался отток населения в Россию, Германию и Израиль. Уезжали необходимые республике высококвалифицированные специалисты. Пик эмиграции пришелся на 1993 год, когда из Кыргызстана выехало 120,6 тыс. человек. Создалась угроза нарушения межнациональной гармонии. И Президент издает специальный Указ о миграции, создаются службы контроля за строгим соблюдением Конституции и законности. Несмотря на сопротивление определенной части «квасных» патриотов, противодействие отдельных групп, в Кыргызстане по инициативе А. Акаева на основании подписанного с Россией договора открывается Кыргызско-Российский Славянский университет. Результаты не заставили себя ждать. А признание Жогорку Кенешем в марте 1996 г. за русским языком статуса официального языка (правда, только в коллективах, большинство которых составляют русскоязычные, а также в научно-технической среде), изъятие из нового кыргызского паспорта пресловутой пятой графы (о национальности), когда любой житель республики становился просто гражданином Кыргызской Республики — создавали атмосферу большей уверенности, государственной общности. Декларации «Наш общий дом», «Народ Кыргызстана» начали получать претворение в жизнь. Усилия Президента, направленные на укрепление гражданского мира и согласия, стали приносить свои плоды. К 1995 году начался обратный процесс — возвращение ранее выехавших.

В экономическом цейтноте

Президентство А. Акаева — самое сложное время, когда за 5 лет экономика Кыргызстана, социальное положение страны «откатились» резко назад. В 1991—1995 годах спад произведенного национального дохода (если суммировать ежегодные темпы спада) по сравнению с 1990 годом достиг 62,6%. Произведенный в 1995 году национальный доход составил всего 37,4% от произведенного в 1990 году. Такой объем национального дохода в бывшей Киргизской ССР был произведен в 1970 году. Следовательно, к 1995 году производство национального дохода «откатилось» на четверть века назад.

Остановить спад, причем на новом качественном уровне, воссоздав заново производственный потенциал (ибо он основательно разрушен), более того, при нынешнем технологическом состоянии и с нынешней отраслевой структурой, сразу нельзя. На это потребуется минимум два десятилетия. Страна все еще в состоянии экономического кризиса. Испытывается сильнейший дефицит в инвестициях. Кыргызстан подал заявку на получение статуса развивающейся страны, что в глазах народа — откат назад, к эпохе колониализма. И вот в такое время решиться стать Президентом бедной страны, понимая, что при всех благоприятных моментах и даже при начавшихся оживлении и стабилизации в отведенные ему пять лет страна не оправится от экономического кризиса и население в целом еще не станет жить лучше, чем при социализме (тот социалистический уравнилительный уровень для бедствующего населения порой кажется раем), — это гражданское мужество. Самое большее, что Президент успеет сделать за следующие пять лет — это остановить спад и обеспечить хрупкую стабильность. То есть — застраховать от дальнейшего падения экономику. Но до восстановления дореформенного уровня будет еще далеко. Тем не менее

даже минимум достижений сыграет роль исторической миссии, ибо это будет победой только становящейся на нош начальной рыночной экономики.

Лично для Президента Аскара Акаева эта победа вдвойне ибо даже такой успех в 1996–2000 годах в глазах народа будет «реабилитацией» Аскара Акаева за тот спад экономики и за то снижение уровня жизни народа при первом сроке его Президентства. Как говорится, «искупление грехов, хотя, по большому счету, его не в чем упрекнуть. Мы испытали последствия нездоровой экономики как наследия тоталитарного режима. Да, у Президента, парламента и правительства были ошибки в ходе осуществления реформ. Но стратегически все было верно. Политика в принципиальном плане была оправданной. Однако остановить экономический кризис, нейтрализовать негативное влияние распада некогда единого экономического пространства было выше сил Президента, правительства, выше сил всего народа. К сожалению, достижению более действенных успехов в борьбе с экономическими трудностями не способствовали и противостояния между исполнительной и законодательной ветвями власти, ненужные политические игры. Это тоже отнимало душевные силы и у народа, и у самих «играющих» политиков, и у Президента. Став независимой страной в политическом плане, Кыргызстан в экономическом отношении по-прежнему находится в зависимости от других стран, различных международных фондов и организаций.

У нас есть ресурсы, интеллектуальный потенциал, чтобы поднять экономику. Но нужно время!..

Духовный суверенитет — определяющая сила

Сумеем ли мы сформировать государственное устройство, истинно правовое, демократическое? Прийти к политической структуре, ориентированной не на противостояние,

а на сотрудничество? Создать экономику, способную эффективно функционировать и обеспечить приличный уровень жизни народа?

Сумеет, если сможем добиться перелома в общественном сознании и социальной психологии народа, когда он, освободившись от комплексов, поверит в себя, осознав свое возможное достойное место среди других народов в мировом сообществе, скажет себе: «Я могу! Я буду!». И начнет действовать во имя собственного блага, а не дожидаться благотворительности со стороны. Для этого нужны знания, образование. Сегодня наука и образование в труднейшем положении. И как бы ни тяжело было экономике, этим сферой должна быть оказана гарантированная государственная поддержка. Способные люди вынужденно уходят из науки, из системы образования в малые предприятия, кооперативы, коммерческие структуры. Но кто будет заниматься наукой? Кто будет сеять семена знаний, развивать образование? Кто будет писать стихи о возвышенных чувствах, о любви? Кто будет размышлять о мироздании и о человеке? И сохранится ли Человек без науки и образования?

Духовная свобода будет нашим приобретением, когда в народе выработаются истинные чувства национального достоинства, патриотизма и единства. Истинными они станут тогда, когда будут подтверждены делами и поступками, а не останутся «словами за достарханом». Только тогда, когда чувство национального достоинства поднимет нас с колен, народ станет духовно суверенным. Национальное достоинство возрождается в нас осознанием того, что мы умом, знаниями не хуже других сумеем обеспечить себе безбедную жизнь. И пусть ведет нас к счастью чувство национального достоинства, умение работать, обогащенное опытом других народов (но не слепо копирующее чужое).

Воспитать чувство национального достоинства это великая миссия сферы духовной деятельности человека — науки, образования, культуры. Тоталитарный режим нивелировал

в нас, бывших советских, чувство национального достоинства, и в этом трагедия общества и каждого человека, живущего в этом обществе.

Духовный суверенитет, духовная свобода народа — определяющая сила, опираясь на которую, Президент республики сможет остаться на высоте положения, какая бы не была уготована ему судьба. Духовный взлет народа во всей своей полноте проявился в 1995 году, объявленном ООН годом тысячелетия «Манаса». Эпос был раньше и остается сегодня духовной основой кыргызского народа. «От заветов «Манаса» — к национальной идеологии народа Кыргызстана» — таким был лозунг юбилейного года. И это подчеркнул в своем выступлении на юбилейных торжествах А. Акаев: «Мы рассматриваем «Манас» как непосредственного участника наших сегодняшних перемен, могучий духовный источник, способный сплотить народ, вдохновить и подвигнуть его на большие и добрые свершения во имя нынешних и будущих поколений».

Много было сделано сравнений и аналогий, «праздничных» заявлений в юбилейной эйфории. Но жизнь есть жизнь. И надо осознать, что сегодняшнюю идеологию следует строить не умозрительно, исходя не из каких-то идеологических предпосылок прошлого, а прежде всего из потребностей современной жизни, понимания ее ценностей и целей, заглядывая в завтрашний день. Общепринятая идеология должна утверждать не ценности прошлого, а ценности дня нынешнего и будущего. Наша идеология должна быть идеологией демократического обновления.

Да, не от одного только золота зависят судьбы наций и государства. Важнейший ресурс Кыргызстана — это люди, которые его населяют. Как и всякий ресурс, они требуют вложения капитала, и эти вложения себя в итоге оправдывают. Нам еще предстоит убедиться, что, вкладывая деньги в образование, науку и культуру, мы не прогадаем. Это понимает Президент.

Независимость есть продукт исторической зрелости народа, роста его политических возможностей. Надо эти возможности осознать и использовать в полной мере — от этого зависит наше будущее. Политическим партиям и общественным организациям надо осознать свое место в политической жизни страны и действовать в ее интересах и в унисон с пульсом ее трудовой жизни. Кыргызстан — полноправный член мирового сообщества. Этим во многом определяется будущее государственности Кыргызстана.

С именем Аскара Акаева как первого Президента Кыргызстана связаны первые реальные итоги по предоставлению экономической, — политической и духовной свободы обществу, формированию открытого демократического государства и плюралистического мировоззрения.

Его выдающаяся личность ученого, активная внешняя политика открытости миру, личное человеческое обаяние привлекли внимание зарубежной общественности и лидеров других государств. С его именем стало отождествляться имя народа и государства. Благодаря Президенту многие государства Запада стали относиться к Кыргызстану доброжелательно и дружески.

Общая ориентация на экономическую многоукладность и интеграцию с мировой экономикой, политический и духовный плюрализм и демократическое государство во внутренней политике, которую проводит Аскар Акаев как Президент, поддерживается широкой общественностью и не имеет серьезных оппонентов, предлагающих альтернативу этой ориентации. Эта ориентация была самым сильным «оружием» Аскара Акаева в предвыборной борьбе.

Марафон с президентскими выборами

Политика делается чистыми руками. В народе бытует расхожая фраза: «политика — грязное дело». Но это зависит,

во-первых, от общественного строя, во-вторых, от самих политиков. Например, политику тоталитарного режима совесть не позволит назвать чистой. Но политика, в основе которой лежат ориентиры на подлинную демократию, на власть народа и в интересах народа, должна иметь светлые помыслы и делаться чистыми руками.

Акаев пришел в «Белый дом» будучи идеалистом. В эйфории на демократической волне. И прошло время, пока он стал трезвым политиком и стал реально оценивать свое окружение — как соратников, так и оппонентов. Но если оппозиция открыто выступала с критикой Президента и готовила своих кандидатов на этот высокий пост, то соратники иногда были способны оказать «медвежью услугу». Так произошло и с идеей, выдвинутой вновь избранными депутатами Жогорку Кенеша 1995 года, о продлении полномочий Президента на новый срок без выборов, через референдум. Начался сбор подписей, в парламенте разгорелись политические баталии «за» и «против», развернулась дискуссия на страницах печати. Однако большинство считало необходимым проведение выборов в соответствии с Конституцией. Ведя отсчет с 12 октября 1991 года — дня всенародных выборов Президента, готовились к выборам в октябре 1996 года. На этом строили расчет и конкуренты, которых первоначально обозначалось не менее пятнадцати.

А. Акаев долго не высказывал своего отношения ни к референдуму о продлении его полномочий, ни к выборам в соответствии с Конституцией, оставляя за собой последнее слово. Сказано оно было за два месяца до выборов (строго по Конституции — ст. 44, п.1), но датой выборов был назван не 1996 год, как ожидалось, а... декабрь 1995 года. Точкой отсчета избрания Президента был взят не день всенародных выборов Президента — 12 октября 1991 года, а день избрания Президента Верховным Советом — 27 октября 1990 года, что явилось полной

неожиданностью для оппонентов и конкурентов. Правомочно ли было определение такого времени выборов?

Да! Ибо Президент был избран законно в соответствии с действовавшей тогда Конституцией.

Время выборов было назначено — 24 декабря 1995 года. Марафонский старт к президентским выборам был объявлен. Началась предстартовая гонка.

Оппозиция не была готова к выборам в декабре 1995 года. Сначала она все силы бросила на то, чтобы не допустить референдума о продлении президентских полномочий, рассчитывая провести затем «планомерную» подготовку к выборам в октябре 1996 года, теперь же оказалась буквально в цейтноте. Накануне А. Акаев заявил: «Это, разумеется, будут полноформатные свободные выборы на альтернативной основе. Пусть победит сильнейший».

Началось политическое оживление. Десятки учреждений, организаций и партий, в том числе и коллектив Национальной академии наук, кандидатом на пост Президента выдвинули академика Аскара Акаевича Акаева. Всего было выдвинуто 13 кандидатов для участия в выборах. Начался сбор подписей в пользу претендентов. Президентская команда сумела правильно определить тактические задачи и четко, организованно приступила к предвыборной кампании. Кандидатом № 1 сразу определился А. Акаев, он же был и первым зарегистрирован.

В отношении его соперников можно было бы сказать словами Дина Раска: «У политиков существует три возраста: еще не созрел, созрел и перезрел».

В средствах массовой информации в качестве претендентов назывались Чингиз Айтматов, Турдакун Усубалиев (хотя их возраст уже перевалил критическую для кандидатов отметку), Абсамат Масалиев, Медеткан Шеримкулов, Жумгалбек Аманбаев, Юруслан Тойчубеков, Мамат Айблаев, Омурбек Текебаев и др.

Более чем за месяц до выборов прибыла большая группа (37 человек) зарубежных наблюдателей из Канады и Дании, Германии и Индонезии, Голландии и Швеции, Великобритании и США.

Предварительный опрос социологов показал преимущества А. Акаева, ибо он характеризовался как человек, имеющий «опыт руководства государством, стремление продолжить реформы, сохранить единство народа, честный». Отмечался еще один немаловажный фактор: «коней на переправе не меняют!». А переходный период, переживаемый страной, и был той «переправой» от одного общественного устройства к другому. Многие были согласны с А. Акаевым, что, несмотря на кризисный период, намеченные для первого этапа экономических реформ цели в основном были достигнуты: «Налицо макроэкономическая стабилизация, являющаяся в условиях рыночной экономики главной предпосылкой оживления и последующего подъема производства. Наступает второй этап, когда мы должны разумно использовать эти предпосылки. Экономические показатели последних месяцев говорят о постепенном улучшении ситуации. Жизненно важно теперь закрепить позитивные тенденции и наращивать усилия в этом направлении».

В активе А. Акаева оказались и семь заветов Манаса, ставшие заповедями Президента:

1. Единство и сплоченность нации.
2. Гуманизм, великодушие, терпимость.
3. Межнациональное согласие, дружба и сотрудничество.
4. Гармония с природой.
5. Национальная честь и патриотизм.
6. Через кропотливый, неустанный труд и знания — к процветанию и благосостоянию.
7. Укрепление и защита кыргызской государственности.

Это вовсе не значило, что вся идеология обновления вытекала из «Манаса», как утрированно это некоторые воспринимали.

Аскар Акаев свою предвыборную кампанию начал телевизионными дебатами с лидером Компартии Киргизии, четверть века возглавлявшим ЦК КП, Турдакуном Усубалиевым, чем в немалой степени удивил обывателя. Но это был разумный, продуманный политический шаг. Свое кредо Т. Усубалиев выразил в проблемной аналитической статье «Надо знать прошлое, чтобы не ошибиться в будущем (размышления депутата в связи с президентскими выборами)» (Свободные горы. 1995.18.11). Приведем из нее выдержку с оценкой Президента:

«Вот уже пять лет Акаев руководит нашим государством. Эти годы не прошли для него бесследно. За это время он приобрел немалый опыт руководства социально-экономической и культурной, а также внешнеполитической жизнью нашего государства. За эти пять лет Акаев как глава государства установил личные политические и деловые контакты с главами многих зарубежных стран. Это дает положительные результаты...

...В жизни нашего государства начался новый этап — переход к новому качественному состоянию, в создании подлинно демократического правового государства, создании необходимых условий для нормального жизнеобеспечения людей. Если попытаться сказать образно об этом, то республика наша по существу стоит перед переправой на другой берег полноводной большой реки.

Свыше одного миллиона избирателей сказали: не следует менять коней на переправе!

Я тоже так думаю»,

В своем последнем предвыборном интервью газете «Вечерний Бишкек» (22 декабря) Аскар Акаевич, выражая уверенность в своей победе, заявил: «Я — не профессиональный политик. Я ученый-политик. А в науке не бывает

поражений. Бывают временные неудачи, отступления. Но тогда появляется азарт, спортивная злость. Надо найти решение. Этот навык из науки я принес в политику», 72% избирателей отдали свои голоса за А. Акаева. Избрание Президента на второй срок состоялось.

Ученые — коллеги Президента одними из первых поздравили А. А. Акаева. 26 декабря газета «Слово Кыргызстана» опубликовала наше приветствие:

**«Президенту Кыргызской Республики,
академику Аскару Акаеву**

От имени Президиума и научных коллективов Национальной академии наук поздравляем Вас с переизбранием Президентом республики на второй срок. Пусть предстоящие пять лет станут годами уверенного преодоления экономических трудностей, крепнущей социальной поддержки, умноженного гражданского и межнационального согласия, постсоветского возрождения — ренессанса науки, образования и культуры.

Президент Национальной
академии наук *Турап Койчубев*,
вице-президенты: *Жаныбек Жеенбаев*,
Каким Сулайманкулов,
Владимир Плоских,
главный ученый секретарь
Анатолий Фролов».

Инаугурация

С этим малоизвестным латинским словом, еще недавно даже отсутствовавшим в советских словарях иностранных слов (еще бы: оно толкуется буквально как «посвящение», «торжественная процедура коронации монарха, вступления в должность главы государства» и связывалось

с президентством США) к нам пришел и новый обряд посвящения в Президенты.

На инаугурацию Жогорку Кенешем были приглашены 600 человек, представляющие все регионы, возрасты и профессии. Весь народ Кыргызстана в лице своих представителей стал свидетелем и главным участником процедуры принесения присяги Президентом А. Акаевым. Звучит Государственный гимн Кыргызской Республики.

Президент на трибуне. Он торжественно приносит присягу над Конституцией (изменения в которую предложит внести через референдум буквально уже через четыре дня). Корана рядом с Конституцией уже нет — деталь, подчеркивающая светскость государства и исключение всяких непредсказуемых поступков.

«Я, Аскар Акаев, вступая в должность Президента Кыргызской Республики, перед своим народом и священным Отечеством Ала-Тоо клянусь свято соблюдать и защищать Конституцию Кыргызской Республики и ее законы, защищать суверенитет и независимость кыргызского государства; уважать и обеспечивать права и свободы всех граждан Кыргызской Республики; с честью и неустанно выполнять высокие обязанности Президента Кыргызской Республики, возложенные на меня доверием всего народа!».

В своем выступлении на инаугурации Аскар Акаевич отметил наиболее важные пункты своей программы:

- ускорение реформ;
- подъем производства;
- пристальное внимание кадровой проблеме и искоренение коррупции;
- четкое разделение полномочий ветвей власти;
- урегулирование взаимоотношений центра и регионов;
- война преступности, ее искоренение.

Пора, в заключение сказал Президент, подвести черту под борьбой за власть, карьеру и богатство, под грязными

политическими играми, отвлекающими народ от созидательного труда.

Условия для благоприятных экономических и социальных сдвигов, по мнению Президента, уже созданы. Предстоит лишь не упускать инициативы и браться за работу, сохраняя единство народа и направив на это все силы и энергию.

Поблагодарив избирателей, А. Акаев через газету ответил: «Я с уважением отношусь к выбору тех граждан, кто при голосовании проявил симпатии к другим кандидатам в президенты. В демократическом обществе, которое мы строим, не может быть абсолютного единомыслия,— тем более в вопросах о выборе руководителей. Но у Кыргызстана нет другого пути, кроме пути реформ, и как Президент я открыт к сотрудничеству со всеми политическими силами, со всеми гражданами, не деля на сторонников и оппонентов.

Итоги выборов свидетельствуют о том, что народ Кыргызстана, несмотря на все трудности переходного периода, полон решимости завершить начатые реформы в экономике, социальной сфере и общественной жизни. Те крупномасштабные проекты, к осуществлению которых мы уже приступили, дают основания верить в успех нашего дела».

Поздравили нашего Президента и главы крупнейших держав мира.

Б. Н. Ельцин:

«Уважаемый Аскар Акаевич!

Сердечно поздравляю Вас с избранием Президентом Кыргызской Республики.

Уверен, что российско-кыргызские отношения будут успешно развиваться в рамках стратегического партнерства на благо народов двух стран и в интересах укрепления Содружества Независимых Государств...».

¹⁰ Том VII. Кн. 2 В. М. Плоских

Билл Клинтон:

«Усилия Кыргызстана по продвижению и политических, и экономических реформ вылились в образец для Вашего региона и вызвали прочную поддержку Кыргызстана среди руководителей всего мира. В момент, когда Вы как Президент приступили к исполнению своего второго срока, я надеюсь на дальнейшее укрепление демократии и системы свободного рынка в Кыргызстане. США, как и прежде, будут твердо поддерживать усилия Вашего правительства по достижению этих желанных целей.

Я считаю, что независимый, демократический, безопасный и процветающий Кыргызстан может играть важную роль в укреплении регионального сотрудничества в экономической сфере путем свободной торговли и рыночных реформ, в сфере безопасности... Я также надеюсь, что совместными усилиями мы сможем обеспечить активное взаимодействие Кыргызстана в рамках Партнерства ради мира и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе».

Референдум

Полной неожиданностью для населения Кыргызстана и, вероятно, Жогорку Кенеша стало объявление Президентом уже 3 января 1996 года своим Указом проведение референдума по внесению изменений в Конституцию. Такой неожиданный акт Президент объяснил следующими причинами: в течение года Жогорку Кенеш не сумел разделить на конституционной основе полномочия между ветвями государственной власти, что не может быть терпимым в период кардинальных преобразований.

Жогорку Кенеш за год функционирования принял всего 24 законопроекта, причем 22 из них лишь вносили изменения и дополнения в уже существующие законы, тогда

как в его «портфеле» без движения лежало 120 важных законопроектов. Сложилась парадоксальная ситуация, когда отвечающие за дело не обладали необходимыми полномочиями, а имевшие полномочия их не выполняли.

Появилась реальная опасность дестабилизации положения в стране и раскола единства народа.

В этих условиях Президент предложил внести изменения и дополнения в действующую Конституцию, которые увеличивали и права, и обязанности Президента.

Народ к этому времени уже порядком устал от всевозможных выборов и референдумов. Ему не нужны были ни к чему не ведущие политические баталии. Люди были озабочены безработицей, им нужны социальная гарантия, безопасность, межнациональное спокойствие. Президент в ходе предвыборной кампании обещал улучшить жизнь, предложил конкретную программу выхода страны из экономического кризиса. Но все это требовало четкого и разумного разграничения полномочий в системе государственной власти (президента, парламента, исполнительной власти).

Президент фактически брал основную власть в свои руки, в то же время полностью возлагая на себя и всю ответственность за будущее — не только успехи, но и провалы в политике.

Изменения в Конституции предусматривали следующие функции Президента:

- формирование правительства и госадминистрации;
- определение основных направлений развития государства;
- определение внешней политики;
- обеспечение единства и преемственности государственной власти.

В функциях Жогорку Кенеша оставалось:

- Законодательное собрание — разработка и принятие законов;

- Собрание народных представителей — утверждение госбюджета и отчета о его исполнении, согласование кадров на ключевые государственные посты (Премьер-министра, Генерального прокурора, Председателя Верховного суда, Председателя Арбитражного суда, Председателя Национального банка).

Что касается изменений функций исполнительной власти, то здесь усиливались полномочия, но в то же время и ответственность Правительства, с ним отныне согласовывались все законопроекты с финансовой нагрузкой.

Обращаясь через референдум к народу, А. Акаев твердо верил, что только народ должен узаконить поправки к Конституции, ибо его воля выше интересов политиков.

Активное участие населения республики в референдуме и почти единодушное (94%) голосование «за» обеспечили испрашиваемый мандат Президенту Акаеву.

Не отдохнув от марафонской гонки, Президент сразу же издает новый Указ — «О разработке экономической стратегии развития Кыргызской Республики на период до 2005 года и индикативного социально-экономического плана на 1996–1998 годы».

Время раскачки и безынициативности прошло. Наступило время действовать. И реализовать данные обещания.

«Выживет ли Кыргызстан?»

Книжку под таким заглавием опубликовал российский журналист-международник Олег Бондаренко в начале 1996 года, представив ее как «взгляд со стороны в философских спорах». Конечно, со стороны, как говорится, виднее, но... вывод автора-россиянина несколько странен: Кыргызстан выживет, если... И много-много «если». Основное: если... будет ориентироваться на Запад. Ибо Россия

по тонам выживаемости стоит якобы даже ниже Кыргызстана.

Удивительно это читать в книге русского ученого, которому не откажешь в мужестве и стремлении к... объективности. Мы считаем, что Кыргызстан выживет, если пойдет в будущее «в одной упряжке» с Россией. История, традиции — все свидетельствует о том, что будущее Кыргызстана в интеграции с Россией. Не зря еще более трех десятилетий до этого «отец кыргызской демократии» Чингиз Айтматов с пафосом заявлял: «Родная Россия — ты наш утренний век!». Однако внешняя политика, как бы четко она ориентирована не была, не должна делать перекоса в сторону одной какой-либо страны, особенно не должна этого делать небольшая республика, только что провозгласившая свою независимость. Декларируя политический суверенитет, никуда не уйдешь от экономической и финансовой зависимости. Слабый всегда зависит от сильного. И сразу стать «второй нейтральной Швейцарией», как бы заманчиво это не было, практически невозможно, даже обладая схожими природными богатствами и курортным озером.

Став суверенным государством, Кыргызстан, не имея четкой внешнеполитической стратегии, первоначально действительно метался из одной крайности в другую, стремясь следовать тем или иным оправданным историей путям развития. То за образец для подражания принималась этнически близкая Турция, то символ капиталистического прогресса — Япония, то восставшая из пепла за два десятилетия Германия, то нейтральная Швейцария. Наконец, все поняли — нельзя слепо копировать чей-то путь, хотя бы и стремительно ведущий вверх. У Кыргызстана должен быть свой путь. И этот «третий путь» должен быть самобытным и в нем должны найти отражение многовековой исторический опыт развития кыргызов и Кыргызстана, тысячелетние традиции народа. Это должен быть путь

кыргызов и других народов Кыргызстана, обретших новый менталитет, в новых условиях «Нашего общего дома»

А. Акаев неоднократно подчеркивал, что основная внешнеполитическая деятельность кыргызской дипломатии должна делать упор на экономический фактор — содействие привлечению инвестиций в экономику республики, активизацию торгово-экономического сотрудничества Кыргызстана со странами и регионами мира.

Естественно, что Кыргызстан вряд ли привлечет стратегические зарубежные инвестиции без обеспечения предсказуемости и стабильности в государстве.

Нередко в адрес А. Акаева раздаются упреки: мало или нет совсем русских во властных структурах, в районах нет русскоязычной прессы, мало русских среди депутатов местного уровня и в парламенте, принятые указы не работают. Но... ведь нужно самим больше проявлять инициативы и политической активности. Нужно также признать, что время «старшего брата» прошло, настало время, когда «русскоязычные» стали национальными меньшинствами, не следует противопоставлять себя титульной нации, а надо активнее самоорганизовываться. Об этом А. Акаев не раз говорил в своих выступлениях в русскоязычных коллективах. Он признает, что проблема справедливого национального представительства сохраняется. Но ведь нельзя, имея единый народ, в законодательном порядке установить соответствующие квоты. А это значит, что партии, общественные движения и организации при выдвижении кандидатов в представительные органы не должны упускать из виду столь важный ориентир, как «этническое многоцветие». Но и государство не должно оставаться в стороне и через свои органы обязано предоставить национальным меньшинствам равные возможности в борьбе за власть.

Говоря о претензиях подобного рода, консул российского посольства в Кыргызстане Ю. Шаповалов также отметил: «...самое уязвимое место в позиции русских сейчас —

слабое осознание своего положения как меньшинства, которое должно за себя постоять... Необходимо показать, что русские — это та связующая ниточка, которая работает на Кыргызстан. Именно русскоязычные специалисты могут сыграть свою роль в интеграционных процессах... Человеку, как издавна ведется, лучше там, где он привык. Не зря считается, что русские, живущие в Средней Азии, больше похожи на людей Востока. Впрочем, Восток не так уж далек от России...».

Да, надо вовремя, сегодня уже, осознать, что Кыргызстан — наш общий дом, где всем нам вместе жить. И делать политику. И строить государство. И налаживать экономику... И доверить свою судьбу парламенту. И — Президенту. Надо сказать, произошел перелом и в важнейшем миграционном процессе. В 1995 году впервые со дня независимости поток возвращающихся в республику из числа русскоязычных превысил поток убывающих. Если убыло 8 тысяч человек, то прибыло — 19 тысяч. Такого давно уже не было в Кыргызстане и нет в соседних государствах.

Провозгласив девиз «Кыргызстан — наш общий дом», мы должны сообща решать все наши проблемы как граждане одной страны — Кыргызстана.

Проблемы экономические, политические, социальные, культурные

Эпоха рынка, переход к рыночным отношениям предусматривает и новые межгосударственные отношения, в основе которых лежит взаимная экономическая выгода. Время экономического патронажа ушло в прошлое, осталось в нашем сознании лишь как пережиток социализма в едином государстве тоталитарного режима. Сейчас иностранные государства, компании, фирмы, банки свои инвестиции направляют лишь под «что-то», как бы «под залог».

Таких материальных богатств Кыргызстан пока не имеет (кроме, разве что, золота и редких металлов, производство которых очень затруднительно). Ни нефти, ни газа, ни хлопка, ни дешевых руд и угля у Кыргызстана нет. Надежды на шерсть и табак не оправдались. Энергоресурсы крайне дорогостоящие. И пока зарубежные инвесторы, если и вкладывают деньги в Кыргызстан, то, во-первых, из-за его стратегического расположения, во-вторых, из-за демократического имиджа нашего Президента. «Островок демократии» в Центральной Азии является как бы рекламным для западного мира. Но на вклады под «голубую демократию» долго рассчитывать нельзя. И мы видим, что более автократические режимы соседних Узбекистана и Казахстана тем не менее больше привлекают зарубежных предпринимателей, открывающих и расширяющих там совместные предприятия, чего не наблюдается, несмотря на все усилия Президента, в Кыргызстане. В этих государствах они вкладывают свои капиталы под гарант стабильности и материальные ресурсы. У нас же, казалось бы, самая стабильная, конвертируемая валюта — сом, но она по-прежнему поддерживается лишь вливаниями Международного валютного фонда и Международного банка. Не предвидя в ближайшем будущем новых открытий производственных ресурсов, Президент Акаев всемерно стремится обеспечить стабильность политического развития Кыргызстана. И это импонирует иностранным государствам.

Внешняя политика Кыргызстана — конституционно одна из важнейших составных частей государственной политики, гарантом и проводником которой является Президент, направлена:

- на укрепление независимости и безопасности Кыргызской Республики как суверенного государства — равноправного члена мирового сообщества;
- на обеспечение условий, благоприятствующих и способствующих мирному, созидательному и свободному

труду граждан на основе рационального использования собственных внутренних возможностей и выгод, вытекающих из международного разделения труда и всестороннего взаимовыгодного сотрудничества.

Принципы эти декларативно звучат прекрасно, закреплены конституционно, но практическая реализация их необычайно трудна. Президент прилагает максимум усилий для решения внешнеполитических и внешнеэкономических задач. Однако из поля зрения, к сожалению, выпал такой важный момент, как юридическое закрепление на основе международного права государственных границ.

Не разработан и не принят пока и Закон о границах. Прodeкларированный Конституцией тезис о статусе кво (сохранение положения) границы должен быть закреплён юридически договорами о границе с соседними государствами — Китайской Народной Республикой, Таджикистаном, Узбекистаном и Казахстаном. Их отсутствие таит в себе бомбу замедленного действия, ибо территориальные притязания при определенных условиях могут быть непредсказуемыми, а ситуации — неразрешимыми.

Особую тревогу вызывает близость нестабильного Таджикистана. В Кыргызстане наблюдается значительный приток населения — беженцев из соседнего Таджикистана, что создает дополнительные трудности по их размещению, обеспечению продуктами питания, медикаментами и т. п. В законодательном порядке принято Временное положение о беженцах и вынужденных переселенцах. Кроме того, в Горно-Бадахшанском районе Таджикистана проживают и кыргызы, которым также надо оказывать помощь. На таджикско-афганской границе в составе миротворческих сил СНГ несет службу и кыргызский батальон. Завершено формирование собственной роты миротворческих сил под эгидой, ООН, которая должна войти в специализированный батальон из солдат Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана,

который будет способен нести службу практически во всех «горячих точках» планеты. Глава государства, он же Главнокомандующий Вооруженными Силами республики вынужден постоянно держать в виду пограничные вопросы, тем более, что Кыргызстан в связи с опасной близостью Таджикистана оказался в зоне активного конфликта, став по сути «прифронтовым» государством.

Расширение таджикского кризиса губительно для всего Центральноазиатского региона, в том числе, естественно, и для Кыргызстана.

В этих условиях нужна особо осторожная, четко взвешенная позиция. И особое внимание России, так как именно российские пограничные войска несут основную тяжесть нагрузки по стабилизации положения и охране границ. Российские войска охраняют и кыргызские внешние границы.

Вообще проблемы безопасности государства имеют внутреннюю и внешнюю причины. Внутренней причиной могут стать: спад в экономике, безработица, социальная поляризация общества, дестабилизация межнациональных отношений, влияние исламского фундаментализма. Внешние причины — пограничная неурегулированность: спорные территории с КНР, проблемы использования пастбищ и водных ресурсов с соседними центральноазиатскими государствами.

Внешнеполитический ориентир Кыргызстана к 1996 году определился четко и окончательно — вместе с Россией. В Санкт-Петербурге в марте 1996 года Президент А. Акаев заявил: «Россия всегда была и будет для Кыргызстана стратегическим партнером, приоритетом развивающихся дружественных отношений между государствами. Мартовские четырехсторонние договоры России, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана направлены на углубление интеграционных процессов в экономике и культуре этих стран.

При полном сохранении суверенитета и независимой внешней и внутренней политики».

Договор об экономической, политической и гуманитарной интеграции, подкрепленный соглашением о таможенном союзе, ознаменовал собой новый этап в углублении сотрудничества между четырьмя братскими государствами. Народы, которые на протяжении столетий жили вместе, разделяли радость общих успехов и горечь общих невзгод, снова решили жить в одной братской семье, в мире и дружбе. «Нам нечего делить, — заявил Президент Республики Беларусь А. Лукашенко. — У нас нет каких-либо серьезных препятствий для развития всесторонних связей».

Очередным закономерным шагом на пути углубления интеграции назвал встречу и договоры в Москве Президент Казахстана Н. Назарбаев. Полную солидарность с ними высказал А. Акаев, ибо это — единственный путь единения.

Как логическое продвижение многосторонних взаимоотношений охарактеризовал встречу Б. Ельцин, заявивший, что жизнестойкость и эффективность интеграционных объединений должны базироваться на неукоснительном соблюдении независимости и суверенитета, принципов равноправия, взаимной выгоды, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела друг друга.

ЛЕГКО ЛИ ПРЕЗИДЕНТУ ОСТАВАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ?

Акаев и Национальная академия наук

Академия наук Кыргызстана новый статус — Национальной — приобрела по инициативе академика А. Акаева. Еще будучи первым вице-президентом, вместе с президентом Н. П. Лаверовым А. Акаев был инициатором разработки Концепции развития Академии наук в условиях перестройки. Это была первая Концепция развития науки. Она охватывала буквально все сферы деятельности научных учреждений, определяла основные направления фундаментальных исследований и организацию широкомасштабного внедрения достижений науки и техники в народное хозяйство. Выдвигалась задача перестройки управления научного исследования на демократической основе, упор делался на компьютеризацию как главный рычаг интенсификации научных исследований. Не обошли вниманием в Концепции и традиционный вопрос «коренного» улучшения подготовки и воспитания кадров, «укрепления» материально-технической базы и «развития» социальной сферы.

Отправным моментом, в соответствии с принятым тогда шаблоном, служил «стратегический курс КПСС на ускорение социально-экономического развития страны». Концепция, хотя и прекрасно разработанная, не была реализована. Уже разрушалась старая материально-техническая база, но еще не было условий для создания новой. Стремительно катилась к кризису вся страна. Во все больший упадок приходила наука. Концепция опережала время и являлась фактически наработкой на будущее. На примере Академии

А. Акаев почувствовал первое противоречие потребностей и возможностей, желаний реорганизовать науку, полностью поставить ее на службу народу и существующими реалиями, которые почти невозможно было преодолеть. Как вспоминал его старший коллега и друг — бывший президент Академии Н. П. Лаверов, с первых дней их совместной работы установилось глубокое взаимопонимание. «За все эти сложнейшие пять последних лет (с 1987 года), на многих крутых поворотах современной истории, меня никогда не посещало чувство сомнения «в искренности его намерений сделать жизнь людей в Кыргызстане достойной.

Когда А. Акаев стал Президентом государства, он долго не мог забыть свой «трамплин» — именно из Академии он ушел в большую политику. И Академия это чувствовала на себе. Сколь ни тяжело было молодому, неокрепшему экономически и политически государству, сколько ни сыпалось предложений «доброжелателей» об усечении Академии, о полном слиянии ее с вузами (что фактически означало растворить науку в вузах), А. Акаев сдержанно относился к таким предложениям. Он оставался верен идеям Концепции — реорганизовать и укрепить науку, помочь ей выжить в сложных условиях переходного периода с тем, чтобы наука помогла государству выйти из кризиса. И неспроста первые новые люди, пришедшие с Акаевым в «Белый дом», были людьми науки. Многие непосредственно из Академии. Еще на заре его политической деятельности, через 100 дней президентства, его спросили:

«— Аскар Акаевич, вы — серьезный ученый, если можно так выразиться, — человек науки. Скажите, это помогает в нынешней деятельности?»

— Думаю, помогает то, что как ученый я стараюсь привнести в эту работу научный подход и опираться на взвешенный анализ тех или иных событий или процессов при принятии любых решений».

Так ученый помогал становлению политика.

16 мая 1995 года. Юбилейная сессия Общего собрания Национальной академии наук. Академии – 40 лет! Одна из самых молодых в государствах СНГ Национальная академия наук Кыргызской Республики скромно отмечала свой юбилей. Президент государства на трибуне. Его приветствие было кратким и эмоциональным:

«Подобного яркого взлета в духовном развитии история еще не знала. Этот феномен не только предмет гордости, но и основания для надежд на будущее. На примере развития науки укрепилась и наша уверенность в том, что народ, создавший «Манас» – великое произведение устного народного творчества, переживает новую эпоху, новый этап духовного возрождения. Наш народ продемонстрировал свою открытость миру и восприимчивость ко всему тому, что прогрессивно представляет ценность национального развития. Это тоже обнадеживает нас.

Отмечая 40-летний юбилей главного храма науки в нашей стране, с удовлетворением можем отметить, что Академия наук сыграла заметную роль в формировании духовного облика сегодняшнего нашего общества, создании материального и духовного потенциала, которым сегодня мы с вами располагаем и которым мы по праву гордимся.

Академические научные учреждения с самого начала своей деятельности служили кузницей в подготовке высококвалифицированных научных кадров. Велика роль науки в развитии производительных сил республики. Заметные научные открытия, разработки и идеи стимулировали или напрямую способствовали решению многих экономических, социальных и культурных проблем науки республики. Уверен в том, что наш народ помнит и по достоинству ценит эту заслугу наших ученых.

В этот юбилейный день с признательностью должны вспомнить тех ученых, которые внесли огромный вклад в изучение истории и культуры нашего народа, географии и минеральных богатств республики. В нашей благодарной

памяти навсегда останутся имена Радлова и Валиханова, Ферсмана и Вавилова, Бартольда и Поливанова.

У истоков нашей науки стояли такие талантливые ученые, как Касым Тыныстанов, Константин Юдахин, Константин Скрябин, Иса Ахунбаев, Болот Юнусалиев, Николай Захарьев, Михаил Луцихин, Бегималы Джамгерчинов и многие, многие другие. Именно их подвижническими усилиями были заложены первые блоки того фундамента, на котором сегодня стоит наша Национальная академия наук.

В становлении науки в Кыргызстане огромную роль сыграли выдающиеся академики Карпинский, Комаров, Щербаков, Берг и другие организаторы советской науки. Мы вправе гордиться тем, что за все эти годы выросло целое поколение молодых многообещающих ученых самых различных направлений современной науки. И наш долг вовремя заметить и поддержать перспективную молодежь.

Пользуясь случаем, хотелось бы выразить признательность всем работникам системы Академии наук, от академиков до младших научных сотрудников, организаторам научных исследований, чьим трудом создана сегодняшняя наука Кыргызстана. Мы знаем, что ныне Академии наук и ее сотрудникам нелегко. Это связано в первую очередь с резким сокращением бюджетного финансирования, нарушением былого единого научно-технического пространства и сотрудничества. Мы уверены, что со временем положение обязательно поправится. Ибо при ограниченных природных ресурсах Кыргызстана трудно представить благополучное будущее его населения без научно-технического прогресса, без создания и развития наукоемкого производства.

Наука и научный потенциал республики – это, образно говоря, постоянно возобновляемый и быстро прогрессирующий источник благополучия нашего народа.

Государство, конечно, будет по мере возможности обеспечивать и бюджетное финансирование, и материально-техническое обеспечение фундаментальных исследований,

государственных научно-технических программ, прикладных научно-технических разработок, имеющих общегосударственное значение. Надеемся также и на то, что скоро настанет и тот день, когда мы сможем направить на финансирование науки те 3% национального дохода, которые записаны в Законе о науке, принятом нашим Жогорку Кенешем.

Дорогие коллеги, видя вас в этом зале, чувствуя ваш патриотизм и преданность науке, интеллектуальный потенциал, восприимчивость к новому, думаю, не ошибусь, если скажу, что Национальная академия наук не только выживет сама в этот трудный переходный период становления нашей государственности, но и внесет достойный вклад в развитие страны».

Президент А. Акаев вручил большой группе ученых государственные награды. Дипломы лауреата Государственной премии Кыргызской Республики были вручены академикам У. Асаналиеву, К. Сулайманкулову, П. Чалову, К. Калмурзаеву и др.

Почетного звания «Заслуженный деятель науки Кыргызской Республики» были удостоены К. Боконбаев, А. Брудный, Р. Кыдырбаева, В. Плоских, А. Фролов и другие видные ученые Академии.

На этом же собрании была вручена и первая академическая премия имени основателя и первого президента Академии Исы Коноевича Ахунбаева. Лауреатами ее стали первый президент Национальной академии наук академик Т. Койчуев, дочь И. К. Ахунбаева — доктор наук Н. Ахунбаева и старейший геолог член-корреспондент Ф. Т. Каширин.

Поддерживая академическую науку, Президент А. Акаев неоднократно говорил о необходимости более глубокой ее интеграции с вузовской наукой. Это трудный процесс, но он пошел, особенно с открытием новых вузов в Кыргызстане. Статус этих вузов был определен как университет —

многопрофильный вуз с научными лабораториями. Правда, дефицит средств сдерживает их развитие, тем не менее вузовская наука все более заявляет о себе. И уже положительно сказываются примеры интеграции академической и вузовской науки. «Самый наглядный пример тому — кыргызско-российский вуз — Славянский университет. Председателем Попечительского совета Кыргызско-Российского Славянского университета стал бывший президент кыргызской академии наук Н. П. Лаверов.

Ко времени визита в Москву в марте 1996 года для подписания договоров на правительственном уровне четырех государств (Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России) кыргызская делегация приготовила сюрприз. За огромный вклад, внесенный Б. Н. Ельциным в открытие вуза, в Посольском зале Кремля ректор Славянского университета профессор В. И. Нифадьев вручил Президенту России мантию ученого и диплом о присуждении звания почетного доктора вуза. Борис Николаевич признался, что это — первая его мантия. Президенту Кыргызстана за «выдающийся вклад в развитие российско-кыргызских отношений и сотрудничество в области науки, образования, культуры» во время этого визита были вручены памятная медаль и диплом Почетного профессора Московского государственного университета.

В кругу семьи

Как-то спросили бывшего государственного советника Президента по правовым вопросам Л. И. Левитина: каков Президент в кругу семьи? Юрист Левитин, а он очень хорошо знает Президента, и не только в работе, ответил: «Могу сказать твердо: он прекрасный человек, настоящий кыргыз. Его воспитанности, человеческим качествам, семье можно позавидовать. А как он уважает и любит свою жену!».

¹¹ Том VII. Кн. 2 В. М. Плоских

Майрам Акаева: «Наша семья — это свято для нас». И еще: «Я потеряла свободу, как стал муж Президентом». В одном из первых интервью корреспондентам на вопрос о том, как Майрам отнеслась к тому, что Акаева избрали Президентом, последовал довольно откровенный ответ: «В то время он находился в Москве. Скажу вам честно, когда наш водитель приехал к нам и сказал, что мужа собираются выдвигать на пост Президента, я невольно засмеялась. На следующий день его действительно избрали Президентом».

— Скажите, готовы ли к тому, что, неровен час, его вынудят уйти в отставку?

— Прямо скажу, это для нас не будет трагедией. Можете быть уверены в том, что на следующий же день он с головой уйдет в науку».

Прошло некоторое время. Новое интервью — московскому корреспонденту М. Сердюкову:

— «Все, — сказал Президент, — ухожу...»

Он сказал это жене, но она твердо знала, о чем он, и сильно не испугалась. Опять оппозиция...

— Я уйду, если на референдуме наберу менее двух третей голосов, — заявил Президент...».

Он с триумфом вышел победителем. И еще большие заботы обрушились на семью.

Первая леди. Награда это или ноша?

Легко ли быть женой Президента? (по материалам нескольких интервью). Майрам (букв.: «праздник») — жена Президента. Теперь она известна не только как первая леди государства. Но и как основатель и руководитель независимого благотворительного фонда «Мээрим» (букв.: «любовь», «благосклонность»). Финансируемый из неправительственных источников, существующий в основном

за счет иностранных инвестиций фонд «Мээрим» ведет большую работу по оздоровлению нации. Его девиз: «Здоровый ребенок — здоровая мать — здоровая нация». В этом основная помощь Майрам Акаевой мужу — Президенту. Но не только в этом. Она — и друг, и помощник во всех делах Президента.

В многочисленных интервью, которые первой леди государства все чаще приходится давать корреспондентам республиканских и зарубежных средств массовой информации, во многом по-новому предстает и образ Президента — не только «человека политики и работы», но и «человека дома, досуга, семьи».

Итак, обратимся к некоторым вопросам — ответам диалога Майрам с корреспондентами после выборов А. Акаева Президентом на второй срок.

«— Трудно ли быть первой леди?»

— Сказать, что легко, не могу. Постоянно помню, что это большая ответственность. Ведь все обращают внимание на ее уровень образования, на то, что она говорит, какое впечатление производит. За всей этой внешней красотой — приемами, где ты обязан быть «на уровне», зарубежными поездками (знаете куда уж лучше спать дома, а не сидя десять часов в кресле лайнера на высоте десять километров над океаном!) — кроется обычная женская доля, обычная судьба...

— Президент — хороший муж?

— Прежде всего он великолепный, очень добрый человек, безупречный отец. Следовательно, согласитесь, такой человек не может быть плохим мужем.

— Какие качества в женщине больше всего нравятся Аскару Акаевичу?

— Думаю, что женственность. Еще он считает, что высший символ красоты заключен именно в женщине. Относится всегда с сочувствием к нам. Мечтает о прекрасной жизни для наших женщин.

— Скажите, часто ли ваша семья собирается вместе?

— К сожалению, вместе собраться удается очень редко. Счастливым случаем: в этом году каникулы детей совпали с президентскими выборами. И мы вместе отпраздновали победу, встретили Новый год и Рождество. Айдар досрочно сдал все экзамены и приехал аж на целый месяц «раньше, чтобы поддержать папу. И Аскар Акаевич прислушивался к его советам. Вообще, мы очень послушные родители. Убедились, что это важно в первую очередь для детей. Любимые наши праздники — дни рождения наших детей: Бермет, Саадат, Айдара и Илике. Святые они для нас».

Жена — помощница, жена — хозяйка, жена — советчик, жена — воспитательница детей, жена — общественный деятель! Образец? Конечно же, вырисовывается образ обаятельных жен западных президентов, в первую очередь — американских. Что ж, неплохой образец, достойный подражания.

Аскар Акаевич как человек, не оставляющий без внимания общественные заботы жены, с удовольствием поддержал разработку национальной программы «Аялзат». Ее осуществление направлено в какой-то мере на «феминизирование мира». Как считает профессор Д. Карасаева, проводившая семинар-тренинг для фонда «Мээрим», наш Президент, осознает, что только когда будет решена проблема равенства политических, экономических и социальных прав мужчин и женщин, общество сделает огромный прорыв в своем развитии. Сегодня же в республике, по словам Президента, 70—80% безработных составляют женщины.

Президентами не рождаются. Президентами становятся. А для этого очень много нужно трудиться и оставаться при всем Человеком. Какое хобби у Президента? Как проводят свой досуг? Каков вне работы? Все эти аспекты под пристальным взором людей, обо всем из жизни Президента хочется знать. Президент как первое лицо государства постоянно под прицелом средств массовой информации.

И желающие — знают. Прошло время засекреченности. Известно и о пробежках трусцой, и о семейном увлечении лыжами, и об отдыхе в горах, и о теннисе.

Самое большое увлечение? Музыка. Классика. А. Акаев любит, по собственному признанию, Моцарта, «Венгерские рапсодии» Листа. Благо, слушать музыку можно, не отвлекаясь от других занятий.

Известнейший в республике дирижер и музыкант, первый «музыкальный» академик А. Джумахматов как-то в интервью газете «Слово Кыргызстана» на вопрос: «Кого бы из нынешних политиков вы бы взяли в свой симфонический? Кто бы не сфальшивил?» — с пафосом артиста ответил: «Акаева взял бы первой скрипкой. Он отлично знает музыку. Рассказывал, что, живя в Ленинграде, не пропустил ни одного концерта Мравинского и до сих пор хранит программки...»

Имеет Президент недостатки, слабости? Естественно! «Ничто человеческое мне не чуждо», — повторяет Президент вслед за марксистским классиком.

Что потерял Аскар Акаев — ученый?

Потерял время, чтобы заниматься наукой. Практически с 1990 года по сей день он отошел от научной и педагогической деятельности. И так будет, по крайней мере, до 2000 года. 10 лет «разлуки» с наукой для исследователя — очень большой срок, особенно если учитывать темпы и масштабы роста информации, степень ее принципиального обновления, новизну проблем.

Подаренный ему природой, его родителями большой дар — это дар выразиться в знании. Мы помним его научные доклады и выступления, когда просто и доступно, блистательно и изящно он преподносил слушателям — и авторитетной ученой аудитории, и жаждающим знаний

студентам — новые идеи. Если судьбе будет угодно и он вновь вернется в науку, его способности аналитика-исследователя и способность к конструированию помогут, конечно, ему вернуть себе на качественно новом уровне имя в науке.

Пока же он лишен «удовольствия» быть в своей «естественной» стихии. Сейчас он невольно (как бы в общих чертах не следил за специальной научной информацией) испытывает научно-информационный голод. После десяти лет «проглотить» и освоить пропущенную информацию и новую — невероятно трудно. Но Аскар Акаев — человек высокой самодисциплины и самоупорядоченности в работе. Один характерный штрих. С какими бы разнообразными, крупными и «мелкими» вопросами не обращались к нему, он все, со всеми подробностями, записывает в свою «тетрадь памяти» (назовем ее так) и потом, селективно расставляя по значимости и срокам исполнения, строит «дерево целей». Это качество — качество истинного и неутомимого труженика от науки. Его «лебединая песнь» в науке — еще впереди.

Жизнь в науке — это гармония с самим собой, это самовыражение, это реализация своего призвания. Уход от науки, от своей судьбы ради корыстных целей — это измена самому себе. Уход же от науки по зову народа и страны — это жертва самим собой. Но это достойная жертва. Боль и заботы народа, боль и забота о народе — это нечто большее, чем судьба личности, чем судьба ученого.

Что он приобрел как политик?

Приобрел боль и заботы по возрождению экономики республики и облегчению жизни народа. Распад СССР, как известно, совпал с катастрофическим экономическим кризисом, произошел непредсказуемый спад экономики. И каким бы мудрым, конструктивным и решительным не был Президент, ему до конца своего президентского срока

объективно невозможно создать процветающую экономику. Но его долг, долг Президента, сегодня — руководство закладкой прочных основ для качественного роста экономики и улучшения жизни народа за пределами второго президентского срока.

Если раньше, в бытность вузовским и научным работником, он пользовался заслуженным авторитетом в среде научно-педагогической и научной общественности, то ныне приобрел признание и уважение широких слоев населения республики. Но приобрел и жестких оппонентов, да и откровенных недоброжелателей (особенно, среди считающих себя обиженными и обделенными властью).

Открывая свою кампанию по выборам в президенты, Рузвельт в свое время заметил: «Судите обо мне по моим врагам». С этими крылатыми словами он прожил всю жизнь.

Едва ли у Акаева есть такие враги, какие были у Рузвельта. Но его соперники и оппоненты — не слабые тени прошлого или неясные силуэты будущего. Это также очень серьезные противники, которых сам Акаев считает «опытными политиками».

Надо сказать, за рубежом у А. Акаева более устойчивый имидж политика-демократа и реформатора, нежели в собственной стране.

В науке у него была, можно так сказать, счастливая судьба, он был признан, работы его получали высокие оценки. Как политик и Президент он не только имеет поддержку, не только встречает понимание, не только слышит комплименты, но и критику, порой обидные, оскорбительные слова и упреки, он выступает объектом раздражения, чувствует и противостояние в определенных кругах. Когда экономика в тяжелом положении и уровень жизни населения резко падает, неоднозначность отношения населения к Президенту объективно объяснима.

Не будем лукавить, в первый год президентства А. Акаев, еще не изучивший экономику в достаточной степени

полно и не осознавший глубину и причины ее падения, неоправданно легко обещал быстро возродить экономику. Не получилось (да и не могло получиться). Это не могло не вызвать оппозиции. Неправы были оппоненты, ожидавшие быстрого решения экономических и социальных проблем. Неправ был и обещавший Президент. Это потому он, прочувствовавший на себе все сложности и трудности, обретя опыт руководителя государства, стал давать реальные обещания и делать реальные прогнозы.

Приобрел Президент опыт жизни государственного деятеля и глубже узнал жизнь народа: сам государственный пост обязывает. Его встречи с населением республики дают богатый непосредственный материал о жизни, несут понимание забот, боли и желаний людей, заставляя глубоко это все прочувствовать и делать реальные выводы, намечать конкретные, обоснованные пути решения проблем. Вместе с тем «хождение в народ! можно было бы сделать более рабочим, менее пропагандистским,

Понял Президент, что политика — дело весьма сложное. Политика — это не та сфера, где личность выражает только себя. Политика — это выражение общественно-политической ситуации, это выражение проблем и воли народа, это компромиссы и поиск согласия в обществе. Политика — это не принадлежать самому себе. Политика — это отсутствие, если хотите, собственной свободы как личности. Согласиться на трудный путь политика — сознательно отказаться от творческой судьбы. Это не жажда власти, но выражение мужества. И очень хочется, чтобы человек, идущий на это, делал политику чистыми руками, с чистой совестью и чистыми помыслами. Мы не воспринимаем, а отвергаем афоризм, что «политика — грязное дело». Политика, направленная на созидание, есть и должна быть чистым делом! Мы верим, что Президент А. Акаев все дела, все помыслы свои выверяет, исходя из нужд Человека и Государства.

Я, КАК ПРЕЗИДЕНТ, В БОЛЬШОМ ДОЛГУ..

(Вместо заключения)

«Политика слишком серьезное дело, чтобы ею занимались только политики», — сказал как-то Президент Франции Шарль де Голь. Жизненный путь Аскара Акаева — ученого-профессионала в политику свидетельствует: в политическую жизнь страны пришла волна обновления всех сфер общественной жизни. При А. Акаеве народ Кыргызстана впервые почувствовал вкус свободы. И в геополитическом пространстве А. Акаев предстает как глава государства нового образца.

Сформировался ученый-политик, в активе которого не только демократизация обретшего суверенитет государства, но и связанные с ним надежды на лучшую жизнь.

Экзамен на политическую зрелость держал Аскар Акаев, вступая в предвыборную борьбу за президентство на второй срок. Абсолютное большинство кыргызстанцев, отдавшее голоса за Акаева, продемонстрировало доверие Президенту, поставившему своей целью доведение до конца демократических преобразований, полное реформирование экономики. Получив в ходе референдума по вопросу о внесении изменений в Конституцию достаточные полномочия, облеченный большой властью, А. Акаев взял на себя одновременно и несравненно большую ответственность, ибо, как подчеркнул он, понимал, что как Президент он в большом долгу перед своим народом.

В странах СНГ А. Акаев пока единственный Президент, всенародно избранный на второй срок.

Сегодня с Акаевым основная часть населения Кыргызстана связывает сокровенные надежды на будущее.

Политик-интеллектуал, обладающий большой потенциальной способностью переустройства общества вызывает доверие и надежду. В послании, с которым Президент обратился к народу и Жогорку Кенешу после референдума, основное внимание было уделено реформированию экономики, и это естественно. «Ни у кого не должно быть сомнений, — заявил Президент, — что я намерен использовать свои полномочия прежде всего для ускорения и углубления этих реформ, повышения эффективности работы в этом направлении всех ветвей власти». Анализ реформирования экономики позволил Президенту сделать вывод об ослаблении кризисных явлений и о тенденции макроэкономической стабилизации. А это значит, что налицо все признаки замедления темпов падения производства и ожидания, хоть и незначительного, но все же роста производства валового внутреннего продукта.

Объективные предпосылки для подъема экономики с 1996 года есть. Опыт ученого работает на политика. А. Акаев не только размышляет и разрабатывает с советниками программу вывода Кыргызстана из кризиса. Он объездил буквально все районы Кыргызстана, знакомясь с положением дел на местах, стремясь собрать максимум информации, прежде чем сделать тот или иной вывод, принять то или иное решение. Так, А. Акаев побывал на «умирающем» станкостроительном заводе и явился инициатором заключения конкретных договоров с Россией по поддержанию жизни завода. Президент отметил стабильную деятельность такого государственного предприятия, как Кантская машиноиспытательная станция. Все большую силу набирают в республике частные предприятия. Образцом такого развивающегося промышленного бизнеса может служить Кочкорская фабрика по первичной обработке шерсти (совместное кыргызско-китайское производство). Именно такие предприятия, по мнению А. Акаева,

доказывают эффективность новой формы производства, вращая экономику в рыночные отношения.

В государственной и президентской политике отчетливо просматриваются и черты «социальной ориентированности». Уже обнародованы три президентские, государственные программы социально-культурного плана: «Маданият» («Культура»), «Аялзат» («Женщина») и «Билим» («Знание») — программы духовного потенциала.

Радует и обнадеживает углубление интеграционных процессов во всех областях, восстановление экономических и гуманитарных связей между странами СНГ, за что всегда выступал Аскар Акаев.

Не все благожелательно воспринимают реформы А. Акаева, переустройство общества, его методы строительства нового государства. Есть у него и серьезные оппоненты, есть у него и враги. Не все воспринимается даже его соратниками. О его методах и путях много спорят. И, как нам кажется, сегодня в адрес А. Акаева можно отнести слова Джонсона, сказанные о Ф. Д. Рузвельте: он — человек, о котором много спорят и с которым мало соглашались. Такова оценка блестящего, неординарного политика, смотрящего в будущее, конструирующего свой «новый курс».

История все рассудит. Все поставит на свои места. Бесспорно одно: Аскар Акаевич Акаев уже вошел в историю своего народа и своего государства как человек нового типа, как ученый-политик.

Часть четвертая

**Академическая
наука Кыргызстана**

МОЛДОКЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Так называл своего учителя и друга лидер кыргызской интеллигенции 20-х годов Абдыкерим Сыдыков. Так уважительно звали учителя первых кыргызских учителей, «совесть кыргызской нации» периода ее становления, создателя кыргызского алфавита на основе арабской графики, автора первого кыргызского букваря, составителя первых кыргызских учебников по грамматике и естествознанию Ишеналы Арабаева.

Его имя пока мало что говорит непосвященному. Попав еще в 20-х годах в оппозицию официальному курсу государственного строительства, он был отстранен от активной политической деятельности, необоснованно репрессирован как идеолог национализма в Кыргызстане и погиб в застенках ГПУ в Ташкенте в 1933 г. И если о первых годах жизни и оппозиционной деятельности И. Арабаева в специальной научной литературе еще можно кое-что прочитать (еще совсем недавно, правда, тенденциозно негативное, а теперь появились и более объективные статьи в периодике), то о последнем годе жизни и смерти ничего неизвестно.

Напомним вкратце основные ВЕХИ его БИОГРАФИИ. Родился в октябре 1882 г. в Центральном Тянь-Шане в с. Кунбатыш, ныне Кочкорского района. Окончив русско-туземную школу, И. Арабаев с 1900 г. занялся просветительской деятельностью, начал учительствовать в с. Кунбатыш, с 1910 г. по май 1912 г. учился в г. Уфе в знаменитом высшем духовном медресе «Галия», затем преподавал

на Иссык-Куле, где, говорят, и сейчас сохранилось здание основанной им первой школы.

По некоторым, правда, документально не подтвержденным сведениям, И. Арабаев до революции совершил хадж в Мекку и Медину, учился в Константинополе, обучался в медресе «Хусаиния» в Оренбурге, а затем уже окончил медресе «Галия» в Уфе. Еще в 1911 г. в Казани он издал с собственным предисловием составленную слушателями уфимского медресе «Галия» одну из первых книг на кыргызском языке видного акына-письменника и мыслителя Молдо Кылыча «Кысса Зилзала» («Землетрясение»). В предисловии, кстати, он подчеркивал: «Из рода сарыбагыш поэт Молдо Кылыч в течение 20 лет написал много стихов на чистом кыргызском языке». А ведь еще совсем недавно у нас в республике глубокомысленно утверждалось, да и принималось как аксиома, положение об отсутствии у кыргызов до революции письменности. Насколько абсурдны такие утверждения, становится ясным при первом же обращении к И. Арабаеву. В этом же предисловии И. Арабаев отмечал: «Молдо Кылыч писал для того, чтобы события, виденные глазами, остались в истории». И повествовал он о знаменитом землетрясении, принесшем много разрушений и слез его жителям в родном Кемине в 1911 г.

Тогда же, в 1911 г. в Уфе, в издательстве «Шарк» И. Арабаев в соавторстве с К. Сарсекеевым опубликовал Букварь, или обучение скоростному чтению для казахских и кыргызских детей («Алии бээ хаки тото окуу»), В 1912 г. в Оренбурге он издает «Основы правописания», стоит у истоков кыргызской письменности.

И. Арабаев был близким другом известного казахского просветителя и политического деятеля, лидера партии «Алаш» Ахмета Байтурсунова и сам в 1918 г. возглавлял Бишкекский филиал «Алаша». «Алаш» оказал большую благотворительную помощь кыргызским беженцам восстания 1916 г., возвращающимся после революции из Китая

И. Арабаев

на родину. В рамках этой политической деятельности в 1920 г. И. Арабаев с рядом других кыргызских представителей (Д. Байджанов, И. Шайбеков, И. Шабданов и др.) обращается с письмом к «Товарищу Ленину лично», как «вождю Российской революции» (письмо в печати нигде не приводилось). В этом письме — крик души о бедственном положении кыргызов Пржевальского, Нарынского, Токмакского и Пишпекского уездов с просьбой уделить особое внимание бывшим повстанцам, возвращающимся из Китая. «Если кто-нибудь задаст нам вопрос, — писали заявители, — пользуются ли кыргызы Семиреченской области свободой сословной революции, то на это мы ответили бы, что мы не пользуемся свободой и таковой у нас нет». Заявители просили чрезвычайных полномочий и денег Особой комиссии «для устройства кыргыз-беженцев, живущих

¹² Том VII. Кн. 2 В. М. Плоских

до сего времени в Китайских стенах и не могущих по своей воле вернуться на родину», «возвращаемым из Китая кыргызам-беженцам предоставить право их от крестьян».

В. И. Ленин в своей резолюции переадресовал письмо «Сталину (или Каменскому) на отзыв в 2-х словах». Ответ на бланке народного комиссара по делам национальностей РСФСР подписал Д. Каменский — заместитель В. И. Сталина.

Текст ответа гласил:

«Товарищу Ленину.

В прошении кыргызы Семиреченской области:

1. Жалуются на чинимые им притеснения русским населением (Требует проверки — возможность допускаю);
2. Просят о ряде мероприятий по улучшению их жизни. (Многое сделать можно и необходимо);
3. Предлагаю весь материал передать в Наркомнац для принятия соответствующих мер».

Справедливости ради надо сказать — соответствующие меры были приняты, устройству беженцев уделяли особое внимание, были выделены на устройство немалые финансовые ассигнования.

На этом фоне наряду с просветительской деятельностью И. Арабаев все более занимается и политикой. Правда, в те времена все это было неразрывно взаимосвязано. В 1921 г. он — делегат 1-го съезда союза «Кошчи». В 1922 г. И. Арабаев был в Москве делегатом на IX Всероссийском съезде Советов и видел В. И. Ленина. С 1922 г. он — зам. председателя Семиреченского Союза «Кошчи», один из инициаторов создания самостоятельной Горной области кыргызов. В 1924 г. — председатель академического центра Кара-Кыргызской области.

Дополненное и переработанное учебное пособие И. Арабаева по кыргызскому языку переиздается в 1925 г. В период борьбы за ликвидацию неграмотности большую роль

сыграл его букварь для взрослых. В те же годы он создаст учебные пособия для начальных классов по арифметике, природоведению, переводит на кыргызский язык начальный курс географии, значительное количество литературы общественно-политического характера, в том числе несколько работ В. И. Ленина и др.

Позже он принимает участие в заявлении «тридцатки» — официально оппозиционного документа тому курсу, который намечался и проводился большевиками в Кыргызстане, затем вынужден был отступить в тень и работать лишь на просветительском поприще.

Тем не менее, это не спасло его от репрессий. И. Арабаев в одной команде с А. Сыдыковым подпадает под «Дело» о так называемой социалистической туранской партии. Была весна 1933 г.

Его товарищей уже арестовали, над кем-то сгустились угрозы ареста, со всех сторон был обложен и И. Арабаев. Но его щадили товарищи, и его имя долго не фигурировало в следствии, пока, наконец, арестованных не «придавили» и не заставили показать на И. Арабаева. В представлении ГПУ такой человек, как И. Арабаев, интеллектуальный национальный политик, не мог остаться в стороне намеченного сценария громкого политического дела «Социал-Туранская партия (СТП). Тем более, что по показаниям А. Сыдыкова, А. Шабданова, А. Сопиева разрабатывалась программа и воззвание партии. А идеи программы как бы вытекали и, во всяком случае перекликались с письмом И. Арабаева В. И. Ленину в 1920 г. и заявлением «тридцатки» в 1925 г.

Повторяем, уже арестованные товарищи долго не показывали на И. Арабаева, хотя он был их единомышленником. Тем не менее его арестовали и привлекли по тому же делу СТП. Он был арестован через два дня после ареста Сыдыкова, Сопиева, Курманова, Тельтаева и Тулина в г. Фрунзе. Постановление об аресте было подписано

ташкентским следователем — оперуполномоченным особого отдела Среднеазиатского военного округа

С. В. Левшиным и утверждено зам. нач. ГПУ Кирг. АССР Четвертаковым, лично контролировавшим все ведение дела по СТП. Арестованных доставляли в Ташкент, где следователь Левшин вел «Дело». И. Арабаева привезли в Ташкент 6 июня. На следующий день его навестил С. В. Левшин, а вечером И. Арабаева нашли в камере мертвым. Сохранился рапорт, а документов, касающихся И. Арабаева, в тюремном деле нет.

Произведенным судебно-медицинским вскрытием 8/VI-1933 г. было установлено, что И. Арабаев будто отравился имевшимся у него жевательным табаком «нас».

Закономерно встает вопрос: отравился И. Арабаев сам, или его отравили?

Во-первых, едва ли человек, закаленный в политических битвах, еще до первого допроса, следовательно и до пыток, добровольно ушел из жизни. Тем более, сам попросивший разговора со следователем один-на-один, без присутствия сокамерников.

Во-вторых, не в интересах следствия, тем более тенденциозного, было убирать со сцены одну из ключевых фигур «контрреволюционного заговора». Следствию было выгоднее получить его показания и добиться признания вины, а в том, что они этого добьются, никто не сомневался: все обвиняемые признавались; другое дело, что большинство на последней стадии, на суде отказывались от ранее данных показаний.

В-третьих, — вариант отравления И. Арабаева заключенными сокамерниками. Были среди них и уголовники. И, возможно, боясь каких-либо разоблачений, услышав, что И. Арабаев хочет поговорить со следователем наедине, без посторонних, тут же отравили его жевательным табаком. На это потребовалось всего-навсего немногим более трех часов.

Таковы три варианта, один из которых напрашивается сам собой. Но он почему-то не был принят во внимание тюремными властями. (Чтобы не поставить себя под удар?) Легче было представить дело самоубийством, которое снимало все проблемы и всю вину ответственности за безалаберность в тюремной службе.

Как бы там ни было, человека не стало, а память о нем была очернена обвинением, хотя и не доказанным, в контрреволюционной деятельности. Отныне на имени выдающегося деятеля кыргызской науки и культуры лежала печать «врага народа».

С наступлением хрущевской оттепели начинается волна реабилитации политических заключенных и в Кыргызстане. 26 июня 1957 г. дочь И. Арабаева Аккагаз Азыкова и его сын Эркин Арабаев обращаются в КГБ Кирг. ССР с просьбой пересмотреть дело отца. И только через год — 9 июля 1958 г. выходит реабилитационное постановление по И. Арабаеву. Приведем полностью этот заключительный документ. «1958 года 9 июля. Помощник военного прокурора Турк. ВО подполковник юстиции Никитин, рассмотрев дело по обвинению Сыдыкова Абдыкерима и других, нашел — на основании показаний участников антисоветской организации, именуемой «Социал-Туранская партия» Сыдыкова Абдыкерима, Шабданова, Сопиева, Курманова Султана и других органами ОГПУ 11 мая 1953 г. был арестован как участник той же организации Арабаев Ишеналы. Находясь под стражей, он 7 июня 1933 г. покончил жизнь самоубийством путем отравления. Во время нахождения под стражей он ни разу не был допрошен. Органы ОГПУ постановления о прекращении дела на Арабаева не выносили.

При проверке обоснованности ареста И. Арабаева и привлечения к уголовной ответственности Сыдыкова, Шабданова и других, всего 23 человека, как участников антисоветской организации, установлено, что они привлекались

к уголовной ответственности необоснованно. На этом основании в отношении их внесен протест в военный трибунал Турк. ВО на предмет отмены постановления коллегии ОГПУ от 24 февраля 1934 г. и прекращения дела на них за недоказанностью предъявленного им обвинения.

На основании изложенного, руководствуясь примечанием II к ст. 2 УПК Уз. ССР, Постановил — дело в отношении Арабаева Ишеналы прекратить за недоказанностью обвинения.

Помощник военного прокурора Турк.
ВО подполковник юстиции Никитин».

Правда, родственники И. Арабаева на свой запрос получили справку от зам. военного прокурора Турк. ВО полковника юстиции Пастушенко, датированную 4 сентября 1958 г., которая кратко удостоверяла, что «уголовное дело по обвинению Арабаева Ишеналы, арестованного 11 мая 1933 г., прекращено военной прокуратурой Туркестанского военного округа 5 июля 1958 г. за недоказанностью предъявленного ему обвинения. Арабаев реабилитирован посмертно».

Но — маленькое разночтение в датах — мелочь, не стоящая внимания.

И только сейчас, много лет спустя наконец-то имя Ишеналы Арабаева занимает достойное место в культуре своего народа. Принято решение возвести его скульптуру, назвать его именем школу и улицу, переиздать научные труды.

Публикуется по изданию

Ишенаалы Арабаев Туулган кунунун 110 жылдыгына арналган жыйнак. Б.: «Илим» мп «Табылга» — 1993-ж., Б. 50—55.

МУГАЛИМ – УЧИТЕЛЬ УЧИТЕЛЕЙ

Так назвал я одну из первых своих статей о репрессированной плеяде первых кыргызских интеллигентов. Вышла она двадцать лет тому назад. И была посвящена 110-летию Ишеналы Арабаева. Она была, конечно, неполной – о жизни этого замечательного педагога, ученого, просветителя и... политика. Далее тема прекрасно была развита в трудах Э. Маанаева, З. Курманова, Г. Курумбаевой, Д. Джунушалиева, А. Джуманалиева и других наших историков.

Отмечая особую значимость Эгемберды Маанаева – моего товарища еще с вузовского времени, научного коллеги, соавтора и талантливое исследователя – от истории Компартии до суверенного Кыргызстана, особенно становления и роли национальной интеллигенции – хочу подчеркнуть краткую, но емкую по содержанию оценку, данную Маанаевым Ишеналы Арабаеву, чье имя достойно носит Кыргызский Государственный университет, где и проходит эта конференция.

Его оценка Ишеналы Арабаева в истории Кыргызстана сводится к следующему: он не только первый просветитель, проделавший огромную работу по ликвидации безграмотности, но и один из выдающихся политических деятелей начала XX века – первый представитель кыргызской национальной интеллигенции.

Сегодня едва ли найдется хоть один человек, не согласный с таким выводом. Но было так не всегда. В суровые тридцатые годы тоталитарного режима люди, выступавшие в оппозиции партийному режиму, подвергались гонениям и репрессиям. И среди первых таких жертв пал и один

из ярких представителей молодой кыргызской интеллигенции Ишеналы Арабаев.

Четверть века тому назад при подготовке к изданию четвертого тома «Истории Кыргызской ССР» мне разрешили ознакомиться с засекреченными следственными материалами по оппозиционной «Социал- (социалистической) Туранской партии» (СТП) начала 1930-х годов. Знакомство с архивом политической документации КР и материалами следственного дела по СТП в одиннадцать томов показывает:

1. Еще до революции в 1911 г. И. Арабаев издает в Казани составленную слушателями первую книгу на кыргызском языке видного акына-писменника и мыслителя Молдо Кылыча «Кыса Зилзала» («Землетрясение»). И. Арабаев оценил ее как произведение, написанное на «чистом кыргызском языке». А ведь все советские годы в республике глубокомысленно утверждалось, что до революции у кыргызов письменности не было.

Насколько абсурдны такие утверждения, становится понятным при первом же обращении к книгам И. Арабаева. В 1912 г. в Оренбурге издаются его «Основы правописания». Фактически он стоял у истоков новой кыргызской письменности.

В 1911 г. в Уфе в издательстве «Шарк» И. Арабаев в соавторстве с К. Сарсекеевым опубликовал «Букварь, или обучение скоростному чтению» для казахских и кыргызских детей.

2. И. Арабаев, на что мало обращают внимание, был первым главой Научного центра в Кыргызстане (сейчас бы мы сказали – «Президентом науки»). Уже 16 декабря 1924 г., в год образования Кара-Киргизской автономной области в составе РСФСР, на закрытом заседании Президиума Оргбюро РКП(б) Председателем Государственного Ученого Совета (из 5 человек) назначается И. Арабаев, его заместителем – Касым Тыныстанов, ученым

секретарем — К. Юдахин. Совет первоначально функционировал в Ташкенте, затем был переведен в Пишпек.

В апреле 1925 г. И. Арабаев отчитывается, что уже к этому времени на кыргызском языке опубликованы: «Букварь», «Хрестоматия» для 1 и 2 года обучения, Методика родного языка, Методика арифметики и «Самалык» — руководство по орфографии кыргызского языка.

3. И. Арабаев был одним из организаторов и первым редактором первой кыргызской газеты «Эркин-Тоо», вокруг которой сформировались начинающие кыргызские писатели и поэты, в том числе К. Тыныстанов, А. Токомбаев и др.

С лета 1925 г. И Арабаев сотрудничает с Торокулом Айтматовым, который, в частности, привлекается вместе с Тыныстановым, Баишевым, Алимбековым и Эсенамановым к разработке для комсомола учебника по политграмоте. Правда, неизвестно, был тогда создан учебник, или нет. Но с этого времени Торокул Айтматов начал свою партийную карьеру, возглавив коллегию агитационно-пропагандистского отдела Киробкома ВКП(б).

В том же 1925 г. наступает закат и руководящей, и научной карьере И. Арабаева. Как организатор и соавтор с А. Сыдыковым заявления оппозиционной так называемой «тридцатки», освобождается от руководящей работы.

А. Сыдыков был выпровожден из Кыргызстана, И. Арабаев, имевший опыт преподавания в Среднеазиатском Госуниверситете (казахский язык, история и литература), стал рядовым преподавателем в первой кыргызской совпартшколе и в медполитехникуме. Здесь он проработал до ареста в 1933 г.

Аресты членов СТП начались с 1930-х годов. В 1933 г. ряд его коллег уже оказался в тюрьмах. Над кем-то сгустились черные тучи, со всех сторон обложили и самого Арабаева. Товарищи его щадили, долго еще его имя не фигурировало в следственных делах, пока, наконец, арестованных не «придавили». В представлении ГПУ такой

человек, как И. Арабаев, интеллектуальный национальный лидер — ученый, педагог и политик, не мог остаться в стороне от деятельности Социал-Туранской партии. Тем более, что, по показаниям А. Сыдыкова, А. Шабданова и А. Сопиева, разрабатывались программа и воззвание партии коллективно. А идеи программы как бы вытекали, во всяком случае, перекликались с письмом И. Арабаева В. И. Ленину в 1920 г. и организованным им заявлением «тридцатки» 1925 г.

Арестовали Ишеналы Арабаева в г. Фрунзе через два дня после ареста Сыдыкова, Сопиева, Курманова, Тельтаева и Тулина. Постановление об аресте было подписано ташкентским следователем — оперуполномоченным особого отдела Среднеазиатского военного округа С. В. Левшиным и утверждено заместителем начальника ГПУ Киргизской АССР Четвертаковым, лично контролировавшим дело по СТП.

Как видно из первых томов следственных материалов по «Делу СТП» (а их 11 томов), арестованные 9 мая 1933 г. были доставлены из Фрунзе в Ташкент. И. Арабаева привезли туда позже, 6 июня. На следующий день его навестил следователь Левшин. Неизвестно, о чем они говорили, чем угрожал следователь, но уже вечером узника нашли в камере мертвым. Был ли это добровольный уход из жизни перед угрозой пыток, или его отравили сокамерники — трудно сейчас сказать, сохранились лишь рапорт следователя и акт судебно-медицинской экспертизы. Вскрытие показало, что И. Арабаев принял огромную дозу насвая — жевательного табака, что послужило причиной смерти. Встает вопрос: сам ушел из жизни И. Арабаев, или его отравили? Вопрос остается открытым. Тем не менее — едва ли человек, закаленный в политических баталиях, еще до первого допроса, следовательно, до пыток сам покончил бы с жизнью.

Так погиб в ташкентских застенках один из лидеров молодой кыргызской интеллигенции, педагог, ученый, просветитель. Вероятно, там же он и был похоронен в неизвестной общей могиле. Но точного ответа пока никто не может дать.

Сегодня его именем назван один из лучших государственных университетов Кыргызстана. Но как-то не хватает полнокровного научного исследования и книги о жизни и творчестве этого замечательного человека. Сегодня практически нельзя познакомиться с его основополагающими лингвистическими и литературными работами, ушедшими вместе с автором в историю. Считаю долгом ученых — учеников из научных наследников И. Арабаева — восполнить этот пробел.

ПОСЛЕДНИЙ ЗИГЗАГ СУДЬБЫ

В предыдущем номере «ЛК» обращался к поэтическому наследию Касыма Тыныстанова. Сегодня журнал предлагает вниманию читателей публикацию последней научной работы Тыныстанова «Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии (сжатый исторический очерк)», которая, на наш взгляд, помимо своей сугубо информационной ценности дает возможность увидеть мировоззренческую позицию, состояние самого автора, живо передает общественную атмосферу тех лет. Эту публикацию мы дополняем рассказом о действительных событиях последних дней жизни Касыма Тыныстанова, основанным на впервые используемых в печати документах.

Арестовали его 1 августа 1937-го.

Через три дня запоздалым приказом по Институту киргизского языка и письменности освободили от работы как «не оправдавшего доверия».

В день ареста начальник управления НКВД Киргизской ССР капитан госбезопасности Четвертаков подписал ордер «для обыска и ареста Тыныстанова Касыма, проживающего по адресу: ул. Карла Маркса, дом 53». Сотрудник отдела НКВД, сержант госбезопасности В. Титов направился на выполнение задания. Сержант «вооружен» подписанным тем же Четвертаковым постановлением, в котором говорилось: «Рассмотрев следственный материал на гражданина Тыныстанова Касыма, по национальности киргиза, уроженца Кара-Кольского района, члена ВКП(б), сына байманапа, директора научно-исследовательского института в г. Фрунзе, оперуполномоченный 3-го отдела УГБ НКВД Киргизской ССР сержант госбезопасности Титов В.

К. Тыныстанов

нашел, что следственные данные в достаточной степени избличают его в контрреволюционной националистической и организационной деятельности, в преступлениях по ст. 58-II УК РСФСР и, принимая во внимание, что нет гарантий в том, что он, Тыныстанов Касым, не скроется от следствия и суда, постановил: арестовать его с производством обыска и просить предварительное согласие на это прокурора Киргизской ССР по спецделам».

Постановление было составлено на скорую руку и изобиловало фактическими неточностями — от указания должности Тыныстановова (он не был директором на момент ареста) до социального происхождения (он происходил не из байманапской семьи). Что же касается согласия прокурора, то в следственном деле такого документа нет.

Зато есть протокол обыска, датированный тем же 1 августа 1937 г. Обыск был совершен, как и полагалось, в присутствии понятых. Были описаны и изъяты: пистолет системы «Браунинг» и патроны к нему, ружье двухствольное с патронами, личные документы, книги и рукописи, в том числе — книга К. Радека, фотокарточки, паспорт и партбилет. Несколько позже был изъят еще рюкзак с книгами. Что за книги и рукописи были изъяты при аресте и обыске, остается пока только гадать.

Лишь в копии сохранилась последняя научная рукопись Тыныстанова — «Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии (сжатый исторический очерк)», датированная 10 мая 1937 г. Это последняя, до сих пор неизвестная, научная работа Касыма Тыныстанова, автора школьного учебника по кыргызской словесности «Книга чтения» («Окуу китеби», 1924 г.) и «Букваря для взрослых» (1926); книг «Терминологический словарь по киргизскому языку» (1933), «Родная речь» (1927), «Морфология киргизского языка» (1934), «Синтаксис киргизского языка» (1936). Е. Д. Поливанов, близко знавший К. Тыныстанова с самого начала его научной карьеры, считает именно Тыныстанова составителем и первого кыргызского букваря. В своих до сих пор не опубликованных «Киргизских тетрадах» Е. Д. Поливанов с полным знанием дела писал: «Начало киргизского литературного языка, как такового, приходится относить к 1924 году, когда вырабатывается (или, собственно говоря, копируется с казахской «байтурсуновской» реформицы) киргизская реформированно-арабская графика, известная под именем Арабаевского алфавита, и выпускается в свет первый киргизский букварь...

В качестве составителя букваря назван... Арабаев, хотя справедливость требует указать, что фактически этот букварь (не алфавит, а сам букварь, как таковой) был составлен не Арабаевым, а двумя молодыми (в то время) киргизскими литераторами: т. Тыныстановым и т. Данияровым».

Касым Тыныстанов, как основатель кыргызского научного языкознания, первый кыргызский профессор, был выдающимся лингвистом, заслуги которого в этой области, несмотря на более чем полувековое умолчание, оказались общепризнанны и непреходящи. Он активно участвовал в создании кыргызской письменности на основах арабского, латинского и русского алфавитов, в разработке терминологии по общественным наукам, принципов кыргызской орфографии и пунктуации.

В 1936 г. проект новой реформы орфографии кыргызского языка, представленный Касымом Тыныстановым, интенсивно обсуждался и был поддержан Е. Д. Поливановым. Одновременно Тыныстанов прилагает усилия к изданию «Киргизско-русского словаря» К. К. Юдахина, а в 1935 г. дает на эту рукопись положительную рецензию. Но власти наркома просвещения и даже директора Института киргизского языка и письменности у него к этому времени уже не было, и мытарства Юдахина со словарем продолжались (об этом «ЛК» писал в № 12 за 1989 г.).

После ареста Касыма Тыныстанова в течение пятидесяти дней не вызывали на допрос. Лишь 20 сентября некто Жуков вызвал Касыма Тыныстанова на первый допрос, где безграмотно заполнил анкету арестованного. Стандартный бланк, от руки заполненный следователем, и сейчас вызывает внутреннюю дрожь, стоит лишь представить атмосферу неведения и страха, томительного ожидания и беспомощности без вины арестованного человека, всю жизнь посвятившего воплощению в жизнь идеалов, в предательстве которых его так коварно обвиняли. Хотя он все еще не знал: в чем же именно его обвиняют.

Тюремная анкета арестованного:

«Тыныстанов Касым, 1901 г. рождения, Балыкчинский р-н, а. Чырпыкты, профессия и специальности — педагог, языковед, профессор по языку; соц. происхождение —

из крестьян-бедняков¹; соц. положение — служащий, до революции батрачил, после революции — учился до 1924 г., после — работал. Образование высшее, партийность: 1926—1937 гг. Состав семьи: жена Турдубиби, сыновья Тендик, Эркин, дочь Бердик, дочь Каниметова Кишимкан, мать Маркатаева Арпанек».

И все. Никакого интереса к научным трудам или художественным произведениям, хотя в обвинительном заключении уже будут фигурировать последние стихи и драматический цикл под общим названием «Академические вечера».

Сухую арестантскую анкету можно попытаться расширить. В 1924 г. закончил киргизско-казахский институт просвещения в Ташкенте, тогда же вступил в ВКП(б). Затем работал секретарем киргизского отдела Академического центра (научной комиссии) Туркестанской АССР. С 1925 г. — председатель Академического центра Киргизской автономной области. В 1927—30 гг. — комиссар народного просвещения Киргизской АССР, в 1926—31 гг. — ответственный редактор журнала «Джаны маданият жолунда» («На путях к новой культуре»), в 1930—37 гг. — научный сотрудник, заведомо киргизского языка. Одновременно преподавал в Киргизском педагогическом институте в качестве доцента (с 1932 г.) и профессора (1936 г.). Все это время активно занимался научно-организаторской и просветительной деятельностью, плодотворно сотрудничал в киргизских газетах и журналах.

Тыныстанов активно занимался литературной деятельностью еще в 1919—1924 гг. В журнале «Жас кайрат», издававшемся в Ташкенте на казахском и киргизском языках, в 1924 г. был напечатан большой рассказ «Вместе с Мариам на берегу Иссык-Куля». В 1925 г. в Москве вышла его поэтическая книга «Сборник стихов Касыма».

¹ Вспомните предшествующее постановление об аресте, где говорилось о «бай-манапском» происхождении. — В. П.

За период с 1924 по 1930 гг. Касым Тыныстанов опубликовал всего лишь три стихотворения, содержащие в себе большевистские, откровенно пропагандистские призывы, обычные для тех лет. Потом был цикл «Академические вечера» (1932 г.), в котором нашли «идеализацию прошлого и бай-манапства». О своих «ошибках» Тыныстанов, выступая в январе 1934 г. на областной партконференции, сказал так: «Обо мне немало писали, обо мне немало вынесено решений парторганизаций, обо мне немало было официальных разговоров, и эти разговоры мы слушали здесь. Почему отдельные товарищи и парторганизация до того говорили обо мне?

Во-первых, потому что мой политический путь был не одинаков, мой путь менялся, шел зигзагами. Во-вторых, в данный момент, когда классовая борьба обостряется очень сильно, правильно выступает парторганизация, когда критически относится к моей работе, именно потому, что надо на ошибках отдельных коммунистов воспитывать широчайшие массы и членов партии. Вот чем диктовались все выступления товарищей и в печати о моих ошибках».

Однако, несмотря на покаяния, накал критики не спадал. К научным и идеологическим мотивам и обвинениям примешивались личные. Характерна в этом отношении неугодная деятельность некоего Султанбекова — в скором времени секретаря ЦК КП(б) Киргизии и ответственного редактора журнала «Коммунист»: «Я многим товарищам говорил, что Тыныстанов контрреволюционер, и до сих пор его дело смазывается». Одновременно с целой тирадой огульной и бездоказательной критики Султанбеков выступил также против Аалы Токомбаева, Джоомарта Боконбаева, Джолдошева, против Шакеева и других деятели науки и культуры, которые вскоре были арестованы. Надо сказать, что и сам Султанбеков не избежал печального конца.

В 1935 г. Тыныстанов исключили из партии. Он признает все свои ошибки и 3 апреля 1936 г. его восстанавливают

в ВКП(б), с тем, чтобы уже после ареста — решением Фрунзенского горкома партии — окончательно исключить «из рядов». Специальным партийным решением от 1 августа 1937 г. из обращения были изъяты все книги — как изданные, так и в рукописях. 1 января 1938 г. Касыму Тыныстанову было предъявлено официальное обвинение. Оно гласило, что К. Тыныстанов, «начиная с 1921 г. состоял активным членом к.-р. националистической организации «Алаш-Орда» и впоследствии по день ареста членом к.-р. националистической организации «Социал-Туранской партии». Будучи в составе руководящего центра этих к.-р. организаций, вел активную пропаганду и агитацию, а также и практическую работу за свержение вооруженным путем Соввласти в целях отторжения Киргизии от СССР и создания буржуазно-националистического государства под протекторатом одного из иностранных капиталистических государств, ведя организационную деятельность по сношению с разведывательными органами этого капиталистического государства, т. е. совершил деяния, предусмотренные ст. ст. 58, п. 1-а, 2, 4, 7, 10 и 11 УК РСФСР».

Обвинение Тыныстанову подписал заместитель начальника отдела НКВД Киргизской ССР лейтенант госбезопасности Машнин. Позже к делу приобщаются «как вещественное доказательство» два стихотворения Тыныстанова — «Заря» и «Алатау», якобы характеризующие его буржуазно-националистические убеждения. В деле есть свидетельские обвинительные показания нескольких бывших коллег Тыныстанова, выбитые, вероятно, под пытками. Вынужден был дать показания на некоторых из коллег и сам Тыныстанов.

22 февраля Машнин объявил Тыныстанову, что следствие закончено, предъявил обвинение, сообщив, что дело передается в суд. Тыныстанов в ходе следствия «с пристрастием» — так сказано в документах — признал, несмотря на абсурдность, все предъявленные ему обвинения.

4 сентября 1937 г. от коллектива научных сотрудников института киргизского языка и письменности в НКВД было направлено заявление, которое гласило: «... Проводивший до последних дней контрреволюционно-туранистскую программу Сыдыкова и Абдрахманова, ныне разоблаченный враг народа Тыныстанов, пользуясь политическим благодушием руководства нашего научно-исследовательского института киргизского языка и письменности (Панов, Шихалов, Жигаловский, Валитов и Батманов), задавал тон всей работе по разработке вопросов, связанных с грамматикой и орфографией киргизского языка. Тыныстанов старался подбирать в Институт своих единомышленников, классово чуждых людей (Карасаев, Шабданов, Сопиев, Идрисов и др.).

Представителей молодежи он старался брать под свое влияние, применяя всяческие методы...

Пробравшись в органы народного образования и пытаясь захватить в свои руки дело латинизации киргизской письменности, они ввели¹ в систему киргизской орфографии такие правила, которые в такой же степени, как и арабский алфавит, противодействовали росту киргизского литературного языка и закрывали в него доступ для тех живых языковых элементов, которые создала советская эпоха...».

4 сентября 1937 г. было принято решение бюро ЦК КП(б) Киргизии, в котором говорилось: «Бюро ЦК отмечает,

¹ Тыныстанов и, судя по контексту событий, Поливанов (о последнем коллеги сообщали также следующее: «Будучи морфинистом, Поливанов был связан с уголовным элементом и до 1934 г. приобретал морфий и другие наркотические средства для себя, для своей жены (Б. Нирк-Поливановой) и ее сестры (А. Одоевской) у спекулянтов и жуликов... В части отношений с Тыныстановым внешне Поливанов держался обособленно, однако в отдельных его выступлениях проскальзывают мотивы восхваления Тыныстановова, как единственного талантливого специалиста»). — В. П.

что благодаря отсутствию¹ партийного руководства бюро Кирбкома и вредительской работе бывшего руководства Наркомпоса (Джолдошев, Татыбеков, Алиев) в Институте киргизского языка и письменности в течение ряда лет орудовали враги народа — троцкисты и националисты (Поливанов, Тыныстанов, Сопиев) и их приспешники (Шабданов, Карасаев и другие), которые в течение всей своей работы в Институте проводили контрреволюционную, националистическую работу, занимались вредительством, саботажем, проводили контрреволюционную фашистскую расовую теорию в области строительства культуры и привели Институт к развалу.

Эта банда националистов и троцкистов не допускала для работы в Институте преданных партии и Советской власти молодых научных работников — киргизов и дунган, искажала киргизский язык, не допускала проникновения в киргизский язык советских интернациональных терминов и извращала их, занималась подрывной работой в области алфавита и орфографии, саботировала издание научных работ института...».

Судьба была predeterminedena, хотя до суда и приговора оставалось еще более года.

Суд же оказался скорым. Выездная сессия Военного суда СССР, проведшая ряд заседаний во Фрунзе в начале ноября 1938 г., на своем закрытом заседании рассмотрела ряд дел. Полчаса понадобилось для того, чтобы признать все пункты обвинения Касыма Тыныстанова. Сам же ученый на последнем допросе отказался от всех предыдущих показаний и заявил о своей невиновности и ложности обвинения. Накануне суда медицинская комиссия обследовала состояние здоровья заключенного и поставила диагноз: «неврастения, катар желудка, передвигаться без посторон-

¹ Так в тексте. Суть же в том, что первый секретарь ЦК КП(б) М. Белоцкий был к этому времени арестован. — В. П.

ней помощи не может, нуждается в стационарном лечении».

Выездная сессия Военного суда признала обвинение достаточным и 5 ноября 1938 г. приговорила Касыма Тыныстанова к расстрелу. Ниже следовало предписание: приговор привести в исполнение немедленно...

Решением Военной Коллегии Верховного суда СССР от 1 октября 1957 г. Касым Тыныстанов был посмертно оправдан «за отсутствием состава преступления». Реабилитированный в гражданском плане, он продолжал оставаться дискредитированным в отношении идеологическом. На всем его научном и художественном наследии продолжало лежать жесткое партийное вето. В исторических и литературоведческих исследованиях он оценивался не иначе как «буржуазный националист».

В начале 1961 г. К. К. Юдахин обратился с большим письмом к Н. С. Хрущеву, в котором сетовал, что за свои хлопоты о культурном наследии кыргызского народа и, в частности, Касыма Тыныстанова, сам оказался причисленным к когорте «буржуазных националистов». Не получив ответа, 30 августа следующего года К. К. Юдахин направляет Н. С. Хрущеву новое письмо. И после этого К. К. Юдахину еще неоднократно пришлось обращаться к секретарю по идеологии в ЦК КПСС Л. Ильичеву и заведующему отделом Д. Поликарпову. В конце концов хлопоты не прошли бесследно. Решением партийной комиссии ЦК КПСС за подписью ее председателя Н. Шверника от 16 мая 1964 г. Касым Тыныстанов был восстановлен в партии. К. К. Юдахин в письме племяннице Е. П. Юдахиной с удовлетворением писал: «Катюша! На Тыныстанове наши «бдители» провалились. Москва здешнее решение о нем отменила. Он в партии восстановлен...». Но общественность республики об этом не узнала. Партийное решение не было обнародовано и четверть века (!) пролежало в делах ЦК Компартии Киргизии «за семью печатями».

И четверть же века на имени Тыныстанова лежала печать националиста, его научные труды по-прежнему находились в спецфондах, художественные произведения замалчивались или поносились. Лишь 4 января 1989 г. было опубликовано постановление ЦК КП Киргизии, которое констатировало: «...согласиться с выводами комиссии ЦК о необходимости восстановления исторической правды о литературном наследии... одного из зачинателей киргизской письменной литературы, ученого-лингвиста Касыма Тыныстанова, незаконно репрессированного в тридцатые годы».

Таков оказался последний поворот в его судьбе.

Публикуется по изданию

Плоских В. М. Последний зигзаг судьбы // Литературный Кыргызстан. 1991. № 9, 10.

ИЗ ИСТОРИИ РЕПРЕССИРОВАННОЙ КИРГИЗСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

(Этюды о К. К. Юдахине)

Минуло более семи десятилетий с тех пор, когда киргизские интеллигенты, стоявшие у истоков формирования литературного киргизского языка, испытали первые ощутимые удары складывающейся командно-административной системы. Шесть десятилетий назад лучшие умы Киргизстана, ученые — звезды лингвистики были подвергнуты репрессиям, арестованы, многие из них расстреляны. Достаточно назвать имена таких ученых, трагическая судьба которых лишь в наше время стала достоянием гласности, как первый киргизский историк-профессионал Осмоналы Сыдыков, автор первого киргизского букваря Ишеналы Арабаев, первый киргизский профессор, автор лингвистических учебников Касым Тыныстанов, ученый-полиглот мировой известности Евгений Поливанов. Все они пали жертвами кровавого тоталитарного режима. «Вспоминая все горькое, что принес нам “способ жизни”, — писал в свое время Д. С. Лихачев, сам прошедший лагеря и отлучение от науки, — мы непременно должны обратить внимание и на другую сторону. Приходится удивляться стойкости многих крупных и менее известных ученых..., которые не отступали от своих убеждений, оказываясь без средств к жизни и в обстановке полного отчуждения. С риском для своей свободы они сохраняли книги и рукописи, отказывались давать показания против своей совести, не отрекались от своих учителей и руководителей,

не подписывали человеконенавистнических обращений и заявлений»¹.

В Киргизстане не погибли, уцелели, но были подвергнуты как бы остракизму такие лингвисты, как ученик Е. Д. Поливанова К. К. Юдахин, как его коллеги И. А. Батманов, Б. М. Юнусалиев, Дж. Шукуров. Биография каждого из них по-своему трагична и героична, жизнь и судьба каждого — яркая страница в киргизской истории и науке.

Мы расскажем лишь об одном из них — академике, непревзойденном киргизском лексикографе, русском ученом Константине Кузьмиче Юдахине, заклеяменном в свое время как «киргизский националист»².

Из эпитафия к «Киргизско-русскому словарю» К. К. Юдахина:

Омур бизден отуп кетсе,
Эл эмгектен эскерсин

А. Токомбаев

Когда жизнь наша пройдет,
пусть народ вспоминает нас
по трудам нашим

А. Токомбаев

¹ См.: Репрессированная наука / Предисл. Акад. Д. С. Лихачева. Л., 1991. С. 6.

² И. Арабаеву, К. Тыныстанову, Е. Поливанову посвящено уже несколько статей. Судьбы других ученых — О. Сыдыкова, И. Батманова, Б. Юнусалиева, Дж. Шукурова — еще ждут своих исследователей.

К. К. Юдахину был посвящен лишь один сборник статей, изданный к 80-летию ученого — «Тюркологические исследования» (Фрунзе, 1970), который открывается биографическим очерком о К. К. Юдахине, составленным его учеником и младшим коллегой К. Сартбаевым.

К. К. Юдахин

Сейчас его называют подвижником киргизской культуры — русский подвижник, всю свою жизнь посвятивший сближению и взаимопониманию русского и киргизского народов через самые чувствительные струны души — язык.

Начав по собственной инициативе составление первого в истории киргизско-русского словаря, для работы над вторым, уже русско-киргизским, словарем, он привлек своих младших киргизских коллег и учеников. Приступив к научной работе под руководством бескомпромиссного ученого с мировым именем Е. Д. Поливанова, он всю жизнь был верен правде науки, не отступая от нее даже под давлением всемогущего партийно-административного аппарата, за что в конце концов получил ярлык «киргизского националиста».

Внешне жизнь К. К. Юдахина протекала спокойно, без особых катастроф: постепенное восхождение по научной лестнице — до профессора и академика, лауреата Государственной премии СССР. Но внутренне она полна драматизма, сложных переживаний, связанных с отставанием научных истин и человеческого достоинства.

О малоизвестных или неизвестных страницах биографии ученого мы пытаемся рассказать на примере ранее не публиковавшихся документов времени создания «Киргизско-русского словаря».

«Единственной причиной, заставившей меня покинуть кафедру в статусе всесоюзного значения (в Москве. — Авт.) и переехать в Киргизию, является мое желание целиком посвятить себя изучению киргизского языка и активно участвовать в культурном строительстве киргизского народа», — написал в своей автобиографии 5 июня 1945 г. К. К. Юдахин, уже будучи автором широкоизвестного «Киргизско-русского словаря».

Долго и много работал К. К. Юдахин над составлением словаря. В 1940 г. вышло его первое издание, в 1965 г. — новое, дополненное, принесшее автору всемирное признание. Имя Юдахина встало в первый ряд признанных ученых-тюркологов мира. Широко известно и почитаемо это имя и в научных кругах республики. Поэтому — буквально несколько слов из биографии-хроники ученого, а основное внимание уделим малоизвестным или вовсе неизвестным страницам периода подготовки им словаря.

В личном деле профессора Константина Кузьмича Юдахина, хранящемся в Национальной академии наук Киргизстана, есть собственноручно написанная автобиография.

Сын мещанина. Родился в г. Орске (б. Оренбургской губ.) 31 мая 1890 г. Детство провел в г. Аулие-Ата (ныне Джамбыл). Рос в постоянном киргизско-русском окружении. Игры с казахскими и киргизскими детьми дали возможность еще в детстве практически овладеть казахским

и киргизским языками. Обучение в ташкентской учительской семинарии дало навыки узбекского и таджикского языков, входивших в программу преподавания, четыре года работы в школах узбекских кишлаков закрепили эти навыки. Затем из чисто материальных интересов К. К. Юдахин переехал в Ташкент для работы приказчиком отделения товарищества «Э. Циндель».

С мая 1915 г. по сентябрь 1920 г. был в различных городах Синь-Цзяна, работая там в качестве служащего частных предприятий или учителя. Хорошо овладел уйгурским языком. После возвращения в Ташкент осенью 1920 г. сразу же поступил в Туркестанский восточный институт (позднее — Восточный факультет САГУ), который окончил в 1925 г. «по разрядам тюркской и иранской филологии». В университетский период К. К. Юдахин вместе с маститым ученым-востоковедом Е. Д. Поливановым выезжает в диалектологические экспедиции и под его руководством по собранным материалам пишет дипломную работу по узбекскому языку «Некоторые особенности карабулакского говора». Она была напечатана в 1927 г. в сборнике, посвященном академику В. В. Бартольд. После защиты диплома (в июне 1925 г.) факультет командировал К. К. Юдахина в Ленинград для подготовки к научной деятельности. Здесь Константин Кузьмич был персонально прикреплен к проф. С. Е. Малову — главному специалисту в стране по дешифровке древнетюркской (том числе древнекиргизской) письменности, спецкурс лекций которого слушал еще на Восточном факультете САГУ.

С этого времени фактически началась работа над составлением капитального киргизско-русского словаря — дело всей жизни ученого. Но об этом позже.

После сдачи «контрольного доклада» по узбекским диалектам и отзыва научного руководителя С. Е. Малова, обучение (нечто предшествующее аспирантуре) считалось законченным. Одновременно он преподавал узбекский,

киргизский и казахский (а позднее и уйгурский) языки в Ленинградском восточном институте (а затем и в ЛГУ), кроме того, работал ученым секретарем тюркологического кабинета, затем — старшим научным сотрудником Института востоковедения Академии наук СССР. В 1932 г. К. К. Юдахин переехал в Москву, где являлся вплоть до декабря 1944 г. заведующим кафедрой и профессором уйгурского языка в Институте востоковедения. С 1945 г. постоянно жил и работал во Фрунзе, сначала в Киргизском филиале АН СССР (позже Академии наук Киргизской ССР) и по совместительству — в пединституте (позже Кыргызском университете). В автобиографии К. К. Юдахин писал: «С первых дней создания киргизской письменности после Октябрьской революции и до последних дней принимаю активное участие в разработке связанных с ней (письменностью) вопросов. Ни один сколько-нибудь существенный этап в развитии киргизской письменности не проходил без моего непосредственного участия». И это не было преувеличением: действительно, всю свою жизнь К. К. Юдахин посвятил киргизской лингвистике и лексикологии, а когда его словарь вышел новым изданием — в Москве, ученый написал: «Теперь Киргизия имеет значительный коллектив энергичных молодых лексикографов, которым я и передаю “эстафету”».

Себе же он определил другую задачу: «Большим своим долгом и перед киргизоведением, и перед дореволюционной киргизской культурой я считаю также тщательное исследование дореволюционной киргизской письменности и языка. К этой теме я уже приступил вместе со своим неизменным товарищем по работе Х. К. Карасаевым»¹.

Но последней задумке ученого не суждено было свершиться. Во-первых, годы брали свое — становилось все

¹ Киргизско-русский словарь / сост. к.к. Юдахин. М. 1965. С. 6.

труднее работать. Во-вторых, официально провозглашенный и неоднократно повторенный с самых высоких трибун тезис об отсутствии дореволюционной письменности у киргизов обуславливал своеобразное «табу» на подобные исследования и публикации на эту тему. В-третьих, благородное стремление К. К. Юдахина совместно с другим киргизским лингвистом — академиком Б. М. Юнусалиевым вернуть науке незаслуженно отвергаемые и поруганные имена — Молдо Кылыча и Касыма Тыныстанова — делали самого К. К. Юдахина неугодным официальным властям, и он был объявлен «киргизским националистом». Один из авторов бывал в эти годы у академика К. К. Юдахина, показывал ему фотокопии из архивов первых киргизских писем, разбирал редкие сохранившиеся дореволюционные рукописи на киргизском языке и видел, как переживал ученый, что нельзя их сейчас же опубликовать с полным лингвистическим анализом, сожалел, что все меньше остается людей, читающих киргизские тексты на арабской графике, а новых специалистов не готовят. Бывало, вспоминал и свои мытарства по подготовке «Киргизско-русского словаря», особенно в трагические тридцатые годы. И только много лет спустя, работая в партархиве, нам пришлось столкнуться с документами той далекой уже эпохи и узнать подробности, которых так не любил касаться Константин Кузьмич.

Рукопись «Киргизско-русского словаря» К. К. Юдахиным была завершена к 1935 г., через 10 лет после начала работы над ней. 17 сентября 1935 г. заведующая сектором словарей тов. Красная из Государственного издательства «Советская энциклопедия» пишет секретарю Киробкома М. Л. Белоцкому (копии направляет в наркомат Т. Джолдошеву, зам. культпропобкома Аилчинову и директору Научно-исследовательского института киргизского языка и письменности Шиханову), что в редакции имеется готовая к печати рукопись киргизско-русского словаря, ее отправляют

(с Юдахиным) в Киргизию и просят «весь отредактированный материал высылать только с визой обкома ВКП(б) на “печатание”, высылать только спецпочтой с одновременным оповещением об отправке автора и редакции»¹.

В Киргизии рукопись была роздана для чтения и рецензирования группе киргизских товарищей, причастных к литературе и издательской деятельности, в том числе поэтам Дж. Боконбаеву и А. Токомбаеву, писателям К. Баялинову и Джакишеву, переводчику Чолокову и другим. К. К. Юдахин из Москвы приехал во Фрунзе, во-первых, чтобы не затерялась при пересылке рукопись (а такие факты уже имели место, и большие куски словаря Юдахину приходилось восстанавливать по карточкам заново); во-вторых, рукопись была в одном экземпляре и чтобы запустить ее по конвейеру, требовался «толкач».

Судя по сохранившимся архивным материалам, с рукописью ознакомился и работавший уже более года в Киргизии известный советский лингвист профессор Е. Д. Поливанов, бывший научным руководителем еще дипломной работы Юдахина. В письме первому секретарю Киробкома М. Л. Белоцкому 20 декабря 1935 г. он пишет. «...Киргизско-русский словарь Юдахина представляет настолько ценную, исключительно ценную работу (сравнимую лишь с якутским словарем Пекарского и осетинским словарем Манлера), что ставить преграды опубликованию этого словаря непростительно. Всякая дальнейшая правка словаря — кроме, конечно, политконтроля — будет излишней задержкой. Я полагаю, что до отъезда тов. Юдахина нужно было бы санкционировать словарь к печати». На письме в верхнем правом углу карандашная резолюция: «Побеседовать с Юдахиным»².

¹ ЦГА АПД КР. Ф. 10. Оп. 3. Д. 7. Л. 1.

² ЦГА АПД КР. Ф. 10. Оп. 9. Д. 61. Л. 49.

Евгений Дмитриевич Поливанов, будучи полиглотом — знал более 16 языков (а лингвистически, как сам отмечал, — много больше), среди них европейские, японский, китайский, тюркские и др. — был широко известен в стране (а еще больше, пожалуй, за рубежом) как авторитет в сравнительном языкознании. Он был главным оппонентом вскоре скомпрометировавшей себя, но в то время находившей официальное признание яфетической теории Н. Я. Марра. Марровская теория признавалась вершиной марксистского языкознания, все противостоящее ей считалось антимарксистским. А потому трудно сказать, какую роль сыграл отзыв Е. Д. Поливанова на словарь К. К. Юдахина — положительную или негативную?

Известно, что другое предложение Е. Д. Поливанова точно не было принято. Дело в том, что К. К. Юдахин осенью 1935 г. во Фрунзе не только правил «Киргизско-русский словарь», но и пробивал идею составления им (в сотрудничестве с киргизскими лексикографами) русско-киргизского словаря. В указанном письме М. Л. Белоцкому Поливанов отмечал: «Что же касается составления русско-киргизского словаря, то тут я расхожусь с тов. Юдахиным, и считаю, что словник этого словаря мог бы быть составлен (и в менее долгий срок) на месте, т. е. во Фрунзе, т. е. незачем перебрасывать составление словника в Москву. При определенных условиях планирования рабочего времени я бы готов был взяться за эту работу с одним или двумя сотрудниками. Не поймите это так, будто я ищу себе нагрузки (у меня и так много заказов), но для того, чтобы ускорить дело по составлению этого (русско-киргизского) словаря, я прибавил бы себе и эту нагрузку».

Е. Д. Поливанов приехал на работу во Фрунзе в июле 1934 г. по личному приглашению бывшего министра народного образования, а в описываемое нами время — опального научного сотрудника, правда, иногда замещавшего директора Научно-исследовательского института киргизского

языка и письменности, киргизского ученого-лингвиста и поэта Касыма Тыныстанова. Е. Д. Поливанов приехал в Киргизию, уже обладая огромным опытом научной работы, в том числе в области тюркологии¹.

Один из первых «красных профессоров» Е. Д. Поливанов уже в 20-е годы — автор целого ряда основополагающих лингвистических трудов. Он занимал ведущее место в сравнительном языкознании, являлся признанным лингвистом-востоковедом, до тех пор, пока не выступил... с ревизией яфетической теории, «нового учения о языке» Н. Я. Марра. Это имя в конце 20 — начале 30-х годов было непререкаемым авторитетом в советском языкознании. Опубликовав в 1928 г. статью «Специфические особенности последнего десятилетия (1917—1927) в истории нашей лингвистической мысли» и выступив в 1929 г. с докладом «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория», Е. Д. Поливанов оказался в оппозиции официальному, марровскому, языкознанию, был снят со всех руководящих постов и вынужден был уехать в Среднюю Азию — сначала в Самарканд, а затем в Ташкент. Ему с трудом удается печататься, но он упорно и много работает над созданием письменности и грамматики языков коренных народов Средней Азии, продолжает заниматься общетеоретическими проблемами языкознания, основными способами образования языков (интеграция и интерференция, фонетическая эволюция и пр.). Забегая вперед, отметим: современные лингвисты признают, что именно Е. Д. Поливанов стоял на правильных научных позициях, и если бы идеи Поливанова не были заглушены административными силовыми мерами, современное сравнительное языкознание ушло бы далеко вперед. Надо признать, что его идеи за рубежом

¹ Подробнее см.: Плоских В. Человек огромной воли, огромной чести, огромной веры // Чабыт (Порыв) Альманах. Бишкек, 1992. С. 218—247.

сразу нашли признание, были развиты и в нашу страну возвратились позже, уже через иностранную науку.

Вокруг Поливанова сложилась такая предгрозовая атмосфера (и это еще в начале 30-х годов!), что многие издательства просто боялись публиковать работы «анти-марксистского» профессора, вокруг него начали плестись интриги. Общая тягостная атмосфера усугубилась обострившейся болезнью. Для заглушения физической и душевной боли все чаще приходилось прибегать к морфию, развивалась наркозависимость.

Приказом по Институту культурного строительства от 21 июля 1934 г. профессор Е. Д. Поливанов зачисляется «научным сотрудником Института в должности действительного члена по дунганскому сектору с окладом содержания 600 руб. в месяц. Испытательный срок с заключением персонального договора». Он сразу же активно включается в разработку не только проблем дунгановедения, но и киргизского языкознания и манасоведения. Обнаруженные нами (но еще не введенные в научный оборот) тетради Е. Д. Поливанова по киргизской лингвистике, равно как и подстрочный перевод одного из центральных сюжетов эпоса — «Великий поход» («На Бейджин Великий») по сагымбаевскому варианту, до сих пор не были предметом специального внимания языковедов и литературоведов, хотя представляют несомненную ценность для истории киргизской письменности и манасоведения и небезынтересны для историков. Кстати, при диалектном анализе киргизского языка Е. Д. Поливанов целиком воспринимает классификацию (по четырем диалектам), установленную «выдающимся местным исследователем К. Тыныстановым». Во Фрунзе Е. Д. Поливанов приступил также и к составлению картотеки русско-киргизского словаря, поэтому со знанием дела мог оценить труд К. К. Юдахина. Только помогло ли это автору «Киргизско-русского словаря» или,

наоборот, зародило у официальных кругов подозрение? Во всяком случае, то ли рецензия киргизских писателей не была положительной, то ли не было уверенности, что автор учел все замечания, однако редакция словарей решила добиться официального заключения парторганизации Киргизии, которого М. Л. Белоцкий так и не дал. Через полгода — 3 июня 1936 г. — уже новый заведующий сектором словарей Государственного издательства «Советская энциклопедия» тов. Миланов обращается в адрес Киргизского обкома ВКП(б) с просьбой дать окончательное заключение на рукопись К. К. Юдахина: «Прежде чем сдать в набор киргизско-русский словарь, редакции Словарей ГИСЭ необходимо иметь Ваш письменный отзыв о нем»¹.

Но в Киргизском обкоме партии не торопились, и работа над словарем в редакции приостановилась. Тогда К. К. Юдахин в августе 1936 г. пишет письмо в редакцию словарей и копию его направляет в Киробком ВКП(б) во Фрунзе. Приведем его текст:

«19.VII с. г. т. Страуян сообщил мне, что работа по просмотру рукописи киргизско-русского словаря временно прекращена.

Мотивировал это т. Страуян так:

1. Полиграфическая база не подготовлена к печатанию Словаря.
2. Необходимо согласовать с Отделом печати ЦК ВКП(б) список слов и выражений, которые, по мнению редакции, должны быть изъяты из Словаря.

Первый мотив меня интересует мало (едва ли он соответствует действительности), а второй — очень. Со своей стороны я представлю в ЦК (через Киробком) все материалы, относящиеся к истории вопроса и характеризующие мои бесконечные мытарства, связанные с попытками

¹ ЦГА АПД КР. Ф. 10. Оп. 9. Д. 73. Л. 18.

добиться печатания первого киргизско-русского словаря, на который у меня ушло 10 лет жизни.

Надеюсь доказать редакции:

1. что рукопись находится не в безраздельном владении редакции, но что и я как автор имею на нее какое-то право,
 2. что Кирг. АССР имеет (вопреки мнению редакции) отношение к содержанию киргизско-русского словаря,
 3. что каждый язык и работа по нему имеют свою историю, а потому нельзя стричь под одну гребенку киргизско-русский словарь и, скажем, французско-русский.
- Я уверен, что в результате обращения в ЦК ВКП(б) мы будем иметь:

1. принципиальную постановку вопроса о национальных словарях и
2. избавление их авторов от бесконечного количества редакторов (грамотный редактор сохранит свое значение, а от малограмотных и безграмотных мы будем избавлены).

Убедительно прошу Вас копию списка слов и выражений, предназначенных к изъятию, направить в Киробком ВКП(б).

2 августа 1936 г.
К. Юдахин»¹.

При этом ученый не забывал и другой задачи — необходимости создания русско-киргизского словаря, о чем стал упорно напоминать и своим киргизским коллегам в научно-исследовательском институте киргизского языка и письменности, и республиканским партийным органам (хотя сам оставался беспартийным).

Вот письмо К. К. Юдахина заведующему отделом школ и науки Киробкома ВКП(б) Джумабаеву от 5 октября 1936 г.:

¹ ЦГА АПД КР. Ф. 10. Оп. 9. Д. 7. Л. 32 — 34.

«Уважаемый т. Джумабаев!

Самой основной и наиболее важной моей работой по Киргизии на 1936–37 гг. является русско-киргизский словарь. Думаю, что эта работа является наиболее важной не только в плане моих работ, но и, пожалуй, в плане всего языкового строительства Кирг. ССР на данном этапе.

Теперь, когда киргизская школа обеспечена элементарными учебниками по языку, наиболее невыгодными и самыми отсталыми являются терминология и переводческая работа. Русско-киргизский словарь должен быть основным пособием в обоих этих вопросах. Учитывая это, я и поднял вопрос. Киргизия как будто пошла мне в этом деле навстречу, пообещав мне полную поддержку. Главную роль в этом деле должен сыграть научно-исследовательский институт. Так было на словах. А на деле? На деле, к сожалению, выходит иначе. Приведу факты.

Для перевода словника институт наметил 3 человека — Саманчин, Юнусалиев и Карасаев. Список переводчиков, как мне сказали, согласован с Вами. Вся работа должна вестись в Москве, а материал по мере его накопления должен посылаться в обком и далее в редакцию. Работу предположено начать в первой половине октября...

Неужели институт не обязан мне помочь? Если так, то лучше теперь отказаться от работы...»¹

О реакции на это предложение профессора Е. Д. Поливанова мы писали выше. Джумабаев же ответил К. К. Юдахину телеграммой: «Письмо получил, Карасаев выехал».

Словарь тогда так и не был создан. У него оказалась более долгая и не менее трагическая история.

Зашла в тупик и работа по созданию киргизско-русского словаря. Приближался пик репрессий, исчезали со страниц имена и термины, подвергались гонениям, а позже

¹ ЦГА АПД КР. Ф. 10. Оп. 9. Д. 7. Л. 33.

и репрессиям авторы. В это время К. К. Юдахин, вымотанный всевозможными проволочками и переделками, в отчаянии пишет письмо в Киробком ВКП(б) — свидетельство высокой ответственности автора — гражданина и ученого, его боли и переживания за дело, необходимое для республики, но зашедшее в тупик по непонятным для него причинам.

Воспроизведем письмо полностью, как важный исторический документ — в нем хроника создания словаря, мытарства автора и человеческая боль за культуру народа, которому К. К. Юдахин посвятил всю свою жизнь.

«Уважаемые товарищи!

Из копии моего письма от 2. VIII на имя РС (Редакции словарей) Вы знаете, что работа по подготовке к набору киргизско-русского словаря прекратилась.

Мытарства, связанные с продвижением словаря к печатному станку, до того издергали меня, что я решил похоронить рукопись, над которой работал 10 лет. Продолжать борьбу у меня нет больше сил. Чтобы было ясно, что это не каприз, ниже излагаю всю историю работы над словарем.

В 1926 г. при Академии наук СССР была начата работа по подготовке к переизданию словаря В. В. Радлова. Все наличные тюркологические силы приняли участие в этой большой и ценной, но, к сожалению, до конца не доведенной работе. Каждый взял на себя проработку одного из памятников, лексический материал которых было предложено включить в словарь. Я обязался проработать V-й том “Образцов” В. В. Радлова, посвященный киргизскому языку. К тому времени относится начало моего детального изучения киргизского языка.

В материалах Радлова оказалось много неясных для меня мест. Для выяснения этих неясностей я начал выборку лексики из киргизской печати. Когда же и это оказалось недостаточным, я поехал в Киргизию: в 1927 г. — в Ош и в 1928 г. — в б. Каракольский кантон. В результате

этих занятий у меня накопилось около 120 000 слов (V-й т. «Образцов» Радлова едва дает 3 000 слов).

В 1928 г. Кир. Наркомпрос, узнав о моей работе, предложил мне расширить ее и дать, независимо от словаря Радлова, киргизско-русский словарь объемом до 20 печатных листов. В помощь мне был рекомендован т. Карасаев (ныне научный сотрудник КНИИЯП). С осени 1928 г. по 1930 г. я работал над словарем совместно с т. Карасаевым. Затем т. Карасаев, по объективным причинам, от работы отошел и я продолжил ее один.

В качестве материала кроме «Образцов» Радлова и моих собственных записей привлекалось все, что выходило на киргизском языке — газеты, журналы, художественная литература (тогда еще очень слабая), и фольклор. Постоянное общение с киргизским студенчеством давало мне возможность пополнять словарь лексикой и фразеологией разговорного языка.

Систематическое пополнение словаря продолжалось до 1935 г., когда был заключен договор с РИС (Редакция иностранных словарей, ныне РС — Редакция словарей) на издание словаря.

До заключения договора на рукопись было дано три отзыва: 1) И. А. Батманов и А. Шабданов, 2) К. Тыныстанов и 3) А. М. Сухотин.

При заключении договора характер источников и состав киргизского словника были известны, а потому о нормативности словаря (в части его киргизского словника) не могло быть и речи. Предполагалось, что словарь должен служить пособием не только при практическом изучении киргизского языка, но и для научной работы над ним. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с «Инструкцией по составлению и подготовке к набору киргизско-русского словаря».

В начале 1934 г. для окончательной обработки рукописи РИСом были выделены тех. ред. т. Вентцель и политред. т. Саманчин (ныне отв. секретарь Кир. ЦК). В мае того

же года обработка рукописи была закончена. Отметим, что рукопись была обработана людьми, поставленными не мною, а Редакцией и работавшими по ее установкам. Подготовленная к печати рукопись лежала в РИС до весны 1935 г. (т. е. год). К этому времени рукопись разрослась уже до 45 печ. листов (против первоначальных 20). Как во время обработки рукописи, так и во все последующее время я продолжал исподволь просматривать киргизские издания и собирать словарный материал

Весной 1935 г. в РС мне заявили, что без визы Кир. Обкома словарь печатать нельзя. Посылать единственный экземпляр рукописи по почте я не мог, т. к. в 1932 г. уже был случай пропажи на почте примерно 7 печ. листов, восстановление которых по картотеке потребовало от меня 4 месяца работы, а потому я решил везти во Фрунзе рукопись сам.

Для просмотра Кир. Обкомом была создана специальная комиссия в составе семи человек, которая работала 3 месяца. В начале января с. г. одобренная рукопись возвратилась в РС.

За это время орфография рукописи успела устареть, исправление орфографии потребовало значительной технической обработки рукописи и частичной ее переписки¹.

РС, не удовлетворившись редактированием, произведенным в Кир. Обкоме, решили проредактировать рукопись еще раз. В качестве редактора киргизской части был приглашен студент московского Института востоковедения тов. Токбаев, мой ученик по уйгурскому языку.

¹ До этого рукопись переписывалась пять раз: 1) с карточек на листы, 2) когда по необоснованному требованию КНИИКС и Кир. ЦК (предполагавшиеся издатели словаря) пришлось изменить порядок алфавита (двойная переписка): 1) разноска на карточки и 2) переписка на листы, когда по справедливому требованию РИС пришлось изменить порядок алфавита, предложенный КНИИКС и Кир. ЦК (опять двойная переписка): 1) разноска на карточки и 2) переписка на листы. Пять раз переписывать рукопись в 45 печатных листов — дело не столь легкое и малоприятное. (Примеч. К. К. Юдахина.)

Ко мне тов. Токбаев относился и относится очень хорошо, но беда в том, что он киргизским языком никогда не занимался и по-киргизски малограмотен.

Кроме тов. Токбаева, за киргизским текстом следила тов. Тохтамышева, по национальности татарка, а по квалификации — переписчица ниже средней руки.

Русскую часть редактировали тт. Страуян (писатель) и Харитон. Т. о. словарь за это время подвергся рецензированию три раза, редактированию — три раза и переписке — пять раз. Одного этого достаточно, чтобы работа успела надоесть автору.

Перехожу к самому главному — к взаимоотношениям между автором и редакторами. Если взять объективное отношение ко мне моих многочисленных редакторов, то они были неизменно благожелательными (если не считать последнего времени работы в РС, когда дело дошло до открытого конфликта) Что же касается чисто деловых взаимоотношений, то они оставляют желать лучшего. Ненормальность этих взаимоотношений заключается в следующем:

1. РС считает себя полным хозяином рукописи и совершенно отказывается понять тот простой факт, что за качество словаря отвечает не только РС, но и его составитель.
2. РС считает, что любой киргиз, независимо от его квалификации, может быть редактором киргизско-русского словаря. При этом мнение редактора, если он на нем настаивает, принимается как непреложная истина.
3. Редактора РС допустили крайне неблагоприятное отношение к рукописи: вносили исправления тайно от меня...

...Я редакцию предупреждал об опасности внести в словарь какие бы то ни было поправки без согласования со мной. Мне твердо было обещано не делать этого. Однако, когда на одном из редакционных заседаний (уже после того, как наши отношения обострились) я указал на недопустимость поведения сотрудников Редакции, мне

на это ответили, что Редакция вправе вносить в рукопись все изменения, какие они находят нужным.

Решение прекратить работу по подготовке словаря к набору вызвано, как мне сообщил т. Страуян, необходимостью согласовать с отделом печати ЦК ВКП(б) список слов и выражений, которые по мнению РС должны быть изъяты из словаря (второй мотив — неподготовленность полиграфической базы — несерьезен).

Я указывал на необходимость послать копии этого списка в Кир. Обком ВКП(б), но РС смотрит на вопрос иначе (об этом ниже). Что же содержит в себе этот «черный список»? Показать список мне, несмотря на мои настойчивые просьбы, отказались, но характер его мне известен (если не произошло каких-либо изменений после «разрыва»). Список этот включает в себе киргизские слова и выражения, которые в РС признали неприличными, а потому в словаре недопустимыми...

Всем этим я не хочу сказать, что у меня было хорошо, а РС делает только плохое. Нет, не в этом дело. Дело в том, что я измучен всеми просмотрами и придирками и над словарем больше работать не могу.

Я бы мог утешаться тем, что это безобразное отношение испытывает на себе не только киргизский словарь, но и словари других национальных языков (напр., аваро-русский и уйгурско-русский), но это плохое утешение.

В заключение заявляю, что я сделал большое, очень полезное и очень нужное дело (этого никто не отрицает), но не имею возможности сделать его доступным для Кирг. АССР. Проработав десять лет, я дал рукопись киргизско-русского словаря. Если Киргизия нуждается в нем, прошу принять меры к его изданию. Я бессилен что-либо сделать.

Фрунзе. 31. VIII. 36.

С приветом К. Юдахин»¹.

¹ ЦГА АПД КР. Ф. 10. Оп. 9. Д. 61. Л.23—30.

На этом мытарства К. К. Юдахина с рукописью не кончились. Прошло еще 4 года, пока словарь — накануне Великой Отечественной войны — дошел до читателя. Но что важно — началась работа по русско-киргизскому словарю.

4 сентября 1936 г. И. А. Батманов, как и. о. директора НИИКЯП обращается в отдел школ и науки Киробкома с предложением «утвердить тт. Саманчина, Карасаева и Юнусалиева в качестве переводчиков и т. Юдахина в качестве редактора русско-киргизского словаря».

Уже 5 сентября Джумабаев и секретарь Обкома ответили согласием¹.

«Русско-киргизский словарь» вышел из печати много лет спустя, в годы Великой Отечественной войны (составители К. К. Юдахин, Х. К. Карасаев и Д. Ш. Шукуров). За это время К. Тыныстанов был уволен. В приказе о нем говорилось: «...как не оправдавшего доверия и на протяжении ряда лет не дававшего научной продукции институту, с работы с 1 августа сего года снять» (из приказа по НИИКЯП № 33 от 3 августа 1937 г.). Вторым параграфом этого же приказа, подписанного вр. и. о. директора И. А. Батмановым, было записано: «Е. Д. Поливанова, как не оправдавшего доверия и срывававшего выполнение производственного плана с сего числа с работы снять».

Оба ученых были арестованы 1 августа 1937 г., приказ об освобождении от работы появился лишь на третий день. Оба были расстреляны как «враги народа»: Е. Д. Поливанов, как недавно уточнено, в Москве 25 января 1938 г. (хотя считалось, что это произошло в Ташкенте примерно 25 апреля 1938 г.), К. Тыныстанов — во Фрунзе, 6 ноября 1938 г. А 15 августа 1937 г. появляется очередной приказ по Институту (№ 37): «Научного сотрудника Карасаева Х., как пособника ныне разоблаченного контрреволюционного

¹ ЦГА АПД КР. Ф. 10. Оп. 9. Д. 6. Л. 1–2.

националиста Тыныстанова К. С., с 15. VIII сего года от работы в Институте освободить.

Директор Валитов».

Е. Д. Поливанов и К. С. Тыныстанов реабилитированы посмертно, Х. К. Карасаев остался жив. Прожил активную жизнь, активно трудился на поприще киргизского языкознания и в 90-е годы уходящего XX столетия.

К. К. Юдахину удалось избежать репрессий. В характеристике К. К. Юдахина, подписанной бывшим директором Киргизского научно-исследовательского Института истории, языка и литературы КирФАН СССР, известным поэтом Аалы Токомбаевым, говорилось, что профессор К. К. Юдахин проделал огромную работу в Киргизии: на протяжении всего времени был постоянным руководящим и ведущим работником в области культурного строительства республики, вырастил и воспитал значительную часть киргизской интеллигенции; под его непосредственным руководством подготовлена основная часть лингвистов, литературоведов и фольклористов из среды киргизского народа. Прекрасный знаток края, его истории, языка, быта, фольклора. Автор полного киргизско-русского словаря, охватившего все богатства киргизского языка; инициатор, организатор и один из авторов и редактор русско-киргизского словаря — ценнейшего пособия при изучении русского языка широкими слоями киргизского народа.

В другой характеристике, подписанной председателем Президиума КирФАН АН СССР академиком К. И. Скрябиным, отмечались научные заслуги К. К. Юдахина — заслуженного деятеля науки Киргизской ССР, профессора, работавшего зав. сектором языка и словарей Института языка, литературы и истории КирФАН АН СССР. В то же время отмечалось: «С работой заведующего сектором профессор К. К. Юдахин вполне справляется. Однако следует отметить, что тов. Юдахин не возглавил активную

пропаганду учения Марра Н. Я. среди молодых сотрудников Института ИЯЛИ».

Прошло еще несколько лет и теория Марра пала под разящим ударом сталинской работы «Марксизм и вопросы языкознания» (1952 г.). Сторонников Марра стали преследовать беспощаднее, чем ранее ее противников. Но это К. К. Юдахина уже не затронуло. 20 мая 1949 г. он подал заявление на имя нового директора ИЯЛИ КирФАН А. А. Алтмышбаева: «Я неоднократно обращался к директору ИЯЛИ, к зам. пред. Президиума КирФАН с просьбой освободить меня от заведования сектором, мотивируя тем, что мой характер и мои слабые организаторские способности делают меня малополезным на этой работе.

По тем же самым мотивам убедительно прошу Вас... освободить меня от руководства сектором. Чем скорее это будет сделано, тем лучше будет для дела»¹.

От сектора, даже от Академии К. К. Юдахина освободить было можно. От служения науке, делу культурного, языкового строительства Киргизии — нет. Ученый полностью погрузился в научную работу. Его как-то обходили стороной официальные почести. В последние годы жизни он больше внимания уделял консультациям исследований, и мы знали его уже, скорее, как университетского, а не академического ученого. Народное признание и любовь компенсировали официальную сухость. Научные заслуги К. К. Юдахина общепризнанны. Уже первое издание «Киргизско-русского словаря» получило многочисленные положительные отзывы. Он был издан в Турции, сослужил немалую службу составителям других тюркско-русских национальных словарей. Последнее прижизненное дополненное издание «Киргизско-русского словаря» вышло в Москве в 1965 г. Двумя годами позже автор его был удостоен Государственной премии

¹ Из личного дела академика К. К. Юдахина. Архив НАН КР.

СССР. И лишь через двадцать лет словарь был переиздан издательством «Кыргызстан» (в двух томах).

Жизнь словаря продолжается.

Но... вернемся к истории, раскрывающей еще одну сторону жизни ученого. Итак, К. К. Юдахина напрямую не коснулись репрессии. С образованием в 1954 г. Академии наук республики он избирается ее действительным членом.

С наступлением после XX съезда партии политической оттепели в 1956 г. К. К. Юдахин, уверовав, что настали времена подлинной свободы для научной мысли, поднимает свой голос в защиту невинно осужденных К. Тыныстанова и Е. Д. Поливанова, а также за возвращение в науку литературного наследия дореволюционного киргизского акына-писменника Молдо Кылыча. Совместно со своим коллегой профессором Б. М. Юнусалиевым он неоднократно обращается в местные и центральные партийные инстанции, встает на защиту осужденных в конце 40 — начале 50-х годов литературоведов Байджиева, Бектенова и Саманчина. Но все тщетно. Прошедшая политическая реабилитация оказалась половинчатой: с одной стороны, признавалось, что осужденные и казненные явились невинными жертвами сталинизма, а с другой — ни с Молдо Кылыча, ни с Касыма Тыныстанова так и не был снят ярлык «буржуазных националистов». Вскоре и самому их защитнику — К. К. Юдахину — русскому ученому — был навешен тот же ярлык: «киргизский буржуазный националист».

А он в это время отдает все свои силы подготовке второго, расширенного издания «Киргизско-русского словаря».

И продолжает неустанно обращаться во все инстанции, вплоть до самых высоких — в ЦК КПСС и лично к Н. С. Хрущеву, добиваясь правды. В начале 1961 г. он обращается с большим письмом к Н. С. Хрущеву, в котором, в частности, отмечал, что за свои хлопоты о культурном наследии киргизского народа и его попраанных лидеров сам был причислен к когорте «буржуазных националистов».

Не получив ответа, 30 августа следующего года напоминает о себе Хрущеву вторым коротеньким письмом: «...Не могу не добавить к своему первому письму очень существенную деталь. “Приговор” мне вынесен был заочно и без предъявления обвинений...

Думаю, что только компетентная и беспристрастная комиссия может помочь правильно решить большой и принципиальный вопрос, хотя он и касается маленького культурного наследия небольшого народа». Тогда же, в сентябре, ему позвонил заведующий отделом культуры ЦК КПСС Д. А. Поликарпов, сообщивший, что письма рассматриваются. Но ответа все не было. 2 декабря 1962 г. К. К. Юдахин пишет письмо уже Д. А. Поликарпову: «...Печать часто, прямо и резко говорит о необходимости борьбы с последствиями культа Сталина, а здесь об этом даже заикаться нельзя, хотя гнусностей было достаточно. Реабилитация у нас считается особым видом наказания... Я человек спокойный и не пессимист, но временами теряю веру в возможность пробить образовавшуюся глухую стену... Стоит серьезно подумать и о причине упорного молчания руководства и печати о последствиях культа личности»¹.

Но тщетны были призывы К. К. Юдахина. Многие зависело от Д. А. Поликарпова, от того, как он подаст материал наверх — секретарю ЦК КПСС по идеологии Л. Ф. Ильичеву или же самому Н. С. Хрущеву. Поликарпов был одним из убежденных представителей старой сталинской гвардии, веривших в идеологию примата партии и государства над человеком, для которых партия была превыше всего — выше всех людей, тем более каждого отдельного человека. Это о нем сказал в своих воспоминаниях «Плач по цензуре» Евгений Евтушенко: «Он был мастодонтом сталинской эры, трагически попавшим каким-то чудом

¹ Из личного дела академика К. К. Юдахина. Архив НАН КР.

в эпоху первоначального разложения всего того, чему ревностно служил». И, понятно, не от Д. А. Поликарпова было ждать К. К. Юдахину решения тех вопросов, которые он поднимал.

Ныне научные заслуги К. К. Юдахина признаются во всем мире. Его словарь живет и переиздается. Но в переизданном издательством «Кыргызстан» словаре мы не найдем слова «националист». Есть — «национализация», затем следует «нацист». В условиях, когда завершалось составление словаря, а это 37-й—38-й годы, когда обвинения в национализме заполняли буквально все страницы республиканских газет, когда лучших представителей национальной интеллигенции повально обвиняли в национализме и репрессировали, в условиях, когда готовилось второе издание словаря и сам его автор ходил в «киргизских буржуазных националистах» (мы не знаем другого такого парадокса, когда бы русский обвинялся в национализме другого народа!!!), в труде всей его жизни не нашлось места для определения понятия «национализм». Для этого требовалось настоящее гражданское мужество ученого, хотя бы этим выразившего свой протест против необоснованных обвинений и гонений.

В одном из писем в ЦК К. К. Юдахин так охарактеризовал свое кредо: «Моя вина в том, что я позволяю себе сметь свое суждение иметь. От этого принципа отказываться не собираюсь».

В эти дни К. К. Юдахин поставил последнюю точку в подготовке к печати своего киргизско-русского словаря.

Издательство «Советская энциклопедия», благословляя в свет словарь, сочло необходимым подчеркнуть: «Посвятив всю свою жизнь изучению киргизской лексики, проф. К. К. Юдахин собрал огромный материал, на основе которого и создан данный словарь... Такого типа словарь издается впервые. Это не обычный переводной словарь, предназначенный в основном для преподавателей и учащихся,

для переводчиков и работников печати, но и ценное пособие для специалистов по киргизскому фольклору и киргизской литературе, для тюркологов-языковедов, историков, этнографов»¹.

Не остались безрезультатными и хлопоты К. К. Юдахина о признании культурного наследия Молдо Кылыча и восстановлении в правах Касыма Тыныстанова. В 1964 г. решением партийной комиссии ЦК КПСС за подписью Н. М. Шверника К. Тыныстанов был реабилитирован и политически. С него как бы сняли ярлык «буржуазного националиста». По этому поводу К. К. Юдахин писал в личном письме своей племяннице Е. П. Юдахинной: «Катюша! На Тыныстанове наши “бдители” провалились. Москва здешнее решение о нем отменила. Он в партии восстановлен. Теперь остается Молдо Кылыч». Но общественность республики об этом не узнала. Партийное решение обнародовано не было и четверть века пролежало в делах ЦК Компартии Киргизии «за семью печатями». И даже в условиях демократизации и гласности обновленное руководство республики в 1986–1987 гг. с трибуны партийного актива продолжало декларировать устаревшие оценки наследия Молдо Кылыча и Касыма Тыныстанова. Лишь после активного «непослушания» научной и особенно литературной общественности была создана специальная комиссия (в которую входил и один из авторов данной публикации), внесшая компетентное предложение о переосмыслении и переоценке научного наследия Молдо Кылыча и Касыма Тыныстанова. И только 4 января 1989 г. в республиканской печати было опубликовано постановление ЦК КП Киргизии о необходимости восстановления исторической правды о литературном наследии дореволюционного акына-писменника Молдо Кылыча и одного из зачинателей

¹ Киргизско-русский словарь / Сост. проф. К. К. Юдахин. М., 1965. С. 5.

киргизской письменной литературы, ученого-лингвиста Касыма Тыныстанова. Академия наук, ученые были призваны начать исследование их творчества и издать их произведения. Правда наконец-то восторжествовала.

Что же касается опального в последние годы жизни непревзойденного киргизского лексикографа, «буржуазного националиста» К. К. Юдахина, то с него никаким официальным решением позорное клеймо так и не было снято. Покойному ученому это уже не нужно. Но это важно для живых — наследников и почитателей бескорыстного подвижника от науки, который упорно шел по пути сближения и взаимопонимания русского и киргизского народов.

Сейчас, когда история возвращает народу добрые имена своих героев, увековечивает память невинно пострадавших, думаем, пора поставить вопрос о сооружении памятников, названии населенных пунктов и улиц, высших учебных заведений именами тех, кто поистине был гордостью народа, народными героями Киргизстана. Будь то киргизы Молдо Кылыч и Касым Тыныстанов, либо русские — Е. Д. Поливанов и К. К. Юдахин.

* * *

Завершить наши заметки хочется фрагментами из неопубликованных (пока) воспоминаний А. А. Реформатского о К. К. Юдахине¹:

«После окончания Туркестанской учительской семинарии в Ташкенте в 1910 г. К. К. Юдахин учительствовал в Манкенте и Кара-Булаке, исследуя одновременно и окружающие диалекты.

¹ *Реформатский А. А.* Из истории тюркологии наших дней. Константин Кузьмич Юдахин (30.V.1890–22.III.1975) // Академик К. К. Юдахин: Избранное: Сб. ст. (Сборник был подготовлен к печати, но так и не вышел).

¹⁵ Том VII. Кн. 2 В. М. Плоских

С 20-го по 25-й год учился в Туркестанском восточном институте (Ташкент), по окончании которого его направили в Ленинград для совершенствования под руководством С. Е. Малова, лучшего знатока уйгурского языка. В Ленинграде учился у Е. Д. Поливанова, А. Н. Самойловича, В. В. Бартольда и др.

Благодаря свободному владению уйгурским, казахским, киргизским и узбекским языкам и их диалектами Константин Кузьмич был назначен заведующим Среднеазиатским отделением ЦВАНА (1929–1934 гг.).

Его первая научная статья «Некоторые особенности карабулакского говора»¹ (сб. «В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927. С. 401–425) получила высокую оценку Е. Д. Поливанова, назвавшего это исследование превосходным².

...И после всего этого, достигнув уже 80 лет, К. К. продолжал работать над любимым своим детищем — над «Киргизско-русским словарем». Сколько же труда и усилий вложил он в него!

До последних дней своей жизни он все сидел над «Киргизско-русским словарем», мечтая его еще обогатить и улучшить. Как подходят к нему слова Даля, который в качестве примера на слово «разве» писал: «Разве помру, а кончу словарь свой...» Так думал и К. К. Вот некоторые выдержки из его писем ко мне на эту тему: «Обдумывал киргизско-русский словарь. Материал собран уже большой. Хочу сделать тюркологическую конфетку (29.X.55)». «Конфетка» удалась, словарь вышел, но К. К. опять взялся продолжать работу: «Я решил поработать над киргизско-русским словарем: уточнения, исправления, дополнения.

¹ Это диалект узбекского языка.

² Поливанов Е. Д. Образцы неиранизированных (сингармонистических) говоров узбекского языка // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. Л., 1929. № 7. С. 528, прим. 2.

Расширится бытовая и диалектная лексика, и само собой разумеется, будет отдана честь идиоматике. Люблю эту часть языка» (73 г.). «С любовью обсасываю каждую строчку» (25.XII.73). «Я решил взяться за подготовку своего словаря к новому изданию. На прижизненное издание не рассчитываю, но все же работать буду. Пусть останется в одном экземпляре, все же люди могут пользоваться» (26.IV.74). «Читаю КРС. Приступил уже к восьмой сотне страниц. Дочитаю до конца — одна часть работы завершена» (XI.74). И в одном из последних писем: «Первый этап словаря закончен. Начал собирать дополнения. Не знаю, дадут ли мне довести работу до конца, а очень бы хотелось» (29.XII. 74).

К. К. любил своих учеников, давал им все, что мог, и продолжал думать о них, когда они уже давно перестали быть «учениками».

Вот, например, в одном из последних писем ко мне К. К. беспокоится о судьбе своего давнишнего ученика, кстати — не тюрка, а дунганина, Юсупа Яншансина: «Давно собирался написать Вам об Яншансине, да все забывал. “Чиновник”, как Вы называете, давно д-р ист. наук, второй дунганин — тоже. А вот Яншансин до сих пор остался канд. Серьезный он человек, работает зверски, но никак не может войти в упряжь (в самом хорошем смысле)... Советовал ему выбрать пять—шесть наиболее спорных этимологий и послать Вам. Стесняется... у акад. Крачковского где-то в “Над арабскими рукописями” об одном немецком арабисте сказано: “мученик науки”. Очень подходит к Яншансину» (29.X.74). Я сам был учеником К. К. в КУТБе вместе с Т. В. Бентцель в 30-е годы, а К. К. и дальше продолжал свою заботу. Вот еще одна выдержка из писем К. К. ко мне в связи с его долгим молчанием: «Упрек Ваш принимаю. Я его заслужил. Ведь нас связывает сорокалетнее знакомство. Нет, не знакомство, а дружба. Забывать друга друга мы не имеем права» (25.XII.74). К. К. был мягок

и добр к тому, к чему лежало его сердце, но зато к тому, что его возмущало, он был непримирим. Так, он гневно обрушивался на какие-то предложения об изменении алфавита и орфографии Киргизии: «В этой вакханалии участвовать не собираюсь... Укажу основное, чтобы иметь представление об алфавите и орфографии. Например, Поливанова и узб. алфавит»... «Пусть попробуют. Болтать легко, а приложить эту болтовню к делу — лбы разобьют» (9.IV.74). Или: «У меня с Тыныстановым бывали жаркие схватки по отдельным вопросам, но отрицать его талантливость может только негодяй или олух».

На мой вопрос о некоторых данных его биографии для БСЭ в связи с его юбилеем К. К. отвечал: «О юбилее и сборнике прошу ко мне не обращаться...» (31.XII.59), а в другом месте еще строже к себе: «Откровенно Вам говорю, что мелкотравчатый Кузьмичам не место в энциклопедиях» (30.III.56). Такова была скромность К. К.

К. К. был прямым, гостеприимным и неизменно доброжелательным. Мне приходилось ночевать у него не только в уединенной комнатке во Фрунзе во время «Дунганской конференции» 53 г., но и в Москве, «на коврах» в Дубровке, и связано это было с собаками! Выставка была в Андроньевом монастыре, а жил я оттуда далеко, Кузьмич же недалеко, вот мы с собакой у него и ночевали. К. К. был до последнего времени страстным охотником и собачником. Мы с ним много охотились и вокруг Москвы, и под Владимиром на Клязьме. Посещали вместе собачьи выставки, где я перезнакомил К. К. со всеми моими друзьями-охотниками. Когда К. К. купил у моего приятеля, известного эксперта по ирландским сеттерам, Е. С. Клейна щенка (а раньше были у К. К. Тегин-1, Тегин-2), он все время мне докладывал об этом щенке в письмах: «Щенок мне нравится... Вообще «паренек» производил очень хорошее впечатление своей «сообразилкой»... Ради аллаха, выцепите из Клейна родословную...» (23.X.55).

Из последних писем: «Охотничий зуд не прошел. Опять взял щенка пойнтера... Охотничий билет регистрирую регулярно. А ходить не могу...» (74 г.). Очень трогательно К. К. пишет в одном из последних писем: «Надеюсь поставить собаку и угостить АФ (жену К. К.) перепелятиной. Она такого мяса не пробовала...» (29.XII.74).

К. К. ценил и любил шутку, особенно фольклорную... В одном из последних писем, упрекая какую-то мою несообразительность, К. К. пишет: «Дорогой Несмышленьш! “Вы, мадамы, не сердчайте, на свой счет не принимайте!” (гармонист дерев. Петр Невский). А сколько же юмора рассеяно по другим его письмам...» и т. д. и т. п.

* * *

Это был удивительный ученый-тюрколог, чудесный педагог, человек широких интересов, доброй души и невероятного жизнелюбия. Он был добрым наставником и лучшим лексикографом, специалистом в области национально-русских словарей, великий труженик и верный, искренний друг... Его труды надолго его переживут, и учиться у Константина Кузьмича Юдахина будут еще многие и многие.

Он помог киргизам сохранить богатство их родной речи. В этом отношении Константин Кузьмич Юдахин стал своеобразным знаменем киргизского народа и одновременно — прекрасным символом русского человека — истинного интернационалиста, Ученого с большой буквы.

Уже одно это обеспечивает истинное признание его в новом, суверенном Киргизстане.

Публикуется по изданию

Антонова С., Плоских В. Из истории репрессированной киргизской лингвистики (Этюды о К. К. Юдахине) // Суверенный Кыргызстан: проблема традиций и социальной целостности / ред. Д. Джунушалиев, В. Плоских. НАН КР. Бишкек: Илим, 1999.

МИР КОЧЕВНИКОВ: ИССЛЕДОВАНИЯ Ю. Н. РЕРИХА ПО ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Перед нами фундаментальный труд Юрия Николаевича Рериха по истории Центральной Азии, охватывающий период с глубокой древности до XIV столетия. Автор накапливал материал в течение четверти века, не только изучая научные источники, но и имея опыт практического исследования. К сожалению, на родине — в России книга не была издана: методология, примененная автором, не отвечала канонам советской исторической науки. И вот только сейчас, с конца XX века, стали издаваться и переиздаваться научные труды Ю. Н. Рериха — востоковеда, индолога, санскритиста, тибетолога и монголиста, кочевниковеда и евразийца, внесшего свой вклад в развитие нового, планетарного мышления.

Номадистика как историческая дисциплина, изучающая особенности кочевых культур и цивилизаций, в XX столетии пережила мощный подъем. Это не было случайным фактом, ее развитие тесным образом было связано с культурной и научной жизнью эпохи, особенно с Серебряным веком в России. Тема Востока прозвучала как зов Нового мира, который открывал XX век.

Социально-политическая, культурная ситуация в мире начала столетия отличалась большим динамизмом развития, а также новым качеством общественного сознания. В пространстве русской культуры Серебряного века сложилась новая парадигма мышления — космизм. Уже сегодня мы можем говорить об универсальном характере этой

Ю. Н. Рерих

мировоззренческой системы, поскольку она многообразно проявилась в сфере научного знания, в философской мысли, искусстве. Предметом изучения становятся теперь не только очевидные, эмпирически наблюдаемые процессы природы, но и реальность космоса, его скрытой электромагнитной жизни. Л. В. Шапошникова, выдающийся представитель современной исторической науки, характеризует этот феномен русского культурного ренессанса как Духовную революцию, заложившую фундамент нового типа мышления — космического¹. Этот тип мышления, вобрав в себя достижения прежних эпох, культурные накопления

¹ См.: Шапошникова Л. В. Космическое мышление и новая система познания // Культура и время. 2003. № 3/4. С. 28–36.

Востока и Запада, поднимал человеческую мысль на очередной виток эволюционной спирали. В научной сфере обозначился синтез различных ее направлений, древнего и современного знания.

В ряду имен основоположников космического мировоззрения особое место принадлежит семье Рерихов. Все четверо, родители — Николай Константинович и Елена Ивановна, и их сыновья — Юрий Николаевич и Святослав Николаевич, приняли непосредственное и деятельное участие в формировании нового, планетарного мышления. Семья Рерихов представляла собой уникальнейший синтез талантов. Взаимно дополняя друг друга, Рерихи выполняли ряд чрезвычайно важных и сложных эволюционных задач: осуществляя сотрудничество с Учителями Востока, они закладывали основы нового миропонимания, создавали новое искусство, изучали Восток, открывая его для Запада.

Исследование кочевого Востока явилось одной из наиболее актуальных задач в исторической науке XX века. Традиционная цивилизация кочевников, включавшая в себя мало изменившийся со времен средневековья быт, способ ведения хозяйства, их культура, хранившая предания веков, претерпевали процесс стремительной трансформации. Интерес к кочевому Востоку прозвучал как «вызов» времени, угрожавшего навсегда сокрыть в своих глубинах кочевые культуры прошлого.

«История Средней Азии» Ю. Н. Рериха явилась откликом талантливого ученого на историческую ситуацию. На долю этого необыкновенно одаренного и широко образованного человека выпала особая миссия: исследовать самые отдаленные кочевые цивилизации Тибета и Монголии, постичь глубины их культуры и религии, перевести на европейские языки памятники древней письменности.

Эту чрезвычайно трудную задачу Юрию Николаевичу удалось выполнить самым блестящим образом благодаря своим неординарным личностным качествам, прекрасной

научной подготовке, целеустремленности, в сотрудничестве и при ближайшей духовной поддержке семьи.

По свидетельству С. Н. Рериха, его старший брат был тем человеком, который с самых ранних лет уже знал свой жизненный Путь и неуклонно следовал ему¹. Совершенно сознательно Юрий Николаевич делает свой профессиональный выбор: в 18 лет он уже сформировавшийся востоковед, у которого есть своя тема и свое направление в науке. В письме к родителям от 31 января 1921 г. Юрий Рерих, студент Гарвардского университета, пишет: «Из лекции Ростовцева еще раз убедился, что Средняя Азия — это Египет будущего, в смысле археологических открытий. Меня очень заинтересовали татары и монголы, особенно их былины и песни кочевий»².

Обучение в Школе восточных языков при Лондонском Университете, в Гарвардском университете на факультете индийской филологии, где Ю. Рериху была присвоена степень бакалавра, а затем в Сорбонне, в школе восточных языков и одновременно на военном и юридическо-экономическом факультетах, позволило ему овладеть самым современным уровнем научных знаний и подготовиться к самостоятельным исследованиям. Учителями Ю. Н. Рериха были выдающиеся востоковеды: Ж. Бако, П. Пеллио, С. Леви, А. Мейе, А. Масперо, В. Ф. Минорский. Известный американский индолог, профессор Ч. Ланман, высоко оценивая дарования своего юного коллеги, считал его будущим светилом востоковедения. В 1923 г., получив ученую степень магистра индийской словесности, Юрий Рерих вместе с родителями отправляется в Индию, где начинался маршрут Центрально-Азиатской экспедиции.

¹ Рерих С. Слово о брате // Воспоминания о Ю. Н. Рерихе / сост. Т. О. Книжник. М.: МЦР, 2002. С. 7.

² Рерих Ю. Н. Письма. Т. 1. М.: МЦР, 2002. С. 31–32.

Там же, в Индии, в возрасте 21 года, начинается и его самостоятельная научно-исследовательская работа. В 23 года молодой ученый публикует свой первый серьезный научный труд «Тибетская живопись», а к 26 годам за его плечами уже была грандиозная Центрально-Азиатская экспедиция. В 1930 г. издается книга «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета», сделавшая, по выражению Л. Н. Гумилева, «эпоху в науке»¹. В 1931 г. выходит в свет крупное монографическое исследование «По тропам Срединной Азии» на английском языке, поставившее имя Ю. Рериха в один ряд с именами замечательных русских исследователей Азии. Изложенная в нем обстоятельная информация о кочевых народах глубинных районов континента явилась крупным открытием в мировой науке и по сей день сохраняет свою научную значимость.

Юрий Николаевич владел множеством европейских и восточных языков и диалектов, в том числе тибетскими диалектами, что обусловило глубокое проникновение во внутреннюю жизнь изучаемых народов. Это важное обстоятельство создало уникальные возможности для Центрально-Азиатской экспедиции в том, что касалось непосредственных контактов с населением изучаемых стран, работы с первоисточниками — древнейшими манускриптами. Его совершенное владение языками и местными наречиями вызывало искреннее восхищение и уважение ученых лам Монголии, Тибета, исследователей в Индии, располагало к доверительному общению спутников и участников каравана.

Научные интересы Юрия Николаевича отличались необычайной широтой. Отмечая замечательные достижения в области языкознания и филологии, можно с полным правом назвать его и выдающимся историком, искусствоведом,

¹ Рерих Ю. Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. М.: МЦР, 1992. С. 20.

специалистов?! по религиоведению и этнографии. В синтезе своих разнообразных знаний Ю. Н. Рерих воссоздавал в своих трудах целостный образ истории и культуры Востока.

Получив классическое образование историка и востоковеда, Юрий Николаевич имел возможность пополнять и практически использовать свои знания под руководством своего отца — Н. К. Рериха, опытного археолога, большого знатока древней истории, глубокого и оригинального мыслителя. Практический опыт отца замечательно сочетался с обширными познаниями сына. Сотворчество двух крупных ученых давало необычные и значительные результаты: Рерихи не только открывали неизвестные факты, но и создавали новую методологию исторических исследований, научный материал, собранный экспедицией, нашел свое отражение в многочисленных художественных полотнах Н. К. Рериха, посвященных Востоку.

Рерихи сумели почувствовать и осознать ту огромную роль, которую кочевники сыграли в мировом историческом процессе. Кочевые народы активно влияли на этногенез Евразии. Искусство ранних кочевников, пронизанное мотивами «звериного стиля», стало одним из классических образцов мировой культуры I тыс. до н. э. Закон циклического развития предрекал великое будущее этому богатому и необычайно жизнеспособному культурному миру, несмотря на определенное отставание кочевых народов в области цивилизации. Волна культурного расцвета должна была снова вернуться в пространство Востока. И кочевая Азия бережно хранила свои духовные сокровища, которые пророчествовали о грядущем веке мирового братства.

Сокровенная, глубинная жизнь Азии, ее сердце, имело свой особенный ритм, который чутко улавливали участники Центрально-Азиатской экспедиции. «Бьется ли сердце Азии? Не заглушено ли оно песками?» — задавал вопрос Н. К. Рерих и сам давал на него ответ: «Когда индусские

йоги останавливают пульс, то сердце их все же продолжает внутреннюю работу; так же и с сердцем Азии. В оазисах, в кочевьях и в караванах живет своеобразная мысль. Эти множества людей, совершенно отрезанные от внешнего мира, получающие через многие месяцы какое-то извращенное известие, не умирают. Всякий знак цивилизации, как увидим, встречается ими, как долгожданная весть. Чтобы не отвергнуть возможности, они стараются согласовать религии свои с новыми условиями жизни»¹.

Рерихи считали Центральную Азию колыбелью человечества. И древнейшие Великие переселения народов имели, по их мнению, направление с Востока на Запад. На Востоке следует искать истоки философской мысли и научного знания. С Востоком было тесно связано и прошлое России. Волны миграций, зарождавшиеся во внутреннем пространстве материка, выплескивались на равнины Сибири и России, оставляя свои неизгладимые следы. «Из глубин Азии, — писал Н. К. Рерих, — по русским равнинам прошло несметное количество племен и кланов. И, пробившись до Океана, эти странники, завершая свой путь через века, снова обернулись к России. И снова принесли ей обновленные формы своей жизни»².

Центрально-Азиатская экспедиция Рерихов 1923—1928 гг. провела широкие научные исследования, собрала огромный материал по археологии, этнографии, антропологии, древним и современным религиям, фольклору, языкам Центральной Азии. Вместе с тем экспедиция показала, что научное освоение этого региона еще только начинается.

Совершенно закономерным является создание в во второй половине 1930-х гг. Ю. Н. Рерихом фундаментального труда — «История Средней Азии», в котором он обобщает

¹ Рерих Н. К. Цветы Мории. Пути благословения. Сердце Азии. Рига: Виеда, 1992. С. 157.

² Там же. С. 100.

и систематизирует огромный фактический материал и исследовательский опыт. Труд не был завершён ввиду необходимости ознакомиться с открытиями советской востоковедческой науки, активно осваивавшей в это время пространство среднеазиатских республик. «Вы спрашиваете о ходе моей работы по истории Средней Азии, — читаем в письме Юрия Николаевича своему китайскому корреспонденту от 10 августа 1939 г. — Писал я её на русском языке, ибо как-то устал от иностранных языков. В основном работа закончена, т. е. доведена до конца Юаньской Династии (1368 г.). Остается дополнить её данными об археологических находках последнего времени, ибо события истории народов Средней Азии излагались мною не только на основании письменных источников и к характеристике различных эпох привлекались памятники прошлого. В последнее время в этом отношении большая работа проделана на Родине, но получать оттуда книги и журналы довольно трудно. Все это требует времени. Местные же библиотеки не содержат книг на мою тему»¹.

Во время Второй мировой войны все почтовые сообщения прервались, в первые послевоенные годы решить эту проблему не удавалось. Надеясь на скорое возвращение на Родину, Н. К. Рерих в письме И. Э. Грабарю от 2 апреля 1947 г. с болью пишет: «Печальны Твои сведения о вымирании востоковедов — Юрий и все мы очень огорчились. Да ведь и живые, как Козин, Крачковский и другие, уже в наших годах. Как нужен Юрий — индолог, санскритист, тибетолог и монголист, не только глубоко изучивший источники, но и владеющий языками, — небывалое соединение, так нужное при возросшем значении Азии...

Долго ли под спудом будут труды Юрия — «История Средней Азии», «История Тибета», «Тибетский словарь»,

¹ Рерих Ю. Н. Письма. Т. 2. М.: МЦР, 2002. С. 181.

исследования о наречьях, об искусстве, о нашей экспедиции, о зверином стиле, о Гесэре и многие сообщения, сделанные в Азиатском обществе? Чего ради весь этот ценный материал, накопленный в течение четверти века, должен лежать под спудом, а не радовать нашу Родину? Азиатское Общество сейчас издает большой труд Юрия (1200 страниц), но по-английски. Когда же по-русски?»¹.

Труд Юрия Николаевича Рериха по истории Центральной Азии, созданный на русском языке, не вышел в свет при жизни ученого. Мы читаем его спустя более полувека с большим сожалением о небрежении к этому прекрасному исследованию, но и с радостью о его публикации, ибо знания, собранные в нем, представляют огромный научный интерес и, несомненно, будут полезны современному востоковедению. И это обусловливается не только тем, что в «Истории Средней Азии» содержатся редкие и ранее неизвестные факты по истории кочевых народов, но прежде всего тем, что этот труд написан с позиций новой методологии, что делает его чрезвычайно актуальным и ценным.

Обозначая уровень, с которого ведется исследование, Ю. Н. Рерих называет его «этно-исторической точкой зрения». Он считает, что комплексный культурно-исторический подход, помимо традиционного анализа политических событий, должен включать в себя и обширные сведения по этнологии, сравнительно-историческому языкознанию, религии, искусству. Принцип синхронизма в описании истории различных регионов позволяет воссоздать целостную историческую картину той или иной эпохи. Обилие археологических данных, мощная источниковедческая база исследования насыщают его огромным фактографическим материалом. Чрезвычайно подробно представлена информация о степени изученности той или иной проблемы.

¹ Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 3. М.: МЦР, 1996. С. 333.

Географическое понятие Центральной Азии получает в труде Ю. Н. Рериха значительное расширение. Это понятие не ограничивается внутренним районом, указанным Рихтгофеном, а включает соседние переходные, а также часть периферических областей: Западный Туркестан, Южный и Восточный Тибет, область верховий Желтой реки и западные окраины Маньчжурии. Ю. Н. Рерих исследует также этнически и исторически родственные центральноазиатскому миру степные пространства Юга России, Южной Сибири, Кавказ, Иран, Афганистан и Северо-Запад Индии. В процессе изложения судеб центральноазиатского мира автор неоднократно касается истории великих культурных очагов Древнего Востока и Византии.

В своем труде Ю. Н. Рерих дает описание Центральной Азии как природного, исторического, культурного целого. Наука XX века широко применяла метод анализа, который позволяет выделить и подробно изучить части целого. Анализ дает дискретную картину элементов, структурных уровней, часто вне их связей и обусловленности. В результате анализа в распоряжении ученого появляется огромный конгломерат фактов, из которых не всегда удается сложить целое. Методология, примененная Юрием Николаевичем, иная. Ее можно назвать синтезом: в исследовании доминирует идея целого, части вписываются в него, выявляются закономерности их развития, взаимодействия, обозначаются ритмы функционирования этой системы. Увидеть целое как феномен значительно труднее, чем разложить его на составляющие. Видение целого требует от исследователя умения находить аналогии, причинно-следственные связи, действующие как на внутреннем, так и на внешнем уровне, оно требует умения подмечать черты глубинного сходства у объектов, внешне непохожих.

Эта новая методология исследования сложного целого развивается в рамках синергетики в течение последних тридцати лет. Ю. Н. Рерих опередил свое время более чем

на полвека. История Центральной Азии как сложная система рассматривается им в контексте более высокого уровня — истории мировой. Стратегия исследования — поиск культурного единства как важнейшего фактора развития региона и исторической интеграции мира. Многочисленные историко-культурные параллели в «Истории Средней Азии» делают этот труд незаменимым источником в развитии такого современного научного направления, как межкультурные коммуникации.

Следуя традиции, сложившейся в рамках евразийства, Ю. Н. Перих дает во «Введении» к «Истории Средней Азии» описание месторазвития кочевой цивилизации, приводит подробнейшие сведения по географии, орографии, геологии, гидрологии, топонимике. Здесь же звучит основной тезис: «Степь — начало объединительное»¹.

Ученый создает историю степного пояса Евразии, который на разных исторических этапах служил соединительным звеном между странами классического Востока и Запада и оказывал мощное влияние на формирование культуры России. При непосредственном участии кочевых народов неуклонно возрастала степень интегрированности евроазиатского континента.

История Центральной Азии в труде Ю. Н. Периха предстает в развернутой диахронии: со времен палеолита до XIV в. н. э. В этом огромном временном пространстве ученый выделяет периоды активности той или иной части региона, проявлявшиеся как волны миграций и завоеваний, в результате которых складывался сложный узор азиатской культуры и этнической мозаики.

Цивилизация палеолита по данным археологии охватывает северную оконечность степного пояса, Южную Сибирь, Восточную Монголию, периферические области Восточного

¹ Перих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 1. М.: МЦР, 2004. С. 28.

и Западного Тибета. Единство способа производства орудий труда из камня, кости, рога позволяет ему сделать вывод о сходстве типов древнейших локальных культур.

Неолит также дает картину культурной гомогенности центральноазиатского региона и автор высказывает утверждение о наличии некоего культурного единства в Туркестане и Сибири в это время.

Значительным достижением эпохи неолита явилась выездка верхового коня в северном степном поясе Центральной Азии. Здесь исторически сложилась одна из ранних форм мировой цивилизации – скотоводческое кочевое хозяйство. Здесь же произошло приручение верблюда, дикой овчарки, горного барана. Неолитические племена северного степного пояса были конными кочевниками. Таковыми были и первые индоевропейские племена, появившиеся на северных границах культурных оседлых стран Древнего Востока в середине III тыс. до н. э. Массовое появление коня в середине III тыс. до н. э. вызвало, как пишет Ю. Н. Рерих, «настоящий международный переворот, повлекший за собой изменения не только в военной тактике, но даже в государственном строе и быте народов Древнего Востока»¹.

Период позднего неолита объединяет регионы степного пояса искусством расписной керамики. Ю. Н. Рерих отмечает локальные варианты культуры этого времени: андроновская (степи Западной Сибири и Казахстана, Алтая), хвалынская, абашевская, срубная (юг России), обнаруживающие черты сходства в погребальном обряде и типах захоронения, военном снаряжении, бытовой утвари.

Анализируя факты древнейшей культуры, Юрий Николаевич высказывает предположение о прародине индоевропейских племен, связывая ее с территорией северного степного пояса, от Карпат на Западе до Тянь-Шаня на Востоке.

¹ Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 1. М.: МЦР, 2004. С. 79.

В конце III тыс. до н. э. поднимается первая волна передвижений индоевропейских конно-кочевых племен в направлении Малой Азии, Ирана, Месопотамии. Использование боевого коня, воинские доспехи и оружие из железа создают превосходство этих племен в ведении военных действий. Державы Древнего Востока покоряются пришельцам, создаются новые государства и этнические образования. На арене истории появляются древние индоевропейские племена: луви, касситы, хетты, митанни.

В период 1900–1500 гг. до н. э. происходит крупное передвижение арийских племен из Туркестанского Двуречья в сторону Афганистана и Индии. Эта волна, по мнению Ю. Н. Рериха, дала Индии основы ее арийской культуры, обогатила пантеон древних богов. Так, Индра упоминается в «Ригведе» «как божество, принесенное арийцами со своей прежней родины»¹. Итогом первой волны арийской экспансии в страны Древнего Востока стала их культурная и этническая трансформация. Арии вдохнули свежие силы в умирающие земледельческие цивилизации.

Около 1000 г. до н. э. первая волна арийского переселения сменилась новой волной, которая, по заключению Ю. Н. Рериха, заложила эпоху преобладания иранских племен, эпоху Ахеменидской державы, скифской гегемонии в степях Юга России, Парфянского царства, Кушанской империи. Геополитическое объединение огромных пространств усиливало экономический и культурный обмен между отдаленными областями, способствовало распространению более прогрессивных форм хозяйства и государственного управления. «Под сенью Ахеменидской державы вырос и окреп такой крупный среднеазиатский экономический центр, каким была древняя Согдиана, сохранявшая свое

¹ Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 1. М.: МЦР, 2004. С. 102.

значение в течение многих столетий»¹. В центральноазиатских областях происходил значительный рост торговых центров, и этот процесс автор справедливо сравнивает с тенденциями, имевшими место в Причерноморье VI–V вв. до н. э. Непродолжительное существование древних империй давало свои плоды: новое качество культуры и цивилизации.

К VI в. до н. э. устанавливается гегемония ираноязычных кочевых племен скифов на Юге России. В Центральной Азии они назывались саками, и их культура от Монголии и Алтая до Тянь-Шаня и Памира вошла в историю под названием сакской кочевой культуры. Сравнивая культурные и хозяйственные особенности быта кочевников западных и восточных регионов Центральной Азии, Рерих делает вывод об их принадлежности к разным этническим группам, объединенным общностью культуры, которую можно было бы назвать культурой кочевников северного степного пояса. «Только этой общностью культуры и уклада жизни и можно объяснить некоторые особенности скифского быта, давшие повод утверждать тюркское или монгольское происхождение скифов, которые в массе своей, несомненно, принадлежали к иранцам»².

Присутствие скифов в северном Причерноморье стало важным фактором развития региона. Под покровительством сильного Скифского царства мощно развивались греческие города-колонии по берегам Черного моря, через посредство которых скифы вступали в оживленные культурные отношения с греческим миром и через него со странами Древнего Востока. Эпоха расцвета скифской кочевой империи была временем интенсивных торговых сношений с центральноазиатскими областями.

¹ Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 1. М.: МЦР, 2004. С. 151.

² Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 1. М.: МЦР, 2004. С. 163.

Вместе с собой скифы принесли в степи Юга России искусство «звериного стиля», общее для всех кочевых народов Центральной Азии. Этот стиль, давший высокохудожественные образцы мирового уровня, органично вошел в разные культурные системы и сохранился до новейших времен в таких проявлениях, как «русский народный «звериный» узор на книжных заставках и вышивках, «звериная» орнаментика, встречающаяся в искусстве кочевников Северного Тибета, и существовавшее еще в XVIII в. подражание старым образцам среди племен Юго-Восточной Монголии...»¹.

Последние открытия казахских археологов — раскопки знаменитого сакского кургана Иссык близ Алматы и подводные исследования киргизских ученых на высокогорном озере Иссык-Куль позволяют с уверенностью говорить о древнейшей кочевой цивилизации Центральной Азии (VI—III вв. до н. э.)² и подтверждают заключения Ю. Н. Рериха.

Знаменательным фактом истории последних четырех веков до н. э. явилась империя Александра Македонского, великого завоевателя и не менее великого объединителя древних цивилизаций. В попытке создания греко-иранской империи, на своем историческом уровне реализовалась идея сближения Запада и Востока. «Поход Александра, — пишет Ю. Н. Рерих, — явился мощным толчком к распространению эллинской культуры по всему Среднему Востоку. От этого столкновения двух культурных миров родился тот своеобразный, красочный и многообразный религиозный и культурный синкретизм, который оплодотворил творчество народов Древнего Востока и эллинистического

¹ Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 1. М.: МЦР, 2004. С. 170.

² См.: Акишев К. А. Курганы Иссык. М., 1978; Мокрынин В., Плоских В. Иссык-Куль: затонувшие города. Фрунзе, 1988; Плоских В. Проблемы древней цивилизации Иссык-Куля // Единое образовательное пространство XXI века. Бишкек, 2003. С. 78—97.

Запада и отголоски которого дошли до Китая вместе с буддийским учением»¹.

Опыт создания таких крупных государственных образований, как империя, не был исключительно европейским. Факты древней истории свидетельствуют, что кочевой Восток внес свой вклад в освоение этой исторической формы государственности. Древнекочевой период отмечен историей империи хунну (III – I вв. до н. э.), ей наследуют тюркские каганаты IV–XIII вв., апогеем становится Монгольская империя, объединившая в своих пределах восточную и западную области Центральной Азии, Малую Азию, Иран, Китай.

В период тюркских и монгольских кочевых империй быстрыми темпами совершенствовалось военное искусство. Идея регулярной, хорошо обученной армии родилась в Азии. Благодаря высокой организации, правильному тыловому обеспечению стали возможны успешные военные походы, маршруты которых пролегали через весь континент. «Походы Чингисхана, — пишет Ю. Н. Рерих, — имеют выдающееся значение для военной истории. Не будет преувеличением сказать, что они создали эпоху в истории военного искусства. Многие в тактике монголов настолько современно, что заслуживает самого глубокого изучения»².

Факты средневековой истории свидетельствуют о необходимости принимать во внимание особенности менталитета этой эпохи, общие как для народов Востока, так и Запада. В оценке межэтнических отношений важную роль играет фактор времени. Только синхронный анализ, учитывающий факты одного временного поля, позволяет делать объективные выводы. «Многие из мусульманских

¹ Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 1. М.: МЦР, 2004. С. 181–182.

² Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 3. ОР МЦР. Ф. 1, Оп. 1. Вр. № 2337(Б). Л. 738. Машинопись.

писателей обличают жестокость монголов. Мы часто читаем о разрушенных городах и об избиении мирных жителей, — пишет Ю. Н. Рерих. — Жестокий век требовал жестоких мер, и массовые избиения и увод в плен представляли собой общепринятые виды вооруженного воздействия против непокорных»¹. Эту мысль Ю. Н. Рериха подтверждает Л. Н. Гумилев: «Конечно, тогдашние монголы были воинственными кочевниками. В XIII в. миролюбие нигде, включая Европу, не считалось достоинством, и кочевые монголы по степени «свирепости» находились вполне на уровне своего времени»².

Картина монгольских завоеваний не может быть завершённой без учета другой стороны проблемы: как отразилось дальнейшее пребывание монголов на завоеванных территориях. «Многое в этих сведениях, сообщенных противной стороной, конечно, сильно преувеличено, — утверждает Ю. Н. Рерих, — ибо города, взятые монголами, быстро восстанавливались, и уже при хане Угедее представляли собой крупные культурные и экономические центры. Именно в монгольскую эпоху особенно расширилась Бухара. Так, Джувейни говорит, что «не было подобно ей города в мусульманском мире»³. Монгольские ханы, будучи выходцами из степи, смогли по достоинству оценить культурные и цивилизационные достижения завоеванных народов и проводили созидательную экономическую политику. Быстро усваивая опыт управления развитыми странами, монголы стремились к обновлению административных и законодательных систем в соответствии с последними

¹ Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 3. ОР МЦР. Ф. 1, Оп. 1. Вр. № 2337(В). Л. 727. Машинопись.

² Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экспрос, 1993. С. 323.

³ Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 3. ОР МЦР. Ф. 1, Оп. 1. Вр. № 2337(В). Л. 728. Машинопись.

достижениями времени. Городское хозяйство, получившее столь большое развитие в мусульманскую эпоху, не было разрушено, и завоеванные монголами области не вернулись к примитивному натуральному хозяйству. Прогрессивная административная политика, направленная на усиление торгового и культурного обмена между частями империи, подготовка высококвалифицированных чиновников в школах Китая приносили свои плоды: «Так строилась и укреплялась Монгольская империя, превращаясь постепенно из кочевой империи в обширное культурное государство, в котором кочевой элемент сумел спаять воедино оседлые страны и создать единый хозяйственный организм, звенья которого продолжали жить в эпоху Маньчжурской империи и в России — СССР»¹, — пишет Ю. Н. Рерих в «Истории Средней Азии».

Взаимоотношения Руси и Монгольской империи строились в рамках феодального сюзеренитета. Русские удельные князья, став вассалами монгольского императора, не утратили своей самостоятельности. Ю. Н. Рерих отмечает, что арабские писатели не включали в территорию Золотой Орды русские княжества, которые признавались самостоятельными владениями, платящими дань монгольскому императору². Проблема взаимодействия Руси и Монгольской империи была в последующем подробно изучена Л. Н. Гумилевым («От Руси до России», «Ритмы Евразии», «Черная легенда»), и его подход находит сегодня все больше сторонников в научных кругах.

В своих работах Л. Н. Гумилев не только констатирует факты, но вслед за Ю. Н. Рерихом дает им объяснение с позиций теории пассионарности. В свете этой теории,

¹ Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 3. ОР МЦР. Ф. 1, Оп. 1. Вр. № 2337(В). Л. 749. Машинопись.

² Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 3. ОР МЦР. Ф. 1, Оп. 1. Вр. № 2337(В). Л. 739. Машинопись.

учитывающей широкий исторический контекст и энергетический механизм этногенетических процессов, взаимодействие Руси и монголов выглядит как закономерный этап мировой истории, когда пришли в соприкосновение этнос, находящийся в апогее своих энергетических возможностей (монголы), и этнос, переживающий фазу упадка (русская народность, сформировавшаяся в условиях Киевской Руси). В сложившейся ситуации Русь не была способна остановить натиск монголов.

Очевидно, некорректно рассматривать разрушение цивилизации Киевской Руси как единственный итог монгольского вторжения. В этом столкновении с пришельцами из Азии русский этнос пережил обновление: мощное сотрясение вызвало к жизни поколение пассионариев во главе с Александром Невским, которые заложили основы новой государственности и утвердили новые принципы союзных взаимоотношений с восточными соседями. Энергетический импульс, принесенный монголами, стал «пусковым моментом» великорусского этногенеза¹, на карте мира появилось новое государство — Россия.

Вопрос об истории взаимоотношений России и азиатских народов приобрел особую актуальность в советское время, когда в составе огромного государства оказалась практически вся западная часть Центральной Азии. Проблема была решена довольно просто и псевдонаучно. Изложение исторических событий имело крайне обобщенный, идеологизированный характер. Монголы были объявлены поработителями, задержавшими историческое развитие и России, и сопредельных государств. Эта теория, к сожалению, еще и сегодня имеет своих сторонников. Но публикация научных трудов Ю. Н. Рериха, Л. Н. Гумилева, историков-евразийцев разрушает подобные заблуждения и способствует

¹ См.: *Гумилев Л. Н.* Черная легенда. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 388.

формированию нового взгляда на эту проблему. Пережив ограничения формационного подхода, мы начинаем шире смотреть на всемирную историю и понимать, что нет «неполноценных» этносов, нет этносов «лишних», все они равноценны и у каждого из них своя роль. Объективно оценивая факты прошлого, не следует искать в нем «виновных». Логика событий обусловлена естественными причинами и законами, которые имеют многоуровневую структуру и высшими своими аспектами связаны с жизнью космического пространства.

Особое место в «Истории Средней Азии» занимает тема Тибета. Центрально-Азиатская экспедиция Н. К. Рериха впервые приступила к исследованиям памятников археологии, литературы и искусства этого региона. Предшествующие ей европейские экспедиции дали преимущественно описание флоры и фауны, географических и этнографических особенностей Страны Снегов. Пребывание экспедиции в Северном Тибете, на обратном пути в Индию, было крайне затруднено чиновниками и властями Лхасы, действовавшими согласно указаниям резидента английской разведки полковника Ф. Бейли. Стояние в течение пяти месяцев (1927–1928 гг.) на высокогорном плато Чантанг обернулось для экспедиционного каравана большими потерями: в условиях жестоких морозов и ураганных вихрей на высоте около 4600 м погибали люди и животные, под угрозой находилось здоровье Е. И. Рерих. Участники экспедиции проявили героические усилия и победили: остались в живых и завершили в тяжелейших условиях свой маршрут.

Обстоятельства не остановили намеченную исследовательскую работу. Самый критический период экспедиции оказался необычайно плодотворным. Благодаря прекрасному знанию тибетских наречий Юрий Николаевич сразу же нашел друзей среди местных кочевников-тибетцев. В труднейших условиях он собирал материал о кочевниках хорпа,

сохранивших наиболее архаичную форму языка и бытового уклада. В монастыре в Шаругене им было открыто много-томное рукописное собрание текстов добуддийской религии Тибета — древней и загадочной веры бон. Часть этих рукописей была посвящена бонской версии Гесэриады, эпоса Центральной Азии, широко распространенного на территории Тибета, Монголии, Бурятии. По мнению А. Н. Зелинского, ученика Ю. Н. Рериха, именно ему принадлежит наиболее правильная научная датировка легендарного эпоса: «Его создание он относил к середине 1-го тысячелетия н. э. и связывал с сяньбийскими кочевыми племенами»¹.

На северном нагорье Тибета, Чантанге, экспедицией были обнаружены и описаны древнейшие мегалитические сооружения и захоронения, «звериная» орнаментика в искусстве современных кочевников, культовые обряды религии бон. Анализируя факты этнографии и антропологии, Рерихи пришли к выводу о тесном взаимодействии кочевых племен Тибета с народами Центральной Азии. Опубликованная в 1930 г. в Праге монография Ю. Н. Рериха «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» содержала совершенно новые научные сведения об этом регионе планеты, представления о котором были значительно расширены и в вышедшей в следующем году книге Ю. Н. Рериха «По тропам Срединной Азии».

Замечательным вкладом в изучение истории Тибета стал осуществленный Ю. Н. Рерихом перевод на английский язык «Голубых Анналов», сочинения средневекового тибетского историка Гой-лоцзавы Шоннупэла (1392—1481). В этом труде впервые в рамках научного подхода рассматриваются вопросы истории и хронологии Тибета VII—IX вв. До настоящего времени труд сохраняет за собой значение одного из основополагающих в области тибетологии.

¹ *Зелинский Л. Н.* Рыцарь культуры // Рерих Ю. Н. Звериный стиль... М.: МЦР, 1992. С. 8.

Владея материалами китайских хроник и собственно тибетских сочинений, Ю. Н. Рерих понимал, что научное изучение прошлого Тибета, помимо источниковедения, должно опираться на археологические исследования. «Страна изобилует археологическими памятниками, исследование которых может пролить неожиданный свет на все прошлое Центральной Азии, с которой Тибет и его обитатели был всегда тесно связан»¹, — пишет он в «Истории Средней Азии». Еще ранее в статье «Проблемы тибетской археологии»², опубликованной в I томе Ежегодника института «Урусвати» (1931 г.), ученый обозначает перспективы развития этой отрасли востоковедения и делает ценнейшие замечания на основе своих практических наблюдений, которые, несомненно, будут востребованы наукой будущего.

В «Истории Средней Азии» автор разворачивает перед нами широкую панораму исторических событий Тибета VII—XII вв. Вместе с Юрием Николаевичем мы становимся свидетелями уникального факта: раннефеодальное государство тибетских кочевников, проявившее большую завоевательную активность в VII—VIII вв., трансформируется в центр буддийской религиозной мысли и культуры. Известна точная дата, положившая начало этой трансформации, — 822 год. Начиная с этого времени тибетцы прекращают свои набеги на китайские пограничные линии и страна всецело посвящает себя религиозным исканиям. Тибет становится обителью множества религиозных сект и направлений. История Тибета выступает неким прообразом более поздней истории монголов: после колоссального напряжения на полях сражений XII—XIV вв. монгольский этнос постепенно переходит к освоению духовной культуры

¹ Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 2. ОР МЦР. Ф. 1, оп. 1. Вр. № 2537(А). Л. 531. Машинопись.

² Рерих Ю. Н. Буддизм и культурное единство Азии. М.: МЦР, 2002. С. 50—59.

буддизма, пришедшего из Тибета в XVI в. Военно-политическое могущество сменяется ростом национального самосознания, проявившимся в замечательном литературном ренессансе XVII–XVIII вв. Эта восприимчивость кочевников-воинов к утонченной и сложной философской системе буддизма раскрывает довольно своеобразную грань их мышления и психологии — способность не только к военной экспансии, но и к созданию мощного религиозного поля своей культуры.

Описывая средневековую историю Тибета и Монголии, Ю. Н. Рерих отмечает социальное положение женщины в правящих династиях и в некоторых случаях и особую ее роль. В кочевых империях Центральной Азии жены великих ханов обладали большими правами и свободами, в случае необходимости могли замещать своих мужей на государственной службе или выступать влиятельными регентшами при малолетних наследниках. В народной памяти тибетцев сохранились имена царицы Вэнь-чэнь, прибывшей из Китая, и царицы Ти-шонь, уроженки Непала, много сделавших для распространения буддизма в Тибете. В истории монголов рядом с именем Чингисхана стоит имя его матери — мудрой Оелун-эке. С особым почтением киргизы относятся к имени Алайской царицы — Курманджан, управительнице южных территорий Киргизстана в XIX в. В кочевой среде, несмотря на тяготы быта, женщина все же не подвергалась такому социальному бесправию, как в исламизированных странах Ближнего Востока, и это обстоятельство, вероятно, было весьма важным условием формирования свободолюбия как яркой черты национальной психологии.

Изучая памятники архитектуры, литературы и религии Тибета, Ю. Н. Рерих открыл нам эту страну как важное звено в распространении буддизма из Индии в страны, лежащие к северу от Гималаев. Раннесредневековый Тибет, впитав достижения индийской духовной культуры,

сохранил их до XX в. практически без изменений. Принятие буддизма оказало влияние на весь строй жизни Тибета: кочевая культура, господствовавшая в Тибете, уступила место новому типу культуры, связанному с оседлым образом жизни.

Освоение буддизма сопровождалось огромным эмоциональным и интеллектуальным подъемом. Для перевода буддийских канонов требовался новый литературный язык. Эта задача была успешно выполнена. На базе живой речи кочевников была создана форма литературного языка, которая давала возможность адекватного перевода сложнейших религиозно-философских формул санскритских источников. «Менее чем за два века, — пишет Ю. Н. Перих в статье «Приход буддизма в Тибет», — индийские и непальские буддийские ученые и их тибетские коллеги разрешили поистине исключительную и уникальную задачу — создание литературного языка, способного передавать глубокие и трудные для понимания мысли санскритских оригиналов...

Тибетцы, следовавшие индийской традиции, выполнили задачу точного определения значения терминов и довели ее до крайнего, почти художественного совершенства. Поэтому изучение тибетских источников вносит огромный вклад в наше понимание буддизма»¹.

В распространении буддизма как мировой религии Тибету принадлежит особая роль. Тибетские императоры, оказывавшие покровительство буддизму, ученые-ламы, монахи сумели создать такую высокую степень концентрации духовной мысли, что она стала действовать подобно мощному магниту, излучая свои волны на большие расстояния. Как убедительно свидетельствуют факты тибетской истории, страна не была удалена от столбового направления

¹ Перих Ю. Н. Буддизм и культурное единство Азии. М.: МЦР, 2002. С. 42–43.

эволюции средневековья — эпохи становления мировых религий. Тибет усваивал этот культурный опыт столь же напряженно и успешно, как и Европа, Византия, Россия, арабский Восток.

Культурно-философскую систему буддизма Юрий Николаевич называет «главным культурным воспитателем»¹ Азии. Буддизм оказывал влияние не только на рост сознания азиатских народов, но и усиливал процессы культурного обмена, превращая просторы Азии в единое культурное пространство. Культурный обмен приносил с собою обновление и рост творческих сил, духовное продвижение и консолидацию.

Краткий обзор тем и проблем, задач будущих исследований, намеченных Ю. Н. Рерихом в «Истории Средней Азии», не позволяет исчерпать все их многообразие. В этом замечательном труде великого русского востоковеда мы имеем образец нового научного мышления. «Историю Средней Азии» с полным правом можно назвать энциклопедией древней и средневековой истории кочевого мира. Факты политической и военной истории, культурная жизнь народов, сведения по филологии, этнологии, праву, истории религий поднимают этот труд на уровень современности. Перед нами исторический портрет кочевой Азии, некогда охватывавшей обширную степную зону континента. Книга, созданная гением одного человека, по своему объему, глубине и широте постановки задач могла бы соответствовать труду большого международного коллектива авторов.

В настоящее время трудно назвать аналог этого сочинения. Многочисленные научные труды по отдельным проблемам и регионам, несомненно, представляющие собой выдающиеся достижения исторической науки XX столетия, находятся в дифференцированном состоянии. Имея

¹ Рерих Ю. Н. История Средней Азии. М.: МЦР, 2004. Т. 1. С. 330.

подробные сведения по историографии, источниковедению, археологии, этнографии, эпиграфике отдельных стран, мы не имеем целостной картины исторической жизни Азии. Труд Ю. Н. Рериха дает образец такого научного подхода, в котором знания мировых, региональных и локальных закономерностей объединены. В этом его непреходящее значение, несмотря на отдельные дополнения, конкретные уточнения, полученные, главным образом, в результате последующих шестидесятилетних археологических изысканий.

Сохраняет свою актуальность и опыт «истинных впечатлений действительности», полученный Юрием Николаевичем на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции и последующих полевых исследований в разных районах Центральной Азии. Многие вехи, расставленные в этой экспедиции Н. К. и Ю. Н. Рерихами, еще не получили должного внимания со стороны современной науки и до сих пор находятся в «архиве», дожидаясь своих исследователей. Страны Внутренней Азии — Монголия, Тибет за последние шестьдесят лет не намного приблизились к нам в плане научного изучения. Рерихи открыли их для нас, но требуется продолжение усилий.

«История Средней Азии» Ю. Н. Рериха приходит к современному читателю как труд, созданный некогда автором для будущего. Масштабность мышления этого ученого опережала свое время. Зная общее направление мирового исторического процесса, Юрий Николаевич был уверен, что время его труда обязательно наступит. Он был сеятелем, вышедшим на широкую ниву знания. Образ русского исследователя, посвятившего свою жизнь изучению кочевых народов Азии, встает перед нами сегодня как высокий символ ученого Нового мира, ступени которого он слагал своим подвижническим трудом и всевещающим сердцем.

Взгляд на историю кочевников, сложившийся в русском востоковедении, стал выдающимся явлением мировой науки XX столетия. «Полагаю, — писал Л. Н. Гумилев, подводя

некоторые итоги развития номадистики, — что ближе всех к решению задач кочевниковедения подошла научная традиция, которую можно назвать русской школой. Ее представители — Н. Я. Бичурин, В. В. Григорьев, Н. А. Аристов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, К. А. Иностранцев, С. И. Руденко, М. И. Артамонов и ряд других ученых. Ученые русской школы настолько сроднились с Центральной Азией, что научились смотреть на ее историю «раскосыми и жадными глазами» степняков. Благодаря этому наши ученые уловили много нюансов, ускользавших от западных европейцев, и создали своеобразный аспект изучения кочевого мира»¹. К ряду перечисленных славных имен необходимо добавить имена историков-евразийцев П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского, Н. С. Трубецкого, Ю. Н. Рериха и Л. Н. Гумилева.

В кочевниковедении XX века происходило накопление исторического материала, который был систематизирован, и на этом фундаменте проведены крупномасштабные по охвату времени и территории исторические исследования. Русская наука расширила культурно-историческую картину мира: в ней появился ранее неизвестный элемент — кочевой мир Азии.

Это открытие приобретает особую значимость в наши дни, когда формируется новое, космическое, мировоззрение и новое качественное состояние человечества — глобальный мир. Глобализация усиливает процесс объединения стран и народов, информационный, культурный и экономический обмен. На наших глазах формируются новые структурные отношения между этносами и государствами в составе целого — планетарного человечества. Следует отдать должное кочевым народам, накопившим опыт создания крупных этнополитических образований как некий прообраз будущего единства. Великие кочевые империи скифов, гуннов,

¹ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Товарищество «Клышников — Комаров и Ко», 1993. С. 93.

монголов на протяжении тысячелетий соединяли Восток и Запад, реализуя в своем историческом времени идею единого мира. Реальным фактом евразийской истории было культурное единство. Российские востоковеды обозначили историческую миссию кочевников как объединителей. Творчество кочевых народов проявилось богато и многогранно, в том числе и на уровне планетарных процессов.

К этому необычному творчеству волею судеб была причастна Россия, страна, находящаяся на средостении классического Востока и Запада. Кочевниковедение убедительно показало, насколько плодотворно было для России взаимодействие со степным миром. Огромный заряд пассионарного напряжения периода средних веков кочевая Азия передала России, и вместе с ним — свою объединительную миссию.

В рамках номадистики четко обозначилась новая методология исторических исследований: восхождение от анализа к синтезу, видение частных фактов сквозь призму целого. Этот подход открывает широкие возможности более адекватной оценки событий и понимания всемирного культурно-исторического процесса.

Очень актуально звучит сегодня сформулированный в кочевниковедении тезис о многообразии как естественном, природном факторе эволюции. «Нашему обществу, как и человечеству вообще, вовсе не противопоказано многообразие, — писал Л. Н. Гумилев. — Так, каждый народ, большой или малый, раскрывает свой талант, а человечество через это проявляет себя как единое целое»¹. Разнообразие структурных уровней системы, согласно постулатам синергетики, усиливает внутренние обменные процессы, увеличивает суммарный потенциал системы, ускоряет ее эволюцию.

Российское кочевниковедение внесло свой вклад в формирование планетарного мышления, утвердив кочевую

¹ Гумилев Л. Н. Черная легенда. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 190.

Азию как полноправного участника мирового исторического процесса. И одна из важнейших ролей в этом принадлежит Ю. Н. Рериху, чей вклад в российскую историческую науку еще недавно недооценивался. Публикуемый научный труд поистине является классическим: он дает пищу для размышлений, стимулирует новые исследования, призывает к дискуссиям во имя достижения научных истин.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М., Троянова Е. В. Мир кочевников: исследования Ю. Н. Рериха по истории Центральной Азии // Рерих Ю. Н. История Средней Азии: в 3 т. — Т. 1. — М.: МЦР, 2004.

ВКЛАД САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ УЧЕНЫХ В ИЗУЧЕНИЕ КЫРГЫЗСТАНА

2003 год юбилейно-знаменателен и для России и для Кыргызстана. Это — год 300-летия Северной Российской столицы, названной поэтами Северной Пальмирой, и 2200-летия кыргызской государственности.

История взаимосвязи с Санкт-Петербургом уводит нас в петровские времена начала XVIII века.

1717 год. После очередной победы над шведами Петр I вернулся в Санкт-Петербург. Там его ждал бухарский посол Кулибек с предложением завязать дружеские и торговые отношения. Старая Московия уходила в прошлое. На смену ей вставала новая мировая держава — Российская империя. Даже в далекой Средней Азии прослышали об этом. А первоначальная дипломатическая заслуга принадлежит итальянцу Флорио Беневени, который в 1718 году находился в составе бухарского посольства и добросовестно выполнял миссию посла. За три года, с 1718 по 1721 годы, посол Петра I в Бухаре регулярно посылал в Санкт-Петербург «цифирные реляции». Благодаря его стараниям в поле зрения российской науки попадают конкретные названия городов и местностей Средней Азии: Маргелана, Андижана, Ташкента, Кашгара, Ферганской долины, реки Сыр-Дарья. И впервые русского слуха коснулось самоназвание народа, обитавшего в горах Тянь-Шаня: «киргиси».

Упоминались кыргызы под собственным именем. Причем Беневени ясно отличал их от казахов, которые ранее уже фигурировали под собственным этнонимом «казак».

И хотя в целом посольство Флорио Беневени не достигло поставленных Петром I задач, пройдет еще немного времени и представители этого народа Атаке, Боромбай, Качибек Шералин, Джантай, Шабдан, Курманджан-датка и другие впоследствии от имени многих кыргызских племен принесут клятву в вечной дружбе русскому народу.

В 1722–1724 годах в Чуйской долине и на Иссык-Куле побывал в качестве посла к джунгарскому правителю капитан от артиллерии Иван Унковский. Это посольство тоже было не очень успешным, но зато в России больше узнали о Средней Азии, в частности о прииссыкульских кыргызах. Именно Г. Путиловым, входившим в состав посольства, были подготовлены три подробные географические карты с очертаниями озера Иссык-Куль и реками Тюп, Джергалан и Чу.

Недаром после путешествия И. Унковского, в мае 1784 г., российская императрица Екатерина II рекомендовала генерал-губернатору уфимскому и симбирскому: «...весьма нужно, чтобы вы имели при себе... депутатов от орд кыргызских...». Конечно, речь шла о казахах, но России уже требовались сведения и о Кыргызстане. В то же время раздробленные межфеодальными усобицами кыргызские племена сами стали искать защиты у императрицы. И мудрый Атаке-батыр в 1785 году готовит первое посольство кыргызов в Россию. Чтобы выглядеть значительным в глазах российской императрицы, он напоминает о более чем двухтысячной истории кыргызов, а свое происхождение возводит, ни много ни мало, как непосредственно от придворных мифического Соломона и легендарного Александра Македонского. Как отважный воин и мудрый родоправитель сохранился в памяти народной Атаке-бий. Он и в сибирской истории отмечен вниманием. Упомянув о посольстве кыргызов в Санкт-Петербург, известный в начале XIX столетия историк Сибири А. А. Словцов называет Атаке-бия — «главным родоначальником» кыргызов.

И не стоит так строго судить Атаке-батыра, пожелавшего древностью рода превзойти царицу...

Послами в далекую Россию были направлены многоопытный соплеменник Абдрахман Кучаков, бывший российский подданный, и доверенное лицо Атаке-батыра — Шергазы. Аудиенция послов с Екатериной II состоялась, и хотя после первого визита кыргызы официально еще не были приняты в подданство, они все же получили заверения в поддержке. Так был сделан первый шаг навстречу друг другу. Впереди предстояли долгие годы ожидания и борьбы, надежды и отчаяния. Однако интерес России к Кыргызстану возрастал.

В 1856—1857 годах вице-президент Российской империи П. П. Семенов-Тянь-Шанский совершает путешествие на Тянь-Шань. От местных жителей он слышал рассказы об исчезнувших под водой постройках и воочию видел на берегу выброшенные волнами кирпичи и домашнюю утварь. П. П. Семенов-Тянь-Шанский первым вычислил абсолютную отметку уровня озера, высказал предположение о его образовании и составе прибрежных отложений. Подверг сомнению бытовавшее априорно сказание, что затопленный город был некогда — во II веке до н. э. — главным городом усуней — Чигу, хотя не исключал возможности отнесения подводных развалин к античному времени. Укрепление, по его мнению, существовало в XIV и XV веках и исчезло под водой позже XVI века.

О подводных замках еще раньше упоминали и мусульманские средневековые историки Араб-шах и Мирза Хайдар. Их сведения перекликались с данными итальянской карты. Дело в том, что на Каталонской карте 1375 года, которую Семенов видел и изучал во время путешествия по Венеции в начале 50-х годов XIX века, на озере Иссык-Куль был отмечен город с тем же названием. Город Иссык-Куль был обозначен на северном берегу и снабжен примечанием, что здесь находится несторианский монастырь

«армянских братьев». Поэтому он полагал, что монастырь армян находится в бухте Курменты между селами Светлый мыс и Тюп.

Согласно теологическому преданию на кыргызской земле нашли посмертное упокоение мощи Святого апостола и евангелиста Матфея.

Почти всегда в окрестностях озера находили не только чаши, но и монеты. Вот тогда и зародилась мысль произвести подводное исследование. Самой колоритной фигурой, с которой связаны сообщения о подводных развалинах на Иссык-Куле является Г. А. Колпаковский. Здесь на озере он развивает бурную деятельность по организации подводных исследований. Посылает письменное приглашение ученому, члену-корреспонденту Петербургской АН А. П. Федченко, дает распоряжение о строительстве большого парусного судна на Иссык-Куле. 3 ноября 1871 г. Г. А. Колпаковский высылает в Ташкент генерал-губернатору К. П. Кауфману иссык-кульские археологические трофеи и просит для продолжения исследований выписать водолазный костюм. Предложение заинтересовало генерал-губернатора и он пишет письмо в Кронштадт. Просьба Колпаковского была удовлетворена.

То, что некогда собиралось по крупицам, ныне дает возможность полнее восстановить историческое прошлое кыргызского народа.

Исследования малоизвестной страны продолжались. Немаловажную роль сыграли и экспедиции путешественника Н. М. Пржевальского в Центральную Азию, который нашел здесь свое последнее пристанище. На высоком берегу Иссык-Куля благодарные жители поставили памятник великому русскому ученому-исследователю.

Поразительны и географо-хронологические рамки книги Н. А. Аристова «Усуни и кыргызы или кара-кыргызы». Они охватывают весь Западный Тянь-Шань, включая территорию современного Кыргызстана и места расселения

кыргызов вне его — земли Восточного Туркестана (ныне Синьцзян-Уйгурский район КНР). Работа освещает важнейшие исторические события усуней, древних тюрков, енисейских и тянь-шаньских кыргызов от первых веков до н. э. и до завершения рукописи в 1893 году. Книга издана по фотокопии с машинописного авторского экземпляра Н. А. Аристова, на которую я обратил свое внимание, работая в фондах архива императорского Русского географического общества в Санкт-Петербурге. И хотя его сочинение не публиковалось свыше века, оно и сегодня представляет несомненный интерес для специалистов, тюркологов, географов и всех интересующихся вопросами кыргызоведения.

В предисловии к книге «Н. А. Аристов и его фундаментальный труд по истории кыргызов и Кыргызстана» я написал о причинах, побудивших Н. А. Аристова взяться за столь объемный труд, почему последний не издавался более века и, при всей значимости труда и собранных автором источников, оставался достоянием архивов и, наконец, кем был автор. Это первоклассное собрание источников по истории, этнографии и культуре кыргызов, соседних с ними тюркских народов Средней и Центральной Азии принадлежит перу Н. А. Аристова.

Одним из первых специалистов, обративших внимание на древние городища Внутреннего Тянь-Шаня, был В. В. Бартольд. Его экспедиция в 1893—1894 годах посетила и собрала сведения о шести из них.

По поручению Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии наук СССР в 1939 году под руководством А. Н. Бернштама были проведены раскопки древнего могильника в верховьях р. Талас на территории сельского совета (ныне айыл окмоту) Долоно Таласского района. Могильник был открыт в 1938 году. В его раскопках принимали участие сотрудники и студенты археологического отделения

исторического факультета Ленинградского государственного университета. Впоследствии А. Н. Бернштам напишет: «...каждый, пришедший к руинам, одиноко стоящим у гор среди широких просторов долины, проникается чувством глубокого уважения к умению и труду предков народа Средней Азии».

Необходимо остановиться на связях Кыргызстана с Санкт-Петербургом (Ленинградом), которые всегда занимали особое место во взаимоотношениях республики с РСФСР.

В советский период этот город оказал неоценимую помощь кыргызстанцам в возрождении и развитии экономики, культуры, науки, образования.

По инициативе ведущих ученых Ленинграда в 1932 году во Фрунзе была проведена первая конференция по размещению производительных сил Кыргызстана, сыгравшая важную роль в изучении природных ресурсов республики. По предложению участников конференции в ноябре 1932 года Ленинград берет «культурное, политическое и хозяйственное шефство над Кыргызстаном». Кыргызстанцы в свою очередь в 1933 году взяли шефство над линкором «Октябрьская революция» Краснознаменного Балтийского Военно-Морского Флота.

В годы Великой Отечественной войны республика регулярно отправляла в Ленинград сверх нормативного плана государственных поставок эшелоны с мясом и другими продуктами. В единстве фронта и тыла ковалась победа в этой войне.

Сотни кыргызстанцев участвовали в обороне и защите Ленинграда, а семьи эвакуированных ленинградских рабочих находили теплый прием на кыргызской земле.

С 1957 года кыргызстанцы осуществляют шефство над Краснознаменным Кронштадтским гарнизоном. В те годы многие кыргызские юноши проходили действующую военную службу в Кронштадте.

После войны в вузах Ленинграда, как правило, бронирувалось от 10 до 15% мест для кыргызских студентов. Госпединститут им. Герцена ежегодно направлял на работу в республику десятки и сотни молодых специалистов. Немало педагогов было подготовлено и из числа кыргызстанцев.

Полотна выпускников Ленинградского художественного училища им. И. Репина К. К. Керимбекова, Дж. Кожакметова, А. Усубалиева и других известны далеко за пределами республики.

Ленинградские архитекторы и художники-монументалисты (А. Воронин, В. Капустин, В. Константинов, Ю. Белинский, А. Бочаров) много труда вложили в реконструкцию столицы Кыргызстана. Многие здания, возведенные по их проектам, украшают город до сих пор. И после распада Союза отношения городов-побратимов Бишкека и Санкт-Петербурга остались доброжелательными.

Ученые Института истории материальной культуры, Института этнографии, Ленинградского госуниверситета и Эрмитажа оказывали помощь в изучении древней и средневековой истории кыргызского народа. В этих целях регулярно организовывались разноплановые экспедиции, проводились конференции и публиковались научные труды, здесь защищали диссертации на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук многие молодые ученые Кыргызстана. Эти связи продолжаются до сих пор, и в этом огромная заслуга ведущих ленинградских ученых В. А. Ромодина, В. А. Лившица, С. Г. Кляшторного, В. М. Массона, Г. Ф. Коробковой, Ю. А. Заднепровского и других.

Кураторство ученых продолжается, и ярким свидетельством этого служит то, что сегодня здесь присутствуют: зав. отделом Института истории и материальной культуры Российской академии наук, академик, доктор исторических наук, координатор программ «Ош-3000» и «2200 лет кыргызской государственности» В. М. Масон; главный научный

сотрудник Института востоковедения РАН РФ (Санкт-Петербург), дешифровщик кыргызских текстов Таласа, Сибири и Солтюркского государства С. Г. Кляшторный.

Эстафета Унковский-Беневени продолжается, ее приняли Массон-Кляшторный. На современном этапе их исследования приобретают еще более плодотворный и взаимовыгодный характер.

Вузы и ученые Кыргызстана сотрудничают с Санкт-Петербургскими вузами, научными учреждениями и Эрмитажем. Наш Будда с Красной Речки находится в Эрмитаже, а его ладонь — в музее Кыргызстана.

Северная Пальмира всегда была и будет для нас путеводной звездой в развитии кыргызско-российских отношений.

Из выступления на юбилейной конференции посвященной 300-летию Санкт-Петербурга, 2003 г.

РОССИЙСКИЙ ПАЛЕОНТОЛОГ Б. П. МАРКОВСКИЙ В КЫРГЫЗСТАНЕ

В годы Великой Отечественной войны на базе научных учреждений Кыргызской ССР, а также эвакуированного во Фрунзе биологического отделения АН СССР правительство Кыргызии (1943 г.) организовало Кыргызский филиал АН СССР (КыргызФАН).

Торжественно открывая это крупное научное учреждение республики, президент АН СССР академик В. Л. Комаров сказал: «Грохот пушек не заглушает в нашей стране голоса науки, а, напротив, он вдохновляет наших ученых выполнять свой патриотический долг служению социалистической Родине».

Первоочередной и наиболее важной задачей КыргызФАН академик И. К. Скрябин — первый председатель вновь созданного научного центра Кыргызии — считал скорейшее воспитание научных кадров. Осуществлять это предполагалось по линии аспирантуры в Кыргызии и подготовки научных кадров при головных институтах АН СССР.

Во вновь организованный Институт геологии КыргызФАН были приглашены видные ученые-палеонтологи — А. А. Борисяк, А. П. Волгин, Р. Ф. Геккер, Б. П. Марковский, М. А. Борисяк, выполнявшие тематические исследования на территории Кыргызии (Р. Ф. Геккер), а также ученые-геологи А. П. Марковский, Н. М. Сеницын, В. А. Николаев, С. С. Шульц, П. К. Чихачев, В. Н. Огнев, заложившие фундаментальные основы палеонтологической и геологической науки в Кыргызии. Этими учеными были выдвинуты основные тематические направления исследований

геологического института, сформированы кадры, а также разработана его структура.

Сектор тектоники и стратиграфии геологического института был возглавлен кандидатом геолого-минералогических наук Борисом Павловичем Марковским.

Решая вопрос воспитания местных научных кадров, Борис Павлович избрал третий путь — к палеонтологической деятельности в Киргизии он привлек студентов местных и иногородних вузов.

«В кабинет № 30 Геологического института, что расположен на бульваре Дзержинского г. Фрунзе, к Борису Павловичу Марковскому я шла тогда, во время войны, с большой робостью и нерешительностью, — вспоминает А. Я. Галицкая, будущий ведущий специалист Института. — Но уже первая встреча с ним принесла мне много радости и надежд... В его лице я — студентка 2 курса геофака, увидела умного, знающего педагога, тактичного и доброго Человека.

В своих учениках Б. П. Марковский умел видеть коллегу, собеседника, проникавшегося смыслом науки палеонтологии, биостратиграфии, биофоциального анализа. Мы были очарованы таким педагогом и сочли за счастье работать с ним...»

Так в 1943–1944 гг. создавалась первая местная палеонтологическая ячейка в Киргизии.

Исследования геологического института в годы Великой Отечественной войны Советского Союза были подчинены задачам оборонного характера — разработке научных основ поисков в Киргизии стратегического и минерального сырья (ртуть, сурьма и т. п.). В это время Б. П. Марковский создает труд о ртутных рудопроявлениях Южной Киргизии.

В ответ на палеонтолого-стратиграфические нужды геологической службы республики Борис Павлович в КиргизФАНе организует выпуск атласов руководящих видов различных групп фауны для различных формаций Тянь-Шаня.

Б. П. Марковский

Кроме разработки стратиграфии ртутных рудопроявлений Южной Киргизии, он в то время пытался разрешить вопрос положения и верхней границы девонской системы Тянь-Шаня на конкретном примере материала хребта Катран-Тау.

С переездом Б. П. Марковского из г. Фрунзе в г. Ленинград (1945 г.) к нему во ВСЕГЕИ потянулись и его ученики, в том числе и из Киргизии.

Борис Павлович отличался внимательностью, доброжелательностью, проникновенностью к делам ученика и заботой о нем.

В становлении специалистов-палеонтологов на местах, учеников, по ходатайству Б. П. Марковского, оказывалась помощь как его сотрудниками, так и ведущими палеонтологами Ленинграда: ВСЕГЕИ (консультации), ЦНИГР

музеем (монографические и стратиграфические коллекции фауны), Центральной геологической библиотекой, Горным институтом (предоставление возможности слушания курсов лекций палеонтологических и геологических дисциплин, приема экзаменов).

В 1954 г. была защищена первая палеонтолого-стратиграфическая диссертация на киргизском палеонтологическом материале.

Так решался вопрос кадров для геологического института КиргизФАН сотрудником ВСЕГЕИ Борисом Павловичем Марковским в военный и послевоенный периоды.

Следя за палеонтологическим материалом республики, работой своих учеников, Б. П. Марковский бескорыстно повышал научный уровень палеонтологических разработок и качество геолого-съемочных работ Киргизии.

Такова была сущность плодотворной научной деятельности этого полузабытого ученого и педагога России в Кыргызстане.

Публикуется впервые.

Я БЫЛ ПЕРВЫМ ПОМОЩНИКОМ ВТОРОГО ПРЕЗИДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР

(Вспоминая Курман-Гали Каракеева)

В плеяде видных кыргызстанских ученых есть личность, не упомянув которую невозможно составить верное впечатление об истории науки нашей страны.

Творческое долгожительство в исторической науке, особенно в переломные периоды эпох — явление редкостное. Профессионально он начинал работать при И. В. Сталине: первая публикация К.-Г. Каракеева появилась еще на латинице, в молодежной газете «Ленинчил Жаш» в декабре 1933 года. Кандидатскую диссертацию защитил он уже при Н. С. Хрущеве — в 1959-м. В следующем году был избран академиком и президентом (вторым по счету) Академии наук Киргизской ССР. При Л. И. Брежнев, в 1970 г. в Москве защитил докторскую диссертацию и сразу же получил звание профессора. В период же руководства М. С. Горбачева занялся публикацией материалов по реабилитации лиц, невинно репрессированных тоталитарным режимом. При Аскаре Акаеве первым из ученых получил орден Кыргызской Республики — «Манас».

В итоге К.-Г. Каракеев — свидетель, участник и научный историк всех основных событий Кыргызстана XX века. Таков аксакал исторической науки — сам воплощение истории прошлого столетия. Таков Курман-Гали Каракеев, мой учитель и патрон.

Уроженец Иссык-Куля

В семье бедного кыргызского дехканина села Курменты Пржевальского уезда Семиреченской области, осенью 1913 года родился малыш. Кроме родителей, никто не отметил этот обыденный в быту кочевника факт. Но когда пришло время оформлять документы личности — долго не мудрствовали. День рождения Октябрьской революции — 7 ноября — определили как день рождения Курмана. И лишь много лет спустя имя дополнили приставкой Гали, что было в те времена довольно рискованным нововведением в советский этикет традиционно азиатских фамилий. Так войдет в жизнь сначала в Преображенской школе, а затем в Иссык-Кульском сельскохозяйственном техникуме молодой человек нового, нарождающегося советского общества. Здесь в мае 1929 года он вступает в комсомол и становится лидером молодежи. В крае почти не было образованных людей, и выпускник техникума сразу же был принят корреспондентом молодежной республиканской газеты «Ленинчил жаш». Вскоре он был выдвинут зав. отделом, а затем и заместителем редактора газеты.

В 1934—1936 гг. К.-Г. Каракеев — заведующий отделом учащейся молодежи Киргизского обкома Ленинского комсомола. Это было время начала репрессий, уничтожения лучших представителей кыргызской интеллигенции. Но молодого комсомольского лидера спас призыв на военную службу. Каракеев с берегов Иссык-Куля попал на Балтику служить в военно-морском Флоте в Кронштадте. По возвращении на Родину в 1938 году он вступает в партию, работает секретарем и заместителем редактора Республиканского журнала «Коммунист», затем переходит на работу в столичный обком партии. Суровые годы Великой Отечественной войны К.-Г. Каракеев работает, секретарствуя в Тянь-Шаньском и Иссык-Кульском обкомах партии, организует сбор теплых вещей и продуктов для фронтовиков

К. К. Каракеев

и партизан, лично привозит их в осажденный Ленинград, (об этом — особая статья). Затем, в течение трех лет, К.-Г. Каракеев был слушателем Высшей Партийной школы при ЦК КПСС в Москве.

Партийная учеба предполагала последующую партийную карьеру, и Курман-Гали Каракеев прошел почти все ступени номенклатурной лестницы: главный редактор республиканской газеты «Кызыл Кыргызстан» (1947–1948 гг.), зав. отделом пропаганды и агитации, секретарь ЦК Компартии Киргизии. После окончания Академии общественных наук при ЦК КПСС (1959 г.) Каракеев защищает кандидатскую диссертацию и избирается президентом Республиканской Академии наук.

¹⁸ Том VII. Кн. 2 В. М. Плоских

Жизнь в науке

Всю остальную жизнь академик К.-Г. Каракеев посвящает науке. Целых восемнадцать лет он возглавлял Академию наук Киргизской ССР. При нем формируется и совершенствуется и поныне существующая структура Национальной академии наук, ведутся основные направления научных исследований. Это происходило на моих глазах. Поступив в Академию наук осенью 1960 года, я несколько позже, после защиты кандидатской диссертации работал его первым помощником (такую должность в Академии впервые ввел именно К.-Г. Каракеев) и принимал участие в составлении всех сводных отчетов по Академии, в подготовке докладов и выступлений президента.

Вспоминается самый первый мой опыт подготовки для президента очередного годового научного отчета. Задание получил, а как его выполнить — никто не подсказал. Посмотрел доклады предшествующих лет. Мне они показались однотипными и скучными. Решил по молодости блеснуть. Написал отчет с живыми (как мне казалось) примерами, назвал ведущих ученых (а это у меня оказалось сплошь руководителем научных подразделений), начертил графики и диаграмму кадрового состава и т. п. Времени для отчета было еще более чем достаточно. Думал, президент похвалит за досрочность выполнения задания.

Курман Каракеевич наскоро заглянул в отчет и тут же возвращает — доработайте. Как и в чем — не пояснил.

Я составил второй вариант. Он опять возвратил. Я доклад «улучшил», сократил. Он и в третий раз возвращает доклад на доработку. Я был уже в транс. Думаю, не получается у меня. Придется уходить с работы. А времени на доработку уже не было — приближался день собрания.

Я в отчаянии беру свой первый вариант (все равно нужно будет прощаться) и обреченно несу его Курман-Гали Каракеевичу. Тот перелистал доклад, посмотрел на меня

(думаю — все, пропал). А он и говорит: вот видите, можете же работать. Идите.

Это был для меня первый урок — как работать чиновником. Я немного утрирую, но ситуация была примерно такая. В общем, и в целом К.-Г. Каракеев очень серьезно относился к своей работе, хорошо знал систему высшей партийной власти, дружил с лидерами, пользовался авторитетом в головной Академии наук СССР. И к нам в республику приезжали почти все союзные президенты и вице-президенты. Хорошо помню приезды Келдыша, Александрова, Федосеева, Овчинникова, Минца, М. В. Кима и других союзных академиков. В то время многие видные ученые, особенно из Сибири, приехали работать в кыргызскую Академию наук, были избраны здесь академиками и член-корреспондентами. Хорошо помню приезд О. Д. Алимова.

Я присутствовал на первом (для Алимова) академическом собрании, когда его представлял К.-Г. Каракеев. Это был уже известный ученый. Выпускник Томского университета, доктор технических наук Олег Дмитриевич Алимов в апреле 1974 г. был избран действительным членом АН Кирг. ССР и вскоре стал лауреатом Госпремии СССР и Киргизской ССР, прославился научными работами по усовершенствованию горнорудных машин, созданием буровых автоматов и роботов для исследования Луны и планет.

Хорошо помню также приезд в Кыргызстан научного руководителя советских космических исследований президента АН СССР академика М. В. Келдыша в кыргызскую Академию, где К.-Г. Каракеев и О. Д. Алимов рассказывали о разработках кыргызских ученых по космической проблематике.

Вскоре, после успешных испытаний, в 1976 г. межпланетная космическая станция «Луна-24», впервые в СССР, доставила на Землю образцы грунта, добытого на Луне при бурении на глубину более чем двух метров. Благодаря своему сложнейшему автоматизированному устройству,

детище О. Д. Алимова и его единомышленников блестяще справилось с задачами забора, герметизации и транспортировки ценного груза на Землю. Так, кыргызской Академии наук удалось вписать и свои строки в историю космонавтики. Начало этому было положено именно в президентство Курман-Гали Каракеева.

Академика О. Д. Алимова я привел лишь в качестве примера. Вокруг К.-Г. Каракеева собралась мощная команда профессионалов. Могу назвать некоторых из них, с кем мне пришлось более-менее тесно работать, будучи помощником президента (хотя должность называлась ученый секретарь Президиума, но был, и сейчас еще есть Главный ученый секретарь Академии). Тепло вспоминаю многолетних соратников К.-Г. Каракеева, его вице-президентов академика Захарова Н. И., Авершина С. Г., Джамгерчинова Б. Д., химика Иванова В. И., Луцихина М. Н., Неболюбова Ю. Е., Рыскулову К. Р., Табышалиева С. Т., Юдахина К. К., Юнусалиева Б. М., Орузбаеву Б. О., Оторбаева К. О. и др. Знал всех академиков и почти всех членкоров и руководителей институтов; 1960–1980-х годов.

Были, естественно, у К.-Г. Каракеева и оппоненты. Могу назвать таких выдающихся ученых, как хирург И. К. Ахунбаев, лингвист К. К. Юдахин, геолог М. М. Адышев, историк Б. Д. Джамгерчинов и некоторые другие. Но это были оппоненты от науки, но в целом команда работала дружно. Это было время апогея республиканской Академии наук.

Уже когда К.-Г. Каракеев не стал президентом Академии, но остался работать в её стенах до последних своих дней, он подал идею написать фундаментальную книгу об истории Академии наук – от К. И. Скрябина до А. А. Акаева. И такая книга была подготовлена нами к 1990 г. В состав редколлегии входили академики И. Т. Айтматов, В. П. Живоглядов, К.-Г. Каракеев, Т. К. Койчуев, А. М. Мамытов, В. М. Плоских, П. И. Чалов и директор издательства Л. В. Тарасова. В книге были отражены основные научные

результаты работы научных коллективов. Видные ученые и руководители соответствующих учреждений, обобщая достижения своих коллективов, попытались изложить их в научно-популярной форме. Я был на связи с ними, координировал работу и готовил книгу к печати. Её подписал в печать последний президент Академии наук Киргизской ССР академик А. А. Акаев 25 июня 1990 года, когда он только что был избран первым Президентом страны — нового суверенного Кыргызстана. Я до сих пор храню этот экземпляр с подписью А. А. Акаева, как сувенирную память (Академическая наука Кыргызстана. История и проблемы / гл. ред. А. А. Акаев. Изд. «Илим». — Фрунзе, 1990. — 336 с.).

Могу констатировать, что именно при К.-Г. Каракееве кыргызские ученые подняли науку на должную высоту: составляют геологическую карту прогнозирования редкоземельных элементов в республике, занимаются проблемами овцеводства и высокогорной медицины, достигли весомых успехов в математике и биохимии. При его непосредственном участии выходит четыре издания «Истории Киргизской ССР», за которые К.-Г. Каракеев одним из первых в республике становится лауреатом Государственной премии в области науки и техники. При нем Академия перешла из старого тесного здания в специально отстроенные и благоустроенные корпуса модернизированного типа. Штаб науки и внешне стал выглядеть внушительно. Почти два десятилетия под руководством К.-Г. Каракеева осуществлялась разносторонняя организационная и научно-исследовательская работа во всех отраслях науки — ведущего республиканского научного центра. Он проводил и большую научно-организационную работу по повышению уровня научных исследований, укреплению связей науки с производством и — главное, уделял много внимания подготовке высококвалифицированных научных кадров.

Я хорошо помню, как мы ездили с ним по археологическим и этнографическим экспедиционным отрядам. Я был

начальником экспедиции от Института истории, и К.-Г. Каракеев выделял из скромного бюджета Академии серьезные финансы на проведение полевых работ, осознавая всю важность изучения и сохранения историко-культурного наследия древнего народа, своих этнических предков.

Научно-исследовательская деятельность лично К.-Г. Каракеева посвящена изучению актуальных проблем культурного строительства, истории науки и возрастания ее роли в условиях развития общества (монографии «Расцвет культуры Советского Киргизстана», «Развитие науки в Советском Киргизстане», «Из истории культурного строительства в Киргизстане» и др.).

Важное место в разносторонней научной деятельности К.-Г. Каракеева занимали проблемы государственного строительства, этапы истории Кыргызской национальной государственности — от образования Кара-Киргизской автономной области, через автономную и союзную республику к суверенному Кыргызстану.

В целом, труды К.-Г. Каракеева представляют собой значительный вклад в развитие советской историографии Кыргызстана.

Новую страницу научной биографии Каракеева составляют публикации по истории репрессий и реабилитации невинно осужденных в годы культуры личности Сталина. Они содержатся в книге «1937 г. в Киргизии» (на русском и кыргызском языках (в написании этой работы пришлось приложить руку и мне, как одному из авторов и соредакторов К.-Г. Каракеева), в журнальных и газетных публикациях о первом кыргызском наркоме просвещения Касыме Тыныстанове, об отце Чингиза — Торекуле Айтматове, о премьер-министре Правительства 1930-х годов Баялы Исакееве и исык-кульских земляках автора. Каракеев, как вполне одаренный публицист, излагает свои воспоминания, восполняя многие «белые пятна» и «кровавые страницы» советской истории — той истории, в которой он жил.

Кадры решают все

Много сил и энергии отдал К.-Г. Каракеев воспитанию молодых научных кадров республики. Себя я тоже отношу к его ученикам. Он всегда внимательно выслушивал сообщения о результатах проведенных молодыми учеными исследований, консультировал их и направлял по неизведанным путям, подобно опытному лоцману в море тайн. Лично под его руководством защищено 20 докторских и кандидатских диссертаций. Сейчас его ученики возглавляют научные учреждения, являются профессорами вузов. Достаточно вспомнить таких известных в Кыргызстане ученых, которых он благословил в высокую науку, как В. М. Петровец, Э. Дж. Маанаев, Т. Б. Баялиев, С. С. Данияров, ставших под его руководством докторами наук, а К. Н. Кулматов, В. А. Воропаева, Г. В. Харченко, А. П. Грабарева и др. — кандидатами наук и профессорами.

К.-Г. Каракеев неоднократно достойно представлял нашу науку за рубежом, являясь участником многих международных конгрессов и симпозиумов, общероссийских и межреспубликанских научных конференций. Он выступал с научными докладами по проблемам социально-экономического и культурного развития Центральной Азии на конференциях ученых в США, Румынии, Монголии, Германии, Польши, Индии, Ираке и др. Его работы опубликованы на английском, французском, немецком, хинди и арабском языках, (я помогал ему в оформлении докладов и выступлений, конечно, только на русском языке).

Его имя нашло свое место в Большой Советской Энциклопедии, Исторической Энциклопедии, Энциклопедическом словаре и во всех кыргызских энциклопедиях.

Более полувека, точнее — 52 года работал я вместе с К.-Г. Каракеевым. Мы выросли при нем и с его помощью. Знаем его сильные и слабые черты (даже в периоды изменения курса партии он, как говорили, «если и колебался,

то колебался вместе с партией»). Можно смело заявить: Курман-Гали Каракеев — человек своей эпохи. Он сознательно отдавал все свои силы служению партии и народу, он осознанно воспринял демократизацию общества и все делал, что в его силах для блага своего народа и этносов, которым волею судеб предназначено жить под одной крышей общего дома, который отныне зовется Суверенным Кыргызстаном.

Два последних десятилетия Национальная академия наук, совместно с Кыргызско-Российским Славянским Университетом, конфедерацией подводной деятельности России проводила, по моей инициативе, археологические исследования на родине К.-Г. Каракеева, в Тюпском районе Прииссыккуля. Результатом стали составленная по итогам экспедиции археологическая карта Тюпского района, а также Музей истории и подводной археологии в КРСУ. А нашей неизменной базой был сельскохозяйственный техникум имени Курман-Гали Каракеева в поселке Светлый Мыс, на берегу Иссык-Куля. Широкое признание, которое заслужила просветительская деятельность академика, выражено в том факте, что еще при жизни его имя было присвоено техникуму, где будущий ученый получал свое среднее образование.

Я, с моими друзьями и коллегами — чл.-корреспондентом Академии наук Д. Д. Джунушалиевым, академиком Б. О. Орузбаевой и академиком А. Э. Эркебаевым, был 8 ноября 2012 года в числе гостей Курман-Гали Каракеева, приглашенных по случаю его 99-летия. В семейном кругу, аксакал пригубил рюмку коньяка, а мы пожелали «виновнику» торжества долголетия. К сожалению, до своего столетнего юбилея К.-Г. Каракеев не дожил. Через неделю его не стало. Но осталось его детище. Национальная Академия наук, остались его ученики и научное наследие. Полагаю, такие люди, как дорогой мой патрон и учитель, должны войти в число героев научной серии «Жизнь замечательных

людей» — ставшей уже знаменитой для республики книжной серии журнала «Литературный Кыргызстан». Уверен, подобная книга станет достойной данью памяти дорогому нашему учителю жизни.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Я был первым помощником второго президента Академии наук Киргизской ССР (Вспоминая Курман-Гали Каракеева) // Вопросы истории Кыргызстана. 2013. № 3–4.

ВПЕРВЫЕ ВМЕСТЕ НА БОЛЬШИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФОРУМАХ

Считаю, мне повезло в научной жизни, я полвека работаю в Национальной академии наук сначала под руководством, затем рядом с кыргызским аксакалом исторической науки — Курман-Гали Каракеевым.

После окончания истфака КГУ в 1960 г. я сразу напросился работать в Институт истории республиканской Академии, получив самую младшую должность — временно исполняющего лаборанта (заменяя ушедшую в декрет лаборантку). И с тех пор неизменно, вот уже больше полувека работаю в Национальной академии наук (хотя и являюсь пенсионером «За особые заслуги»). Первые 18 лет работал непосредственно под руководством президента Академии Курман-Гали Каракеева. Вскоре после защиты кандидатской диссертации я был приглашен ученым секретарем Президиума (впервые введенная должность — фактически помощником президента). И проработал рядом с Курман-Гали Каракеевым в одном институте вплоть до самых последних дней его жизни. Не забуду, как я вместе с ныне действующим президентом Академии Абдыганы Эркебаевым, директором Института истории и культурного наследия, член-корреспондентом Дженишем Джунушалиевым и ведущим кыргызским языковедом академиком Бюбюйной Орузбаевой посетили квартиру К.-Г. Каракеева в день его 99-летия — 8 ноября 2012 г. Тогда мы в Академии приняли решение Президиума о присвоении его имени академическому институту истории. Он же скромно отнекивался — не торопитесь, мол, еще успеете.

С академиком Курман-Гали Каракеевым

Ровно год не дотянул он до своего столетия. Но осталась у нас эта последняя с ним фотография.

Много знаменательных событий из совместной работы мне запомнилось. Но хочу рассказать лишь о двух первых международных форумах, на которых Курман-Гали Каракеев возглавлял делегацию кыргызских ученых.

Первый: проведение в 1968 г. Комитетом ЮНЕСКО в Таджикистане международного форума по Кушанской цивилизации. Прибыли ученые востоковеды, представители

из 23 стран Европы, Азии и Америки. Возглавлял конференцию видный советский востоковед — директор Института востоковедения АН СССР Б. Г. Гафуров. Делегацию кыргызских ученых-историков, востоковедов, лингвистов, археологов возглавлял президент республиканской Академии К. К. Каракеев. В состав делегации входили директор Института истории К. К. Орозалиев, наши ведущие археологи П. Н. Кожемяко, И. К. Кожомбердиев, А. К. Абетеков, дунгановед Н. Ю. Юсупов, и я, молодой кандидат наук, как помощник президента.

Доклад кыргызских ученых, который зачитал К. К. Орозалиев, был тепло встречен участниками конференции, так как он новыми археологическими памятниками вводил Кыргызстан (Фергану, Тянь-Шань и Иссык-Куль) в орбиту полузабытой Кушанской цивилизации (первое тысячелетие до н. э.).

Конференция сопровождалась выставкой археологических находок, участники выезжали на открытые в Самарканде и Пенджикенте античные настенные росписи. От нашей Академии наук на выставке были представлены уникальные находки золотых изделий и стекла с Алая, Кетмень-Тюбе, Ферганской долины. Выдающиеся ученые мира — востоковеды и археологи французские академики Д. Шлюмберже и Гиршман, индийские профессора Д. Сиркар и Б. Пури, американская знаменитость — профессор Гарвардского университета Ричард Фрай, осмотревшие нашу коллекцию, поздравили президента К.-Г. Каракеева, директора Института истории К. К. Орозалиева и присутствовавших кыргызских ученых с важными для науки открытиями, расширявшими ареал влияния Кушанской цивилизации и на периферийные регионы.

Это был первый, можно сказать, триумфальный выход кыргызских ученых, возглавляемых президентом Академии наук Курман-Гали Каракеевым на мировой уровень.

Что же касается меня, я с этого времени вплотную (сначала как хобби), затем профессионально занялся

археологическими исследованиями, приведшими меня к подводной археологии и раскрытию тайн затонувших древних памятников Иссык-Куля.

Второй памятный большой международный форум, в котором принимал участие президент АН Кыргызской ССР К. К. Каракеев как руководитель делегации ученых Кыргызстана, был через два года.

В 1970 г. в Москве широко и торжественно отмечался столетний юбилей вождя революции В. И. Ленина. Для нашей страны это было примечательное политическое событие, хотя мы уже стали привыкать в советское время к подобным мажорным мероприятиям. Возглавляли нашу помпезную делегацию от Кыргызстана секретарь ЦК Компартии Киргизии по идеологии Б. Мураталиев и президент Академии наук Кыргызской ССР Курман-Гали Каракеев.

Мне запомнилось это мероприятие по двум причинам.

Первая. Помпезная конференция проходила как-то лениво и скучно. Оживилась публика лишь тогда, когда было объявлено о секции, тематика которой звучала как-то аполитично — о роли религии в мировом процессе. Докладчики были в рясах и, естественно, все из зарубежных капиталистических стран (и — о ужас! — От Ватикана). Многочисленные секции конференции работали по разным конференц-залам. В этот же день все они оказались полупустыми, а зал «католиков-антикоммунистов» заполнен до предела. И почти все члены нашей делегации, несмотря на это, были распределены по разным секциям, также ринулись в этот зал, включая руководство — секретаря ЦК, президента Академии и директора Института истории.

Правда ничего сверхординарного и интересного мы не услышали, не прозвучало и громких антисоветских выступлений. Однако чувствовалось общее желание услышать что-то свежее, оригинальное от идеологов антисоветизма. Не вышло. Все было разумно, умеренно дозировано, а мы и наше руководство — разочарованы.

Мы покинули секцию. И почти всем составом пошли навестить 92-летнего первого председателя Кыргызского филиала АН СССР — академика АН СССР К. И. Скрябина. Константин Иванович Скрябин был для нас, молодых, запредельной знаменитостью. Основатель научной школы гельминтологии, Герой социалистического труда, он был прекрасным организатором и слыл в Киргизии за славного русского богатыря, основателя кыргызской академической науки. К. И. Скрябин встретил нас радостно, оживленно вспоминали военные и послевоенные годы, К. К. Каракеев рассказал о последних достижениях развивающейся кыргызской науки. Я был, пожалуй, самым молодым в составе делегации (только потому, что был помощником президента), имел фотоаппарат и запечатлел эту последнюю встречу кыргызских ученых с легендарным шефом. Эта фотография известна по публикациям (К. И. Скрябин с рюмкой коньяка в центре, рядом с ним К. К. Каракеев, секретарь ЦК Компартии Мураталиев, будущий академик Б. О. Орузбаева и др.). Сожалею до сих пор, что не попросил кого-либо из присутствовавших сделать еще один кадр, чтобы попасть на эту юбилейную фотографию. Через два года ученого не стало. Но в памяти навсегда сохранилась знаменательная для меня встреча. Да еще и публикация столь уникальной фотографии.

И в заключение хотел бы высказать предложение: 1) провести международную конференцию, посвященную 100-летию видного государственного деятеля, аксакала кыргызской науки, ученого и гражданина Кыргызской Республики; 2) опубликовать в серии «Жизнь замечательных людей Кыргызстана» (ЖЗЛК) хорошо иллюстрированную научно-популярную книгу и выпустить о нем кинофильм. Думаю, наша Национальная академия наук должна возглавить это мероприятие, а правительственные власти изыскать возможность их профинансировать. Это мероприятия, которые будут способствовать воспитанию

нашего молодежного поколения на достойных подражанию знаменитых предках.

Курман-Гали Каракеев — яркая легенда и символ кыргызской науки своей эпохи. Не стоит забывать, именно в бытность его президентства Академией наук наша страна стала соучастником освоения Космоса.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Впервые вместе на больших международных форумах // Академик Каракеев в историко-биографическом эссе, документах, фото, в архивных материалах и воспоминаниях. Бишкек—Алматы, 2014.

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА Б. М. ЗИМЫ

Заслуженный учитель и заслуженный деятель науки Киргизской ССР профессор Борис Михайлович Зима внес заметный вклад в развитие высшего образования и подготовку научно-педагогических кадров республики, в разработку истории Киргизии и ее Компартии.

Б. М. Зима родился 20 июля 1908 г. в г. Кировограде в украинской рабочей семье. Его отец Михаил Акимович был коммунистом, кадровым рабочим-литейщиком, проработал на заводе около 50 лет.

Сам Б. М. Зима начал трудовую деятельность с 13 лет. В 1921–1922 гг. был учеником-литейщиком на заводе частного предпринимателя в г. Кировограде, в 1925 г. — учеником токаря, в 1926–1931 гг. — токарем по металлу на заводах Кировограда, Ташкента, Херсона. Комсомольской организацией г. Ташкента был направлен на рабфак в г. Самарканд, после окончания которого в 1931 г. поступил в Московский историко-философский институт на исторический факультет.

Учеба в Московском историко-философском институте явилась важным этапом в его жизни. Здесь рабочий-токарь овладел глубокими знаниями марксистско-ленинского обществоведения.

В 1935 г., еще до защиты диплома, Наркомпрос РСФСР предложил Б. М. Зиме поехать на педагогическую работу в один из вузов страны, где не хватало историков. Он вновь, теперь уже с семьей, оказался в Средней Азии, в Киргизском государственном педагогическом институте.

Б. И. Зима

По прибытии в г. Фрунзе 1 апреля 1935 г. Борис Михайлович и его жена Анна Гавриловна были зачислены ассистентами: он — на кафедру всеобщей истории, она — на кафедру истории КПСС.

С этим учебным заведением связана вся трудовая и общественная деятельность Бориса Михайловича. В Киргизском государственном педагогическом институте и созданном на его основе в 1951 г. Киргизском государственном университете Б. М. Зима наряду с преподавательской деятельностью выполнял научно-административную работу в качестве декана истфака, заведующего кафедрой и заместителя директора по заочному обучению. Но главным всегда оставалась педагогическая и научная деятельность. Получив разностороннюю подготовку в Московском историко-философском институте, Б. М. Зима читал лекционные курсы

¹⁹ Том VII. Кн. 2 В. М. Плоских

и вел практические занятия по древней, средневековой и новой истории, по истории СССР.

1936 г. ознаменовался важным событием в культурной жизни Киргизии — Киргизским государственным педагогическим институтом был осуществлен первый выпуск специалистов.

В следующем, 1937 г., по инициативе и под руководством Б. М. Зимы была осуществлена историко-археологическая экспедиция, сыгравшая немалую роль в исследовании древней и средневековой истории Киргизии. Активное участие в экспедиции приняли студенты исторического факультета.

Это была первая экспедиция педагогического института, которая обследовала памятники истории и культуры на большей части территории Киргизии. Несмотря на то, что она носила разведывательный характер, ее результаты представляют большой научный интерес.

На территории Нарынской области основные исследования экспедиции были сосредоточены на изучении каравансарая Таш-Рабат. Кроме того, экспедиция осмотрела городища Кошой-Курган и выявила ряд курганных могильников в бассейнах рек Кара-Коюн, Ат-Баши и Нарын.

Значительно больший объем работ был выполнен в Иссык-Кульской котловине. Здесь осматривались памятники кочевого и оседло-земледельческого населения на участках от г. Чолпон-Ата до с. Тюп и от г. Пржевальска до Тонской долины. Экспедиция обследовала место находки предметов сакского жертвенного комплекса у с. Семеновка, которые были случайно обнаружены колхозниками. В местности Ак-Улен выявлены наскальные изображения и средневековые надписи. Интересный комплекс работ экспедиция провела в районе Тюпского залива.

В Чуйской долине экспедиция уделила большое внимание обследованию городищ Бурана, Ак-Бешим, Красная Речка, Сокулук, Беловодское и Шиш-Тюбе. Кроме того, из различных мест Чуйской долины в г. Фрунзе были

доставлены каменные изваяния. Особенно большой объем работ экспедиция выполнила по фиксации курганных могильников сако-усуньского времени на участке от г. Фрунзе до с. Чалдовар.

В долине р. Талас осмотрены городища Садыр-Курган, Ак-Тюбе II (у с. Орловка), Ак-Тюбе I (у г. Талас), в местности Кумыштаг. В бассейне р. Ур-Марал обнаружены следы древней ирригационной сети. Тщательному изучению был подвергнут гумбез Манаса. Проведены его всесторонняя фотофиксация, обмеры, сбор сведений у населения об этом замечательном памятнике. Внутри мавзолея впервые были осуществлены раскопки, в результате чего удалось выявить три захоронения. На трассе с. Кировское — г. Талас фиксировались гумбезы XVIII—XIX вв. В местности Кулан-Сай были сфотографированы надписи, состоящие из 18 вертикальных строк, высеченных на громадной скале. В этом же урочище и ущелье Чиим-Таш выявлены наскальные рисунки.

На территории Ошской области экспедиция занималась изучением истории городов Ош и Узген, городища у с. Мады.

Материалы, собранные экспедицией, положили начало созданию историко-археологического кабинета при Киргизском пединституте. Впоследствии экспонаты кабинета пополнили фонды Музея национальной культуры республики, а ряд наиболее уникальных находок, в том числе и Иссык-Кульские жертвенники, был передан в дар Государственному Эрмитажу.

Результаты работы экспедиции получили высокую оценку со стороны ряда научно-исследовательских учреждений и отдельных ученых. Крупный советский археолог А. Н. Бернштам писал: «В 1937 г. кафедра истории Киргизского педагогического института провела обследование значительной части Киргизии — южной и северной, причем удалось собрать весьма интересные в историческом

отношении материалы. Среди собранных материалов особое значение имеют выявленные экспедицией случайные находки бронзовых вещей (жертвенники, светильники, котел) сакского периода; собраны коллекции по средневековому периоду. Большую научную ценность имеют фотографии памятников старины Киргизии».

Археологические исследования Б. М. Зима не прерывал и в дальнейшем. В 1938–1941 гг. он вместе с другими преподавателями и студентами исторического факультета принимал активное участие в экспедициях Комитета наук при СНК Киргизской ССР и Института истории материальной культуры АН СССР. Он руководил студенческим археологическим кружком на историческом факультете. В 1938 г. он обследует место находки Сокулукского клада бронзовых предметов. Благодаря его стараниям эту уникальную находку удалось спасти для науки. Впоследствии предметы клада получили освещение в его статье.

Педагогическую и научную деятельность Б. М. Зимы прервала Великая Отечественная война. В январе 1942 г. он был призван в армию и до Победы находился на действующих фронтах. Участвовал в боях на Воронежском и Прибалтийском фронтах, в боевых операциях в Германии — на Одере, в Верхней и Нижней Силезии, а затем в составе I Украинского фронта — в освобождении Чехословакии.

Службу в Советской Армии он завершил в марте 1946 г. в Венгрии. За самоотверженную борьбу против фашистских захватчиков Зима Б. М. был награжден орденом Красной Звезды, медалями: «За боевые заслуги»; «За освобождение Праги», «За победу над Германией».

После возвращения из армии Б. М. Зима снова стал одним из ведущих преподавателей факультета, отдавал все свои силы и знания подготовке учительских и научных кадров, научным исследованиям.

В 1946 г. Б. М. Зима возглавил археологическую экспедицию Киргизского государственного пединститута

для изучения наскальных изображений в урочище Саймалы-Таш. Несмотря на трудности тех лет, экспедиция проделала большую и важную работу по исследованию этого уникального заповедника древнего изобразительного искусства Кыргызстана. Были проведены фотографирование и эстампирование рисунков, а также их классификация. Всего в урочище удалось выявить несколько тысяч изображений, дающих представление о многих сторонах жизни и занятиях древнего населения Кыргызстана. Материалы исследований наскальных изображений урочища Саймалы-Таш легли в основу кандидатской диссертации Б. М. Зимы, которая была успешно защищена в 1948 г., а научные изыскания нашли отражение в ряде его публикаций.

Возглавляемые им экспедиции и научные публикации 40–50-х гг. сыграли важную роль в становлении киргизской археологии как науки. Он был первооткрывателем интереснейших памятников эпохи бронзы, ранних кочевников, наскального изобразительного искусства. Его публикации по этим вопросам не утратили научной значимости и по сей день, хотя последующие исследования и позволили уточнить некоторые положения, высказанные им на основе изучения относительно ограниченного материала, которым располагала наука в то время.

Это касается, прежде всего, преувеличения культурного влияния ахеменидского Ирана на территорию Семиречья в VI–V вв. до н. э. и атрибуции исык-кульских жертвенников как материального аргумента в пользу исповедования зороастризма сакскими племенами. Новые исследования позволили ученым высказать предположения о том, что мировоззрение саков содержало лишь «элементы зороастризма» [13, с. 253], или что учение Заратуштры оказало серьезное воздействие лишь на часть сакских племен, кочевавших поблизости от оседло-земледельческих областей Бактрии, Маргианы, Хорезма и Согда. Семиреченских саков

трудно причислить к близким соседям одной из этих областей. Скорее всего, описанные Б. М. Зимой жертвенники, как и вновь открытые у с. Чельпек, г. Пржевальска и в Тянь-Шаньском районе связаны с древним культом солнца и огня в самых различных его проявлениях. Насколько этот культ был связан с зороастризмом, в настоящее время не поддается определению.

Новые данные, полученные на основе изучения большого числа памятников андроновской культуры, позволили уточнить дату Сокулукского клада, предложенную Б. М. Зимой. Если он считал, что клад представляет собой комплекс орудий ранней стадии эпохи бронзы, то сейчас все исследователи единодушно относят его к поздней стадии.

Сохранили свое научное значение и статьи Б. М. Зимы по изучению наскальных рисунков Киргизстана. Следует иметь в виду, что последующие исследования с применением методов математической статистики расширили знания о них и дали новые наблюдения и выводы.

Таким образом, несмотря на публикацию новых материалов по древней истории Киргизстана, обзорные работы Б. М. Зимы, как и его статьи по частным проблемам археологии, в историографическом и научном планах остаются необходимым пособием для всех, занимающихся изучением прошлого нашей республики.

Неизмерим вклад Б. М. Зимы в подготовку педагогических и научных кадров, в развитие исторического образования в республике.

Его школу лектора, руководителя семинаров и специальных семинаров, дипломных работ и диссертаций прошли сотни историков. В его лишенных внешних красок лекциях открывался живой мир научного познания. Доверие к пытливости студентов, вера в их творческие возможности вызывали плодотворную ответную реакцию. Он всегда чувствовал органическую потребность передавать свои огромные знания, воспитывая новые поколения ученых-и-

сториков. Он подготовил целую школу исследователей, которые трудятся в научных учреждениях и учебных заведениях республики. Особенно значительны его заслуги в подготовке национальных кадров историков.

Б. М. Зима отдавал много сил и времени научно-организационной работе. Его отличали постоянное внимание к проблемам развития науки и воспитания новых поколений ученых-историков, к вопросам исторического образования. Им был разработан лекционный курс по историографии истории Киргизии. Он возглавил работу по составлению программ по истории Киргизской ССР для университета и для средней школы.

Б. М. Зима вел большую научно-редакторскую работу. Вышедшие в свет 13 томов «Трудов истфака» — плод неустанных забот и широкого научного кругозора Б. М. Зимы, неизменно оказывавшего огромную помощь молодым ученым факультета, работающим в самых различных областях исторической науки.

Ученый-коммунист Б. М. Зима всегда находился в гуще общественной жизни. Он неоднократно избирался членом парткома Киргосуниверситета, секретарем партийной организации истфака, членом партийного бюро факультета, возглавлял методическую комиссию, руководил научным студенческим обществом, был организатором и участником многих интересных мероприятий на факультете. Он активно занимался пропагандой исторических знаний в массах.

Широкая эрудиция, замечательные личные качества, глубокая и постоянная заинтересованность в развитии науки и подготовке кадров историков снискали ему уважение и любовь не только многочисленных учеников, но и всех тех, кто знал его лично, пользовался его помощью и поддержкой.

Ученый, широко известный педагог, воспитатель многих поколений исследователей, патриот и пропагандист науки Б. М. Зима внес заметный вклад в ее развитие.

Он был одним из инициаторов создания монографии «История Киргизской ССР». Подготовка этого труда была начата в конце 40-х гг. В начале 50-х гг. был подготовлен макет «Очерков по истории Киргизской ССР», ч. 1 (с древнейших времен до 1917 г.). Автором предисловия и редактором этого тома являлся Б. М. Зима.

В 1956–1968 гг. вышло в свет три издания «Истории Киргизской ССР». В этом коллективном труде освещена история киргизского народа с древнейших времен и до наших дней. Профессором Б. М. Зимой написан в этом исследовании раздел, посвященный периоду предвоенных лет. Интерес Б. М. Зимы к изучению истории Киргизии в годы третьей пятилетки был не случайным. В период подготовки второго и третьего изданий «Истории Киргизской ССР» вопросы социально-экономического, политического, культурного развития Киргизстана не получили еще достаточного освещения. До сих пор отсутствует научный труд, в котором бы в целом освещалась история республики в годы третьей пятилетки. Глава о развитии Киргизстана в предвоенные годы третьей пятилетки, написанная Б. М. Зимой, в определенной степени восполняет этот пробел.

Большое место в исследованиях профессора Б. М. Зимы занимает изучение вопросов истории Коммунистической партии и одного из ее отрядов — Компартии Киргизии в годы довоенных пятилеток. Он — член авторского коллектива первого и второго изданий «Очерков истории Коммунистической партии Киргизии» (1966, 1979 гг.). Богатый фактический материал, солидная источниковая база позволили ему осветить деятельность Компартии Киргизии, показать непреходящее значение помощи русского и всех народов нашей страны в преодолении былой социально-экономической отсталости Киргизстана.

Разработка профессором Зимой Б. М. вопросов истории Киргизии и ее парторганизации в 1937–1941 гг. является существенным вкладом в историографию республики.

Значительное внимание в трудах профессора Б. М. Зимы уделено анализу процесса становления и совершенствования высшей школы, создания научных кадров Советского Кыргызстана в целях успешного решения проблем развития социалистического хозяйства и культуры киргизского народа. Реализация этих задач, как известно, в условиях Киргизии была сопряжена с целым рядом дополнительных трудностей. Предстояло подготовить качественный скачок от патриархально-феодалных отношений и поголовной безграмотности к вершинам науки. Пути и формы его конкретного осуществления нашли отражение в исследованиях Б. М. Зимы.

Профессор Б. М. Зима — один из ведущих специалистов в изучении проблем советской историографии истории Киргизии. Краткий ретроспективный обзор его научного наследия показывает, насколько широк диапазон его исследования в этой области. Анализируя его работы, преимущественно носящие очерковый характер, можно заметить, что объектом изучения были не только отдельные стороны историографии истории Киргизии, но и обобщение целого этапа в становлении и развитии исторической науки в республике. Разноплановость тематики удачно сочетается с широкой хронологических рамок исследования. Библиография трудов профессора Б. М. Зимы не ограничивается работами чисто научно-исследовательского плана. В перечень его творческих изысканий можно включить исследования и научно-пропагандистского профиля: разработки лекционных и программно-методических материалов для студентов. Позитивность такого рода исследований определяется, прежде всего, сочетанием в нем научно-исследовательского характера с пропагандистской и педагогической направленностью.

Заметное место в научно-педагогической деятельности Б. М. Зимы занимает разработанный им курс: «Историография истории Киргизии».

Как один из ведущих специалистов-историков Б. М. Зима очень часто выступал на страницах журналов и газет с рецензиями на вышедшие в свет труды по истории Киргизии. Знание научного материала, принципиальность, доброжелательность — вот основные критерии его подхода к той или иной научной публикации.

Будучи разносторонне подготовленным педагогом и ученым, Б. М. Зима вел активную пропагандистскую работу, выступая на страницах периодической печати со статьями на русском и киргизском языках, с докладами и сообщениями на республиканских и всесоюзных научных совещаниях.

После участия в работе 1-го Всесоюзного совещания по высшей школе в мае 1938 г. в Москве Б. М. Зима развернул, с участием студентов истфака, работу по изучению памятников древности Киргизии. Заметным результатом этого стала организованная им в мае 1941 г. конференция историков, которая подвела итоги первых научных изысканий исторического факультета.

В феврале 1960 г. Б. М. Зима принял участие в работе межвузовской научной конференции в г. Воронеже, посвященной проблемам историографии отечественной и всеобщей истории, где выступил с докладом «Историческая наука в Киргизии после XX съезда КПСС».

В мае 1972 г. он принял участие в работе Всесоюзной научной конференции в г. Киеве, посвященной обобщению опыта написания истории городов и сел, фабрик и заводов, колхозов и совхозов СССР.

По приглашению Министерства высшего и среднего специального образования СССР Б. М. Зима принимал участие в январе 1973 г. во Всесоюзном совещании работников высших учебных заведений.

В год 60-летия Великого Октября Б. М. Зима участвует в международной научно-теоретической конференции «Великий Октябрь и современная эпоха», проходившей в ноябре 1977 г. в Москве.

За заслуги в научно-педагогической работе, в коммунистическом воспитании молодежи Б. М. Зима награжден орденом Ленина, орденом «Знак Почета», медалью «За доблестный труд» в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, знаком «Отличник народного образования». Признанием больших заслуг Б. М. Зимы в подготовке учительских кадров республики явилось присуждение ему звания «Заслуженный учитель Киргизской ССР», а в области науки — «Заслуженный деятель науки Киргизской ССР». Многолетний труд Б. М. Зимы был отмечен Грамотой Министерства высшего и среднего специального образования СССР, Грамотой Министерства народного образования Киргизской ССР, Республиканского комитета профсоюзов и др.

1979 год был насыщен большой педагогической и научной работой. В соавторстве Б. М. Зима завершил большую сводную статью для Киргизской советской энциклопедии — Коммунистическая партия Киргизии. Это была последняя его значительная работа. 17 декабря 1979 г. его не стало.

Воздавая должное профессору Б. М. Зиме, отдававшему без остатка все знания и силы делу процветания Советского Кыргызстана, энтузиасту развития народного образования и науки в республике, киргизский народ увековечил его память: на доме, где он жил, прикреплена мемориальная доска, одна из улиц г. Фрунзе названа его именем, кабинет на историческом факультете Киргосуниверситета и школа № 2 г. Фрунзе носят его имя.

Научные работы профессора Б. М. Зимы занимают достойное место в киргизской советской исторической науке.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Очерк жизни и деятельности профессора Б. М. Зимы // Б. М. Зима. Избранные научные труды по истории Компартии Киргизии и истории Кирг. ССР. Фрунзе: Кыргызстан, 1982.

ТАЛАНТЛИВЫЙ УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ЧЕЛОВЕК

Я лично, как и мои друзья — историки-однокашники по Кыргызскому университету: Джениш Джунушалиев, Владимир Мокрынин, Геннадий Харченко — знали Сабыра Аттокуровича со студенческой скамьи, с первого курса исторического факультета. Именно тогда, в 1956 г. после окончания университета, молодой, красивый, холостой ученый пришел работать к нам преподавателем.

На наших глазах он через два года защитил кандидатскую диссертацию (правда, что это такое, мы тогда очень смутно предполагали), но когда Сабыр Аттокурович стал сразу же старшим преподавателем и одним из наших руководителей на сельхоз-работах, мы это сразу почувствовали. Помню, что его очень ценил и любил наш общий обожаемый учитель, зав. кафедрой истории Киргизии Борис Михайлович Зима.

В 1969 году он успешно защитил докторскую диссертацию и стал профессором КГУ, автором серии научных работ по истории индустриализации Киргизии и развитию промышленности в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. После публикации русско-киргизского словаря по этнографии (1979 г.) доктор наук С. А. Аттокуров одним из первых публикует монографию о Тагай-бие и Тайлак-батыре, по исторической этнографии — равно научно и популярно на русском и кыргызском языках.

Все было, казалось бы, хорошо — прекрасная жена — Кулуйпа, подружка моей Воропаевой, дети, любимая работа, научно-педагогическая карьера. Пока неожиданно не грянул гром. Если не ошибаюсь, в газете «Правда» — основном печатном органе ЦК КПСС, появилась довольно несерьезная

и бездоказательная, но, тем не менее, идеологически опасная статейка о пропагандистской кампании борьбы с национализмом в республиках СССР, где был упомянут и наш учитель.

И здесь — пошло-поехало. Проработка на партсобрании, исключение из партии, снятие с работы. Его как прокаженного сторонились коллеги по науке и преподавательской деятельности. Это было в 1987 г. Я работал тогда в бюро Отделения общественных наук Академии, директором Института был А. Каниметов, президентом нашей Академии был академик Н. П. Лаверов.

Из университета Сабыр Аттокурович вынужден был уйти после «исключения из рядов КПСС за ошибки националистического характера», как он сам написал в автобиографии 29/VII-87 г.

На работу его никто не хотел принимать, особенно педагогическую. И здесь благородную роль, как я знаю, сыграл А. Ч. Какеев, тогда еще не академик, а зам. зав. отделом науки и учебных заведений ЦК Компартии Киргизии. По согласованию с одним из секретарей ЦК он созвонился с Лаверовым и рассказал о мытарствах Сабыра Аттокурова. Тот поинтересовался, действительно ли Аттокуров такой злостный националист? И после разъяснения Какеева, что профессор просто попал в струю пропагандистской кампании, Лаверов сказал: «докторами наук зря не разбрасываются». И отдал приказ (несмотря на сопротивление директора Института), чтобы зачислили Аттокурова старшим научным сотрудником в Институт истории в группу «Свода памятников». Что и было сделано А. Каниметовым 29 июля 1987 года.

Так мы стали коллегами уже по Академии. Я руководил тогда подготовкой V тома Свода памятников (Иссык-Кульской области).

Работа была спокойная. К 1991 г. план по «Своду памятников» Институт так и не выполнил. Началась кадровая

чехарда. О планах и о «Своде» все забыли. И, к сожалению, не вспоминают и сейчас. А жаль. Пять томов (каждый по одной области и г. Фрунзе) были почти готовы. Их, считаю, следует реанимировать — уже новому коллективу — и опубликовать. Это было бы хорошим мероприятием и Академии, и университета, и Министерства культуры в ответ на новый Закон об охране и использовании памятников истории и культуры Кыргызстана. Это была бы хорошая память и о докторе исторических наук, профессоре Сабыре Аттокуровиче Аттокурове.

Публикуется по изданию:

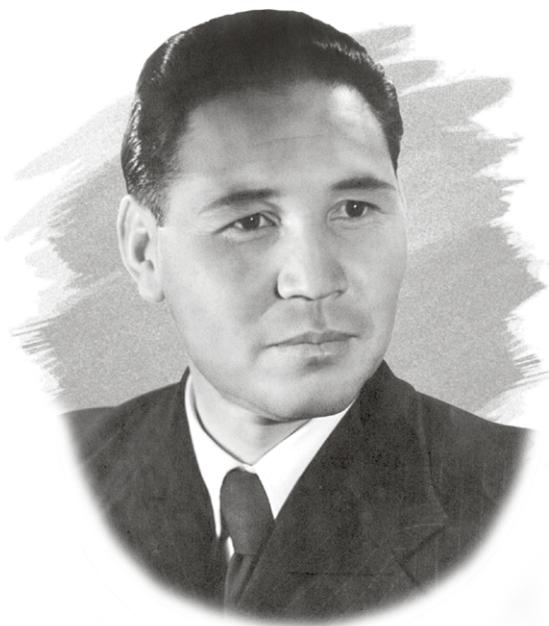
Плоских В. М. Талантливый ученый, педагог, человек // Актуальные проблемы истории Кыргызстана : материалы республиканской научной конф., посв. 80-летию проф. Аттокурова С. А. Бишкек, 2013.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О К. К. ОРОЗАЛИЕВЕ

Это имя для меня много значит. Он, считаю, сыграл решающую роль в воспитании из меня ученого-кыргызоведа — от кандидата и доктора исторических наук, зам. директора Института истории АН Киргизской ССР (Орозалиев К. К. — директор) до академика и вице-президента Национальной Академии наук суверенной Кыргызской Республики.

И сегодня ярко помню тот знаменательный сентябрьский день 1960 г., когда я, молодой выпускник Киргосуниверситета, пришел в поисках научной работы в Академию наук республики. И нахально (это я сегодня осознаю) ввалился в кабинет директора Института истории АН Киргизской ССР. Благо, секретарь отсутствовал, иначе меня вряд ли допустили бы в кабинет бывшего секретаря ЦК Компартии Киргизии, кандидата наук, директора Института. Я сразу огорошил удивленного директора как неожиданным появлением, так и прямым вопросом, есть ли у него для меня работа.

Удивленно посмотрев на меня, он жестко спросил: «А вы кто, молодой человек?» Я без стеснения ответил: «Выпускник Киргосуниверситета, имею диплом с отличием, хотел бы заниматься историей». Директор уже мягче сказал: «Защитите диссертацию по истории, тогда и приходите, посмотрим». Я, правда, ничего иного и не ожидал. И даже еще не знал, что это такое и как нужно защищать научную диссертацию. Обескураженный, извинившись, двинулся к выходу. Вдруг директор неожиданно задержал меня и спросил, а чем бы я хотел заниматься? Я ответил, что

К. К. Орозалиев

мне все равно. И чуть было не вышел. Директор снова притормозил меня: «Постойте, молодой человек. Впрочем, можно попробовать: ушла в декрет лаборант из сектора дореволюционной истории Кыргызстана. Так что можете занять ее место. Но предупреждаю, только временно. Через полгода она, возможно, вернется, и Вы будете свободны. Так что я ничего обещать не могу. Кстати, какова была тема вашей дипломной работы? Дипломную работу я писал по истории дореволюционного Пишпека. Это директора устраивало. Я, конечно, согласился, даже не спросив, что это за должность такая — лаборант. Вопрос был решен.

Работа мне понравилась: нужно было делать выжимки из книг по определенной теме для ученых, выявлять архивные документы, редактировать чужие рукописи, не всегда

грамотные документы (благо, я заочно заканчивал филфак и неплохо знал русский язык и стилистику). Этот выбор директора института и решил мою научную судьбу на всю жизнь. Я стал историком: через год был зачислен в аспирантуру, успешно в срок защитил кандидатскую диссертацию по истории земельных отношений кыргызов до присоединения к России, а затем докторскую о взаимоотношениях кыргызов с Кокандским ханством. Я старался не касаться советской тематики даже тогда, когда этого требовала моя должность зам. директора Института истории.

Сегодня, с высоты полувековой научной деятельности я понимаю, как меня «выучивал» К. К. Орозалиев, как покровительствовал мне в научной карьере. Именно он спас меня от научной репрессии, когда я был подвергнут суровой критике с высокой партийной трибуны от первого секретаря ЦК Компартии Киргизии.

Другие ученые, подвергнутые критике вместе со мной, поплатились довольно серьезно — это и знаменитый этнограф-кыргызовед. С. А. Абрамзон, и доктор наук, правовед К. Нурбеков и Р. Тургунбеков. Я же остался в должности зам. директора Института, как позже узнал, благодаря личному поручительству К. К. Орозалиева (критиковали меня по партийной линии за «идеализацию» прошлого и «прославление» баев и манапов, искавших покровительства у России — то есть как раз за то, что стало исторической идеей суверенного Кыргызстана с конца ХХ столетия).

Подобные сложные ситуации случались и с другими научными сотрудниками. Этим эпизодом я хотел бы подчеркнуть воспитательную роль К. Орозалиева в подготовке научных кадров, рассказать о его человеческих качествах, что не нашло отражения в официальных документах — личном листке, характеристиках, наградах, списке научных трудов К. К. Орозалиева.

Керимкул Кенжеевич воспитал основные научные кадры историков республики. Под его руководством и при его

²⁰ Том VII. Кн. 2 В. М. Плоских

участии изданы академические научные труды по истории Кыргызстана и истории Компартии Кыргызстана. При этом он не преувеличивал свою роль в развитии исторической науки, скромно оставаясь «всего лишь» кандидатом исторических наук, но, тем не менее, был избран членом-корреспондентом Академии наук Киргизской ССР.

К. К. Орозалиев был человеком своей эпохи — советской, и все ее достижения и успехи были его успехами и достижениями. И все недостатки того времени были и его недостатками. Можно, конечно, критиковать Орозалиева как секретаря ЦК Компартии Киргизии за идеологический диктат (это был диктат партии), за цензуру в науке (это была установка партии), за жесткость в кадровой политике и дисциплине (это было веяние времени). Он был человеком своей эпохи и искренним партийцем. Поэтому не только успехи и достижения советской эпохи, но и ее недостатки являются уделом всех руководителей того времени. Критиковать это с сегодняшней колокольни — не дело. Правильнее все это понять — не только недостатки, но и достижения. Понять и осознать, какие люди творили историю страны.

Да, сегодня другое время! Да, сегодня мы по-новому оцениваем прошлую историю, далекую и не слишком, более критично, более научно. И думаю, надо отдать должное таким людям как К. К. Орозалиев, К. К. Каракеев, Т. У. Усубалиев и другим научным и партийным руководителям, которые в свое время, на своем месте отдавали все силы и всю энергию для достижения цели, в которую они искренне верили.

Я думаю, несмотря на критику и недооценку таких личностей, они остались достоянием истории, яркими представителями своего народа. Ибо нет одноцветной картины и только черно-белых тонов, а жизнь представляется в многоцветии и состоит не только из взлетов и побед, но и падений и поражений. Воспримем же это как историческую реальность и воздадим ей должное.

Отчетливо помню творческое содружество нашего Института истории с московскими академиками И. Минцем и М. Кимом, которые были нашими консультантами и шефами по проблемам истории Октябрьской социалистической революции и проблемам культурного строительства в национальных республиках.

Известные академики России, лидеры в своей области Исаак Израилевич Минц и Максим Павлович Ким неоднократно приезжали в Институт, консультировали специальные и коллективные работы. Коллеги не раз отмечали, с каким радушием и теплотой Керимкул Кенжеевич встречал московских гостей и вел себя как хлебосольный хозяин.

Хотелось несколько добрых слов сказать о научном наследии К. К. Орозалиева, явно недооцененном как его современниками, так и историками нового поколения. Керимкул Кенжеевич является автором нескольких серьезных научных публикаций, в том числе монографий.

Для меня стало полной неожиданностью, когда я недавно обнаружил публикацию К. К. Орозалиева 1939 г. Вторая неожиданность — участие К. К. Орозалиева в подготовке и издании юбилейной книги «XV лет Киргизской ССР», выпущенной в 1941 г. Вышедшая в свет накануне Великой Отечественной войны, эта книга фактически стала первой попыткой обобщить имеющийся материал по истории Киргизской ССР. Затем, спустя 15 лет, в 1956 г. усилиями коллектива авторов будет издан дополненный и переработанный труд по истории Кыргызстана. Эти два издания заложат основы трем последующим уже многотомным «Историям Кыргызстана», написанным на все более расширяющемся круге письменных источников и архивных документах, археологических артефактов.

И здесь следует упомянуть первую в исторической науке республики историографическую монографию, написанную под руководством К. К. Орозалиева в соавторстве с В. П. Шерстобитовым и Д. Ф. Винником — «История исто-

рической науки советского Кыргызстана», которая заложила основы всех последующих публикаций по историографии Кыргызстана и источниковедению. Но об этом ниже.

И, наконец, о самом фундаментальном авторском труде К. К. Орозалиева — «Исторический опыт перехода киргизского народа к социализму, минуя капитализм». Эта работа должна была стать докторской диссертацией Керимкула Кенжеевича, которую он так и не стал сознательно защищать. Фундаментальная и многогранная для своего времени книга была опубликована в 1974 г. под редакцией заслуженного деятеля науки республики, доктора исторических наук Виктора Павловича Шерстобитова. Я в это время уже в должности зам. директора Института истории по науке, принимал самое активное участие в подготовке и издании вышеназванной монографии, хотя тематически она была далека от моих научных интересов. Большую подготовительную работу провела кандидат исторических наук Бэлла Дубленникова и редактор издательства В. К. Погорелова.

В монографии по методологии своего времени («марксистско-ленинской») и с широким использованием архивных и статистических материалов описывались особенности перехода киргизского народа от докапиталистических (патриархально-феодальных) отношений к социалистическим. Работа оказалась фундаментальной, насыщенной новыми архивными документами, представляла несомненный научный и директивный материал (как руководителя крупного академического Института) и широко использовалась в последующих сводных изданиях «Истории Киргизской ССР». К сожалению, книга не избежала и критики недоброжелателей. Но эта критика за пределы рассмотрения в партийных органах не вышла и не повлияла ни на судьбу автора, ни на научную переоценку книги.

Надо сказать, что изданию этой фундаментальной работы К. К. Орозалиева предшествовали серьезные публикации автора по самым различным проблемам исторической науки,

источниковедения, по Отечественной истории и истории партии Кыргызстана. Еще весной 1941 г. под редакцией Д. Атаева, М. Догдурова, Г. Куранова, И. Лобанова, К. Орозалиева, Д. Шукурова и др. выходит первая обобщающая работа по истории Кыргызстана с древнейших времен до 1940 г.. Книга открывается обозначенным впервые академиком В. В. Бартольдом тезисом, что «киргизский народ один из древнейших народов Средней Азии». Первые известия о существовании киргизов относятся к 201 г. до н. э.

Четверть века спустя, в 1966 г., К. К. Орозалиев издает авторскую книгу «40 лет Киргизской ССР (исторический очерк)», где в первом разделе «страницы прошлого» повторяет почти слово в слово этот тезис («киргизы — один из древнейших народов, населяющих Среднюю Азию»). Этот тезис стал стержневым и во всех последующих трудах ученых Кыргызстана — от однотомника «История Киргизии» (1956), двухтомника «История Киргизской ССР» (1968), до пятитомной «История Киргизской ССР» (1984—1988). К. К. Орозалиев выступал как редактор и один из авторов этих сводных трудов.

Примечательный факт: пока К. К. Орозалиев возглавлял Институт истории АН Киргизской ССР, затем Институт истории партии при ЦК КП Киргизии — он упоминается как член авторского коллектива исторических изданий. Стоило ему выйти на пенсию — его тут же исключают из редакторов и авторов пятитомной «Истории Киргизской ССР» (1986). Даже в библиографическом списке использованной литературы не упоминаются его книги (не говоря о научных статьях).

Здесь уместно напомнить, что у К. К. Орозалиева были не только труды по советской истории Кыргызстана, но и работы по историографии, археологии и охране исторического культурного наследия. Хочется упомянуть книгу «Очерк истории исторической науки в Советском Кыргызстане (1918—1960 гг.)» в соавторстве с В. П. Шерстобитовым

и Д. Ф. Винником), изд. 1961 г., статьи во втором выпуске научно-популярного сборника «Памятники Кыргызстана».

К. К. Орозалиев накануне был избран зам. председателя Киргизского республиканского добровольного общества охраны памятников истории и культуры (первым был академик Б. Д. Джамгерчинов) и назначен главным редактором научно-популярного сборника. В своей редакционной статье К. К. Орозалиев определил цели и задачи по охране памятников истории и культуры Кыргызстана, которые худо-бедно реализовывались в советские годы, но были практически преданы забвению в годы суверенитета, хотя сохраняют актуальность до сегодняшнего дня. Вдохновленный этой темой, К. К. Орозалиев выступил в конце 1968 г. (27 сентября — 6 октября в Душанбе) на международной конференции, проводимой ЮНЕСКО по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху.

В 1972 г. я по инициативе директора Института истории К. К. Орозалиева, по согласованию с президентом АН Киргизской ССР, был назначен зам. директора Института по научной работе. Работа большая, ответственная и во многом касалась сфер, которые я, честно говоря, мало знал и которыми не особенно интересовался (в частности, советским периодом, на котором был задействован и основной костяк ученых, в том числе и академиков, членов-корреспондентов и докторов наук, не говоря уже о кандидатах). Управлять таким хозяйством было сложно (тем более, что основную работу, естественно, директор возложил на зама). Пришлось поднапрячься. С течением времени освоился. Тем более, справедливости ради надо сказать, что все острые вопросы и дела «наверху», т. е. в Президиуме Академии и ЦК партии К. К. Орозалиев решал всегда сам. И всегда в пользу Института.

Хорошо помню свою первую поездку как зам. по науке по археологическим объектам. Работа археологов мне была понятна, сам уже почти десять лет проработал лаборантом

в археологических отрядах, даже будучи уже кандидатом наук (что греха таить — для дополнительного заработка в отпускной период). Работал в отрядах А. Абетекова, Д. Винника, М. Юнусалиева, И. Кожомбердиева и др.

Я впервые был назначен руководителем комплексной экспедиции, состоящей из десяти археологических отрядов в Таласе (руководителем отряда был к.и.н. П. Кожемяко), на Иссык-Куле (руководитель Д. Винник), в Кетмень-Тюбе (руководитель И. Кожомбердиев), в Ферганской долине (руководитель М. Юнусалиев).

Основные финансовые средства были выделены администрацией строящейся Токтогульской ГЭС, здесь же, естественно, сосредоточились археологи, этнографы, историки всех десяти отрядов. Наша основная цель была посвящена ознакомлению с археолого-этнографическими работами в долине Кетмень-Тюбе, подлежащей затоплению.

К. К. Орозалиев имел возможность увидеть памятники и находки древнейших артефактов Кыргызстана, т. е. лично ознакомился с тем, о чем он докладывал на «Кушанской» конференции. Со знанием дела, с глубокими познаниями в археологии и в то же время с неподдельным интересом К. К. Орозалиев осмотрел работы археологов, выявленные артефакты древней истории от палеолита, эпох бронзы и саков, до средневековых тюркских памятников.

Сегодня уже определенно можно сказать, что только благодаря заинтересованности директора вскоре было опубликовано с цветными иллюстрациями два сборника статей-отчетов о Кетмень-Тюбе: один — об археологических раскопках и находках, второй — по этнографическим исследованиям. В первом сборнике были статьи И. Кожомбердиева, во втором — К. Антипиной. Мне посчастливилось принять участие в подготовке к изданию и редактировании обеих книг.

И, наконец, наследницей предшествующих публикаций по истории Кыргызстана К. К. Орозалиева можно считать созданную по его инициативе 5-томную «Историю

Киргизской ССР». Это издание, последнее в советский период, как бы подводит итог всем предшествующим научным исследованиям в области археологии, истории, фольклора, манасоведения, этнографии и культуры. Основной ключевой вывод по дискуссионной проблеме этногенеза киргизского народа выглядит так: «Киргизская народность сложилась на базе автохтонных племен и племенных объединений, которые ассимилировались с племенами центрально-азиатского происхождения. Ранняя этническая история Кыргызстана связана с древнейшими племенными союзами саков, усуней, гуннов. В эпоху тюркских каганатов и последующих кочевых объединений племена, вошедшие в дальнейшем в состав киргизской народности, формировались в среде тюркоязычного населения Тянь-Шаня и Саяно-Алтая. Часть племен соседнего Алтая и Прииртышья, носившие с IX в. название киргизов, передвинулась после монгольского нашествия на Тянь-Шань, где слилась с местным населением. Этот процесс завершился к XV в. образованием киргизской народности.

Уточняю — это процесс сложения киргизской народности, что вовсе не исключало и не противоречило существованию киргизов как племени и племенного объединения еще во II в. до н. э. на нынешней территории Кыргызстана и соседнего Восточного Туркестана, что зафиксировано китайскими источниками и позволило академику В. В. Бартольдзу назвать киргизов одним из древнейших народов Центральной Азии.

Такие умозаключения К. К. Орозалиев оттачивал в дискуссиях с известными историками-киргизоведами С. Г. Кляшторным, Ю. С. Худяковым, В. П. Мокрыниным. Я, как главный редактор первого тома и ответственный секретарь всего издания, будучи зам. директора Института истории, был свидетелем и участником выработки такого заключения. Этот базовый вывод, к формулировке которого имеет непосредственное отношение К. К. Орозалиев, не опровергнут

и новейшей историографией, хотя появились и новые интересные гипотезы.

К сожалению, даже в его прижизненном библиографическом справочнике «Кто есть кто в кыргызской науке», опубликованном в 1997 г. под редакцией академика У. А. Асанова, Керимкулу Орозалиеву отведено всего менее трети страницы информации, где он скромно назван всего лишь специалистом в области истории партии (имея, вероятно, в виду его участие в редакции и соавторстве «Очерков истории компартии Киргизии»). Еще раз, к сожалению, приходится отметить, что объективность оценки в отношении К. Орозалиева уступает место субъективности.

К. К. Орозалиев был одним из авторов первого издания «Очерков истории Коммунистической партии Киргизии» (Фрунзе, 1966), являлся руководителем авторского коллектива второго, переработанного издания «Очерки истории Коммунистической партии Киргизии» (Фрунзе, 1979). В составе авторов были практически все ведущие историки республики — от академиков Б. Д. Джамгерчинова и С. И. Ильясова, членов-корреспондентов К. К. Орозалиева, А. Г. Зима, С. Т. Табышалиева и А. К. Карыпкулова, до Г. В. Харченко и В. А. Воропаевой. Но это был второй этап научного творчества К. К. Орозалиева.

Эта работа для него, да и его коллег — была официальной, так сказать, «по долгу службы» — все авторы являлись сотрудниками Института истории партии при ЦК Компартии Киргизии, и написание «Очерков» составляло плановую часть их общей работы. Основное направление научной деятельности и интерес большинства сотрудников лежали вне этой стороны творчества.

Надо, однако, отметить и первую как бы «заказную», большую, редакционную статью К. К. Орозалиева как секретаря ЦК Компартии Киргизии в газете «Советская Киргизия» 14 октября 1947 г. Тогда ему по долгу службы пришлось с партийно-идеологических позиций ЦК ВКП(б)

проанализировать всю научную работу обществоведов Киргизии и подвергнуть критике опубликованные труды кыргызских ученых. К. К. Орозалиев прилежно выполнил это задание, грамотно, с идеологических позиций партии своего времени, разобрал публикации таких авторитетных ученых, заложивших основы археологии, этнографии, истории, литературоведения в Киргизии, как А. Н. Бернштам, С. М. Абрамзон, Б. Д. Саманчин и др.

Правда, эта официальная критика научных работников не привела к каким-либо серьезным административным наказаниям (как было, например, после статьи Яковлева в «Литературной газете» и последующего аналогичного доклада на республиканском партархиве по критическому анализу трудов кыргызских обществоведов в 1986 г.).

Будучи на пенсии, К. К. Орозалиев отошел от активного участия в науке и тихо скончался вслед за своей любимой женой, спутницей всей его жизни, Магдалиной Константиновной, («француженкой», как мы ее называли в узком кругу).

Мне пришлось, как вице-президенту, вести траурный митинг при прощании с К. К. Орозалиевым в стенах президиума Национальной академии наук и на Ала-Арчинском мемориальном кладбище, где он был похоронен рядом с супругой. В 2012 г. их любимый внук, полковник Виталий Орозалиев, воздвиг на могиле гранитный семейный памятник. Ученые-историки отдали последний долг незаурядному человеку советской эпохи.

Я высказал свое субъективное мнение о человеке, с которым вместе проработал полвека. Я осознаю, что не все могут со мной согласиться, но это лично мое мнение о человеке, которого я ценил, любил и буду помнить все оставшиеся годы.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Мои воспоминания о К. К. Орозалиеве // Вехи жизни ученого-историка, партийного и общественного деятеля Керимкула Орозалиева (1912–2009 гг.) / авт.-сост. д-р ист. наук А. У. Джакишев; гл. ред. акад. НАН КР, д-р ист. наук, проф. Плоских В. М. Бишкек: Салам, 2013.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ЖИЗНИ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. М. МАССОНА

Вадим Михайлович Массон — один из виднейших археологов России, ученый с мировым именем, первооткрыватель и исследователь древних культур юга Центральной Азии, крупный теоретик, разрабатывавший вопросы социально-экономической организации сложных догосударственных обществ. Человек исключительного таланта, энергии, интуиции, он всегда старался сосредоточиться на той исторической проблеме, которая казалась в данный момент важнейшей. Как никто другой, В. М. Массон был способен увидеть за местной спецификой универсально важное, найти для результатов своих исследований место в контексте развития теоретической мысли.

В. М. Массон родился 3 мая 1929 г. в Ташкенте. Его отец, Михаил Евгеньевич, был потомком обрусевшего французского аристократа, перебравшегося в Россию во времена якобинского террора. Михаил Евгеньевич был одним из основателей среднеазиатской археологии, исследователем древних и средневековых памятников. Пойдя по стопам отца, Вадим Михайлович не просто продолжил его дело, но и сумел открыть новую, почти вовсе неизвестную в то время эпоху в истории региона — мир земледельческих культур неолита и палеометалла.

Профессиональную деятельность В. М. Массон начал рано. Поступив в 1945 г. на археологическое отделение исторического факультета Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте, он принял участие в раскопках Южнотуркменской археологической комплекс-

В. М. Массон

ной экспедиции (ЮТАКЭ) в районе Ашхабада. В 1950 г. Массон являлся уже автором семи научных статей. После окончания университета в 1950 г. он был принят в аспирантуру ЛО ИИМКа. Основным иностранным языком, который изучал В. М. Массон в университете, был французский. Он занимался также персидским и узбекским, что неизменно помогало его работе в республиках Средней Азии. Помимо собственно археологии, В. М. Массон серьезно интересовался нумизматикой, что сыграло свою роль позже при обращении к кушанской проблематике.

За три года аспирантуры В. М. Массон закончил кандидатскую диссертацию «Древняя культура Дахистана», защитив ее в 1954 г. Выбор юго-западной Туркмении, являвшейся в то время белым пятном на археологической карте, в качестве района первых самостоятельных полевых исследований показателен. Мало было (и остается)

археологов, согласных работать в безводной пустыне, за десятки километров от ближайших населенных пунктов. В результате этих исследований была открыта неизвестная ранее культура эпохи бронзы Дахистана и доказано запустение этой территории в середине II-го тыс. до н. э.

После защиты диссертации В. М. Массон был принят в сектор Средней Азии и Кавказа ИИМКа. Он становится руководителем Каракумского отряда (затем экспедиции), продолжая исследования в южном Туркменистане. Их объектом теперь становятся поселения периодов поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба. Открытие на Мургабе культуры типа Намазга VI и сменившей ее культуры Яз I заполнило крупную историческую лакуну, а изучение культурной динамики при переходе от Яз I к Яз II позволило прийти к выводу о сложении на юге Средней Азии государства еще в доахеменидское время («Древнеземледельческая культура Маргианы»).

Однако основные исследования оставались ещё впереди. Четыре крупных проекта, осуществленных В. М. Массоном в период с 1955 по 1996 гг., не только определили наши представления об истории земледельческих культур южного Туркменистана, но и внесли важный вклад в формирование общей картины культурной эволюции на Среднем Востоке в догосударственную эпоху. Это раскопки поселения Джейтун (1955–1963 гг.) и других памятников джейтунской культуры; раскопки энеолитических поселений на западе и востоке подгорной полосы Копет-Дага (прежде всего Кара-депе и памятников Геоксюрского оазиса, 1955–1965 гг.); изучение протогородской цивилизации Алтын-депе (1965–1995 гг.); изучение энеолитического поселения Илгынлы-депе (1986–1996 гг.).

С самого начала В. М. Массон правильно оценил историческое место Джейтуна как культуры того же типа, что и переднеазиатский земледельческий неолит. Он не соблазнился возможностью представить Джейтун как результат

чисто местного развития, хотя внаучные соображения могли бы к этому подтолкнуть. Первым среди археологов-среднеазиатов В. М. Массон применил методiku раскопок первобытных памятников широкими площадями, нацеленную на выявление сырцовых построек и целостных домохозяйств, а не только лишь на получение стратиграфического материала. Несмотря на огромный прогресс археологической методики за истекшие десятилетия, те концептуальные принципы, которыми руководствовался В. М. Массон 40 лет назад, не утратили своей актуальности. Нельзя не отметить удачного выбора названия Джейтун для исследованных им памятника и культуры. Оно (так же как и геоксюр) получило мировую известность еще и потому, что оказалось легко произносимым на основных европейских языках.

Исследования Кара-депе и памятников Геоксюрского оазиса выявили самобытный пласт культуры древних земледельцев Южного Туркменистана во всем его многообразии. Особая заслуга В. М. Массона состоит в том, что он сумел проследить взаимодействие памятников иранского и месопотамского круга и энеолитической культуры юга Средней Азии, прямые контакты которой, как подтвердили последующие исследования, к концу IV тыс. до н. э. достигали юго-восточного Ирана на юге и долины Зерафшана на севере.

Однако наибольший научный резонанс приобрели раскопки В. М. Массона на Алтын-депе, особенно после открытия здесь в 1967—1973 гг. остатков монументального сооружения, внутри которого находились богатейшие захоронения периода Намазга V. Эти находки были сделаны не случайно, а вследствие глубокого понимания структуры памятника и правильного выбора в его пределах места раскопок. Хотя интерпретация этих находок в свете идей «городской революции» Г. Чайлда и аналогий с раннединастической Месопотамией не бесспорна, сама по себе

«гробница жрецов» остается одним из ключевых комплексов для реконструкции культурных связей и социальных процессов на Среднем Востоке рубежа III и II тыс. до н. э. Книга В. М. Массона, обобщающая результаты исследований на Алтын-депе, вышла в английском переводе и с расширенным количеством иллюстраций в Филадельфии в 1988 г., что сделало соответствующую информацию доступной большинству специалистов.

Последние годы работ на Алтын-депе проходили в то время, когда многообещающие исследования на территории Ирана и Афганистана были внезапно и надолго прекращены. Южный Туркменистан, где раскопки успешно продолжались, приобрел поэтому особенно большое значение для археологии. В этих условиях В. М. Массон перенес работы с Алтын-депе на соседний Илгынлы-депе. Новые раскопки принесли интереснейшие и неожиданные результаты. Впервые были вскрыты значительные массивы застройки на крупном поселении периода Намазга II, что привело к существенному удревнению времени возникновения в южном Туркменистане «сложного» общества. Вместе с тем древний Илгынлы-депе плохо вписывался в традиционные представления о «протогороде», сочетая поразительно высокий для IV тыс. до н. э. уровень развития ремесла и богатство художественной культуры с отсутствием каких-либо указаний на существование централизованных иерархических структур.

Кроме раскопок в Южном Туркменистане, В. М. Массон, как уже было сказано, занимался кушанской проблемой. В начале 70-х годов он организовал работы на Зар-тепе в южном Узбекистане, поручив их одному из своих учеников — В. А. Завьялову. Многолетние раскопки этого поселения превратили его в опорный памятник позднекушанской эпохи.

В начале 60-х годов, ведя раскопки Джейтуна и планируя исследование Алтын-депе, Массон работал над докторской

диссертацией. Она была защищена в 1963 г. и опубликована годом позже. «Средняя Азия и Древний Восток» принадлежит к числу лучших книг по археологии, написанных учеными СССР. Прочитанный по ее материалам курс лекций на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ во многом сформировал представления о доистории у целого поколения археологов Ленинграда / Санкт-Петербурга. Владение огромным сравнительным материалом и умение сжато и точно его охарактеризовать, занимательность изложения при сохранении высокого научного уровня, обращение к фундаментальным проблемам теоретической социальной антропологии, не покидая почвы конкретных археологических фактов — все это сделало В. М. Массона едва ли не харизматической фигурой в глазах коллег и особенно учеников. Совершенно естественно, что в 1968 г. он стал руководителем сектора Средней Азии и Кавказа, а в 1982 г. был назначен заведующим ЛОИА АН СССР и председателем Ученого Совета. В 1991 г. ЛОИА, в значительной степени благодаря усилиям и авторитету В. М. Массона, был преобразован в самостоятельный институт, он был утвержден директором ИИМК РАН.

Занимая административные посты, В. М. Массон избегал соблазна направить непропорционально большие ресурсы на разработку собственной темы и руководимой им экспедиции. Он был в курсе самых разнообразных проблем от палеолита до средневековья и от Приморья до Скандинавии и всегда умел разглядеть существо обсуждаемых научных вопросов. Несмотря на занятость, В. М. Массон оставался в курсе всех новейших открытий, как-либо связанных с ближневосточной, среднеазиатской и южно-азиатской археологией. Большое внимание он уделяет издательской и редакторской деятельности. Благодаря его инициативе в 1968—1979 гг. выходили «Каракумские древности», в 1972—1979 гг. — «Успехи среднеазиатской археологии». Позже он много сделал для организации издания

²¹ Том VII. Кн. 2 В. М. Плоских

«Археологических Вестей», которые с 1992 г. являются главным печатным органом ИИМКа.

Научные заслуги доктора исторических наук, профессора, академика РАЕН В. М. Массона получили широкое международное признание — он является членом-корреспондентом Германского археологического института (ФРГ), Института Среднего и Дальнего Востока (Италия), почетным членом Королевского общества древностей (Великобритания), членом Датской королевской академии наук и литературы. В апреле 1999 г. правительство Республики Таджикистан наградило В. М. Массона орденом «Шараф» («Честь»),

Многолетние творческие контакты связывают В. М. Массона с кыргызской наукой. Начиная с координации археологических исследований и до подготовки национальных кадров археологии Кыргызстана, от совместных научных исследований до организации международных конференций, от юбилейных мероприятий по проведению трехтысячелетия Оша до 2200-летия Кыргызской Государственности, намечаемого на 2003-й год — таков диапазон работы всемирно признанного ученого в Кыргызстане. В последние годы он регулярно выступает с лекциями в Кыргызском Национальном университете, Ошском Государственном университете, Кыргызско-Российском Славянском университете, Кыргызском Государственном университете строительства транспорта и архитектуры. И, как и в прежние годы, неутомимо преподает, координирует, исследует, направляет...

За заслуги перед кыргызской наукой Вадим Михайлович Массон в 2002 г. награжден Президентом Кыргызской Республики А. А. Акаевым медалью «Данк» (Слава).

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Краткий очерк жизни и научной деятельности В. М. Массона // Вадим Михайлович Массон: библиографический указатель с дополнениями / сост. Л. М. Всевиов. СПб., 1999, доп. В. М. Плоских. Бишкек: КРСУ, 2002.

ТУРАР КОЙЧУЕВ – ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК КР

Этому назначению предшествовало несколько стремительно совершившихся событий нового суверенного Кыргызстана, предысторией которых явился так называемый горбачевский призыв к «социализму с человеческим лицом». В 1987 г. президентом Академии наук Киргизской ССР неожиданно для многих становится российский ученый с мировым именем, много лет занимавшийся, а затем курировавший секретные научные работы по прогнозированию, поиску и разработке редкоземельных (в первую очередь, урановых) месторождений (в том числе и на территории Киргизской ССР), Лаверов Николай Павлович. В июне 1987 г. его – член-корреспондента АН СССР – избирают действительным членом АН Кирг. ССР (кстати, одновременно с А. А. Акаевым) и сразу – президентом республиканской Академии. Он смело обновил руководство – президиум Академии наук, предложив первым вице-президентом, курирующим физико-технические науки, избрать ученого-физика академика А. А. Акаева, а курирующим общественные науки – экономиста Т. Койчуева, только накануне избранного членом-корреспондентом Академии наук Киргизской ССР. Я хорошо помню процедуру прохождения Т. Койчуева в члены-корреспонденты, потому что мне пришлось проводить собрание в Отделении, а затем докладывать результаты на Общем собрании. Вакансия была одна, а выдвинуты четыре кандидатуры: все известные ученые-экономисты: А. У. Орузбаев, Д. С. Лайлиев, Т. К. Койчуев, Ш. М. Мусакожоев. Причем Т. Койчуев был

Т. К. Койчуев

самым младшим из них, и он шел по первому туру лишь третьим. Во втором туре соперничали уже трое. Неожиданно для многих Турар набрал 13 голосов «за» и 5 «против» (с тех пор для него число 13 — счастливое). Д. Лайлиев и А. Орузбаев набрали по 8 голосов и против 10. Общему собранию для избрания в члены-корреспонденты была рекомендована кандидатура Т. Койчуева, который на Общем собрании уже с блеском прошел по специальности «Экономика». И сразу — избран вице-президентом АН Кирг. ССР. Коллеги-соперники по выборам, тем не менее, сумели сохранить между собой хорошие, точнее дружеские отношения и все последующие годы.

Опыт Н. П. Лаверова, работавшего до этого в АН СССР, позволил резко перестроить механизм и работу президиума,

активизировав исследования в научных институтах Академии. Именно им впервые была разработана Концепция развития кыргызской Академии наук на продолжительный период в условиях перестройки. Концепция определяла основные направления фундаментальных исследований и организацию широкомасштабного внедрения достижений науки и техники в народное хозяйство.

Этой концепции продолжали следовать и при новом президенте, которым после Н. П. Лаверова был избран академик А. А. Акаев. Турар Койчуев продолжал оставаться вице-президентом, курирующим общественные науки, краеугольным камнем которых было реформирование экономики.

Концепция, как бы хорошо не смотрелась, не могла быть реализована. Было ясно, что она опережает свое время и является наработкой на будущее. По крупному счету, она не реализована и сегодня. Слишком быстро изменилась политическая обстановка, повлекшая за собой экономическую обструкцию.

Но это была вина уже не ученых, а нового общественного строя в новых условиях перехода к рыночным отношениям.

Через два года Н. П. Лаверов был избран действительным членом (академиком) союзной Академии, вскоре возглавив одно из ее отделений, став вице-президентом АН СССР (кстати, оставаясь в этой должности до сих пор, правда, уже — Российской академии наук).

Можно сказать, с избрания Т. Койчуева вице-президентом и председателем Отделения общественных наук АН Кирг. ССР начался звездный час его научной и общественной деятельности. Вскоре и я был избран его заместителем по Отделению. Так что, можно сказать, я был свидетелем и в некоторой степени соучастником его начинаний, реорганизаций и модернизации Академии в области общественных наук.

С уходом Н. П. Лаверова президентом Академии наук был избран академик А. А. Акаев, продолживший начинания Н. П. Лаверова. На место первого вице-президента был избран его заместитель, горняк, академик Ильгиз Торекулович Айтматов, который после избрания Президентом суверенного Кыргызстана А. А. Акаева возглавил Академию наук. Т. Койчуев продолжал оставаться вице-президентом Отделения общественных наук.

Но вскоре эпицентр даже научных событий стремительным образом переместился в политическую сферу. Эпоха Горбачева завершалась взрывом политической активности народа, фантастическими проектами экономического реформирования страны, приведшими к снижению жизненного уровня населения. Урезалось постепенно, но настойчиво и бюджетное финансирование науки (осталась только одна статья финансирования АН — фонд заработной платы).

Т. Койчуев, как экономист, тут же с головой окунулся в экономические преобразования страны, предлагая свои проекты.

Развал СССР и парад суверенитетов бывших советских республик привел к политической обособленности республик, подъему национального самовыражения, разрыву экономических связей, разрушению комплексного народного хозяйства, разграблению и распродаже промышленных объектов, уничтожению поголовья скота, снижению урожайности сельскохозяйственных культур, в целом, к упадку сельского хозяйства.

Неожиданно для всех первым президентом суверенного Кыргызстана Верховный Совет республики избирает академика А. Акаева, прошедшего небольшую школу политической борьбы в Верховном Совете СССР в качестве депутата от Киргизской ССР.

Октябрь 1990 г. Помню день и ночь, когда Акаева разыскивали в Москве, где он был в командировке. Все мы были «за» и постоянно кучковались. То в кабинете

вице-президента И. Айтматова, то в кабинете директора Института языка и литературы, будущего академика и спикера Жогорку Кенеша А. Эркебаева, который уже тогда носился с идеей создания республиканской партии (интеллектуалов) и пытался «завязать» ее то на Акаеве, то на Койчуеве. И только утро следующего дня принесло облегчение и радость: А. Акаев прилетел в Бишкек и был избран президентом страны. Кстати, на альтернативной основе с ним соперничали секретарь ЦК Компартии Киргизии А. Масалиев, премьер-министр А. Джумагулов и — мало кто знает — Турар Койчуев. Правда, Т. Койчуев взял самоотвод, снял свою кандидатуру в пользу Аскара Акаева.

Турар Койчуевич, сохраняя за собой пост вице-президента и председателя бюро Отделения общественных наук (я оставался его замом) полностью окунулся в политические дебаты, экономические проекты, подготовил и опубликовал даже свой вариант проекта Конституции суверенного Кыргызстана.

В октябре 1990 г. он уходит в Правительство суверенного Кыргызстана заместителем председателя, затем работал Госсекретарем и коротко — три месяца (с августа по декабрь 1993 г. — и.о. вице-преьера Правительства страны. Тогда говорили, что первое Правительство Акаева — это Правительство интеллектуалов. И действительно, в нем были очень толковые молодые ребята, опередившие время. Тем не менее, Койчуев не порывал связи с Академией, выполняя как научную нагрузку, так и старался внедрить теоретические предложения экономистов в реальную жизнь. Но, реалии были уже другие, другая вся государственная система, вступали в «дикий капитализм» и предложения экономиста-теоретика уже мало кого привлекали (хотя предложения были конкретные и перспективные. Повторюсь: они, как и концепция Академии наук, опережали время и оказались невостребованными).

Я оставался зам. председателя бюро Отделения общественных наук, Т. Койчуев был его формальным председателем. Такой ситуация оставалась до декабря 1993 г., когда Т. Койчуев вернулся в Академию, но уже в новом качестве, как президент.

Для науки в целом, в том числе и Академии, оставалось тяжелое, можно сказать, цейтнотное время.

В стране проходила под бравурные марши экономическая реформа. Экономическое же положение страны все более усугублялось. Фактически прекратилось бюджетное финансирование академической науки (оставалась только сверхскромная зарплата). Оборудование морально устарело, химикаты для опытов не выдавались. Ученые перестали выезжать в экспедиции. Не говоря уже об общественных науках, не было экспедиций геологических, ботанических, медицинских. Зашла речь: что-то нужно делать с Академией наук. Для этого, конечно, в первую очередь сменить президента Академии.

К этому времени акценты президента страны А. Акаева уже сместились. Айтматовыми он стал тяготиться, да, судя по всему, хотел избавиться и от Турара Койчуева, поскольку экономические «реформы» явно проваливались и роль экономического теоретика, лидера страны, которую играл как идеолог Койчуев, он намеревался передать другому человеку. (Правда, думаю, с такой моей оценкой ситуации сам Турар не согласится: его право дать свое видение создавшейся на тот момент ситуации.)

Казахстанский вариант реформирования науки — передать Академию в ведение Минобразования — в Кыргызстане воспринимался негативно: все бывшие коллеги академика Акаева были против. Реформировать науку все же было необходимо. Турар Койчуев это понимал и предлагал свое видение. Предстояла замена президента Академии наук. Но это не было ни идеей, ни инициативой Турара Койчуева.

Он, казалось бы, занял прочно и свое место экономиста-реформатора в Правительстве. И сам не предполагал к чему лично для него приведет изменение статуса Академии.

В это время в республике начались кадровые перестановки. От Академии стали требовать реформирования (хотя в связи с сокращением бюджетного финансирования она и так «усохла» втрое). Была создана комиссия по реорганизации Академии наук. Её логично возглавил член Правительства — вице-премьер Т. Койчуев. Комиссия внесла ряд серьезных предложений. Одним из них было изменение статуса Академии наук, сделав её Национальной, что автоматически требовало изменения структуры Академии, её президиума и — переизбрания руководства Академии. Президент И. Т. Айтматов, недоработав 2 года до окончания срока, уступил свое место более молодым коллегам. Президентом был избран академик Т. Койчуев.

Надо сказать, что к этому времени у Т. Койчуева сложились прочные научные связи с ведущими учеными-экономистами России и всех среднеазиатских академий. Он тесно общался с академиками АН СССР С. С. Шаталиным, Л. И. Абалкиным, Н. П. Лаверовым и другими, членом-корреспондентом АН СССР А. Н. Ноткиным. Они обогатили его новой информацией, передовыми идеями, сориентировали в выборе или уточнении направлений научных поисков. Кыргызской науке в целом помогли в подготовке кадров и выборе направлений исследований.

Его широким связям я удивлялся, когда избирали Т. Койчуева академиком, а затем и президентом Академии наук. Удивляюсь и сейчас. Он получил целый пакет столь лестных отзывов, для меня открылась та сторона международной его деятельности и оценки, которая оставалась как бы в тени.

Приведу конкретные примеры:

Таджикистан:

«Профессор Койчуев Т. К. известен как видный ученый в области региональных проблем теории социалистического воспроизводства. К числу его научных направлений относятся также: исследование действия экономических законов и категорий социализма, разработка вопросов развития теории хозяйственного механизма, истории экономической мысли».

Азербайджан:

«Т. К. Койчуев является крупным ученым, специалистом в области политической экономии по региональным проблемам теории социалистического воспроизводства. Его научным направлением является исследование действия экономических законов и категорий социализма, разработка вопросов развития теории хозяйственного механизма, история экономической мысли в Киргизии, экономических аспектов национальных отношений.

Проф. Т. К. Койчуев является руководителем и непосредственным исполнителем ряда крупных научных программ, имеющих народнохозяйственное значение».

Туркменистан:

«Ученые-экономисты АН Туркменской ССР хорошо знакомы с исследованиями, проводимыми д.э.н. Койчуевым Т. К., с его научным вкладом в развитие региональной экономики. Его работами «Пропорции социалистического воспроизводства в союзной республике», «Законы и закономерности экономического развития при социализме», «Межотраслевые пропорции в народном хозяйстве Киргизии» пользуются многие политэкономисты научных учреждений и вузов».

Узбекистан:

«Т. Койчуев крупный ученый-специалист в области политической экономии. Он занимается исследованиями региональных проблем теории социалистического воспроизводства. Ему принадлежат труды по вопросам действия

экономических законов и категорий социализма, теории хозяйственного механизма, истории экономической мысли, экономических аспектов национальных отношений.

Т. Койчуев успешно готовит кадры высшей квалификации в области теории воспроизводства, а также в других областях экономической науки. Под его руководством защитили кандидатские диссертации 9 человек. Активную научно-исследовательскую деятельность Т. Койчуев сочетает с педагогической работой».

Казахстан:

«Турар Койчуевич Койчуев достоин быть избранным в действительные члены республиканской Академии наук. В этом меня убеждают результаты, которые получены им в своих научных работах в разнообразной форме. Хотелось бы подчеркнуть фундаментальную насыщенность и политэкономическую направленность научных трудов Т. К. Койчуева. Со многими из них я лично знаком и могу засвидетельствовать, что они известны среди экономистов Казахстана, в частности, в научно-исследовательских учреждениях экономического профиля нашей республики. Считаю не излишним сказать, что Т. К. Койчуев поборник тесной связи между учеными-экономистами союзных республик и проявляет инициативу в этом направлении, что показывает на широту его взглядов как организатора экономической науки».

Представляя от имени Правительства кандидатуру Т. Койчуева в президенты НАН КР, премьер-министр А. Д. Джумагулов подчеркнул:

«В правительстве полагали и полагают, что основной опорой, основной движущей силой в развитии экономики, культуры, должна стать Академия, её ученые. Поэтому кандидатура в президенты академика Т. Койчуева весьма своевременна, он как вице-премьер Правительства курировал эту область, был председателем Государственной комиссии по экономической реформе».

Вице-президентом физико-математических и технических наук (фактически, первым вице) был избран физик академик Ж. Ж. Жеенбаев, вице-президентом Отделения общественных наук тогда избрали меня¹, вице-президентом Отделения химико-биологических наук стал наш друг академик К. Сулайманкулов, вице-президентом Южного отделения К. Жумалиев, главным ученым секретарем — талантливый конструктор машин, многолетний член парткома Академии наук Анатолий Фролов. Все мы были сравнительно молоды, полны сил и радужных надежд. Впали почти в эйфорию.

В Академии провели кое-какую реорганизацию: объединили некоторые институты, другие — сократили. Т. Койчурев активно продолжал участвовать в политических дебатах о будущем Кыргызстана, Жогорку Кенеша и Конституции, путях экономического развития и сохранении и использовании культурного наследия. У него стали выходить книги не только по экономике, но и по истории. В прошлом он искал корень тормозов или успеха прогресса.

Тогда впервые, в соавторстве (Т. Койчурев, В. Мокрынин, В. Плоских) была опубликована книга «Кыргызы и их предки. Нетрадиционный взгляд на историю и современность» (сдана в печать в декабре 1993 г.). Книга начиналась оригинальной методологической статьей о менталитете кыргызов. Авторы попытались на строго документальной основе популярно рассказать об истории Кыргызстана с древнейших времен до суверенитета, инновационно, во многом по-новому и с привлечением новых материалов рассказать об известных и умалчиваемых страницах истории.

¹ Кстати, когда меня выдвигали, как члена-корреспондента, на должность вице-президента, бывший главный ученый секретарь президиума академик В. П. Живоглядов выступил против, т. к. нарушался прежний устав Академии. Общее собрание внесло поправку в устав («в виде исключения»), а академики проголосовали «за».

Ставшее вскоре модным, особенно после «парада» суверенитетов слово «менталитет» стало активно муссироваться в СМИ и входит в активный словарный запас обывателя. Но никто толком не давал его определение. Самое упрощенное понимание, как «мировосприятие» или «умонастроение», не отвечало той гамме составляющих этого понятия. Турар первый высказал новое определение, которое, как мне кажется (а иначе я бы и не был соавтором книги), самое полное. Прочитую:

«Менталитет», как понимать и какой смысл вкладывать в это понятие? Что это — особое свойство или совокупность свойств, характеризующих самобытную дееспособность народа? Чем они обусловлены: генетической природой народа, историческими и культурными традициями? Или определены теми условиями и средой, в которые были поставлены люди, а может, вынужденной необходимостью выжить? И несут ли они на себе отпечаток общественного устройства, вероисповедания и мировоззрения?

Некоторые интеллигенты считают, что стержневым элементом, компонентом менталитета кыргызов является национальная историческая святыня — «Манас». Но нам кажется, как бы ни отражали историю определенные события или лица, они не могут быть единственным и тем более определяющим компонентом менталитета, ибо отражают только конкретные факты, качества той или иной личности своей эпохи. Менталитет же, очевидно, включает непреходящие достоинства народа, которые служат не украшением, а «работают» на этот авторитет.

Несомненно, в истории кыргызов были достоинства непреходящего значения, но некоторые из них не сохранились в памяти людей. Ставится цель восстановить эти пробелы в надежде, что общенародные ценности вновь обретут блеск социально-экономическое развитие суверенного Кыргызстана, анализ реформенных процессов и поиск новой

парадигмы развития. Осуществлялся переход институтов к работе по научно-исследовательским проектам.

В эти годы ученые НАН КР принимали активное участие в реабилитации неоправданно репрессированных граждан республики; сформулированы три основных пути привлечения новых источников финансирования в науку: выполнение иностранных заказов; работа ученых за рубежом по договорам и контрактам; формирование производственно-коммерческих структур в науке.

Активизировались традиционные и создавались новые формы связи с высшей школой. Была учреждена академическая премия имени И. К. Ахунбаева. (Кстати первым её лауреатом стал сам президент НАН КР академик Т. К. Койчуев).

Мы тогда находились под личным обаянием А. А. Акаева, были как бы в эйфории развернувшейся демократии, свободы выражения мыслей, отсутствия политического табу на ранее закрытые тематики и тому подобное. Но суровость бытия и ухудшение условий жизни в стране и работы в Академии под бравурные речи новых руководителей отрезвляли. Отрезвляли всех — от руководства до простого гражданина. Появилось первое критическое восприятие окружающего. На этом этапе в 1996 году мы с Тураром написали первую биографическую книгу о первом Президенте Кыргызстана — «Аскар Акаев. Ученый Политик» (так, без разделительных знаков: «ученый политик», с двойственным подтекстом).

Надо сказать, книга не вызвала ни у кого ни восторга, ни критики. Была встречена равнодушно. В том числе и самим президентом Аскарком Акаевым, который остался равнодушен к нашему «творчеству».

Просматривая сейчас эту книжечку, я, кажется, начинаю понимать, почему. Эти опасения (и даже боязнь автора) я высказывал сразу Турару. Но он оставил, как есть: говорил, это его стиль письма. А в книге сюжеты биографические

переплетались с нашими воспоминаниями (мы уже тогда понимали историческую значимость Первого Президента Кыргызстана). И хотя в целом образ нашего героя был представлен возвышенно и, конечно, положительно, но имелись сюжеты, которые навряд ли понравились президенту, тем более первой леди (которая, как уже тогда говорили, во многом влияла на мнение президента).

Книга изобиловала, мягко говоря, «скользкими» моментами.

Кому, какому уже зрелому политику, вкусившему сладость власти, понравилась бы такая характеристика главного героя, которую мы дали во введении:

«Жаркий июльский день 1987 года. Отчетное годовичное собрание Академии наук. Руководство Академии встречает гостей, представителей правительства. Подъезжает правительственная «Волга», открывается дверца и бодро выскакивает наш куратор — зав. отделом науки и высших учебных заведений ЦК Компартии Киргизии Аскар Акаев. Он как-то по-юношески быстро поднимается по ступенькам, здоровается за руку с каждым присутствующим, затем также стремительно проходит, почти вбегает в здание. Мы следуем за ним.

«Мальчишка!», — с оттенком покровительственного панибратства бросает солидный ученый. Он лет на пятнадцать старше Акаева, из одного с ним села, имеет общих далеких предков — вождей сарыбагышей, так что по кыргызской традиции — «родственник». Он — «акаевец», но хотел бы, чтобы тот был «солиднее» и «авторитетнее».

Сейчас уже можно сказать: эти слова принадлежали директору Института истории, пронизательному истинному интеллигенту С. С. Даниярову, кстати, земляку Президента, кеминцу.

Или такая оценка деятельности Акаева как Президента: «в целом его команда так и не состоялась».

Доля вины Президента здесь была. Он не сделал необходимых попыток глубже и ближе узнать новых людей, чтобы привлечь их для работы. Не зная в должной степени набранной команды, он замкнулся в своем аппарате и подчас передоверял ему кадровые вопросы».

И это ведь было сказано в апогей его власти, в 1996 г.

Ещё: «Не будем лукавить, в первый год президентства А. Акаев, еще не изучивший экономику в достаточной степени полно и не осознавший глубину и причины ее падения, неоправданно легко обещал быстро возродить экономику. Не получилось (да и не могло получиться). Это не могло не вызвать оппозиции. Неправы были оппоненты, ожидавшие быстрого решения экономических и социальных проблем. Неправ был и обещавший Президент».

Или еще: «Какие ошибки в формировании государственных структур можно заметить? Не всегда выдерживался общий продуманный и согласованный подход. Под каким, под чьим давлением начинали восстанавливаться некоторые изжившие себя структуры?»

На начальном этапе президентства А. Акаев не раз оказывался в сложной ситуации, может быть, потому, что более легким и простым подчас представлялся ему путь Кыргызстана к возрождению и расцвету, к новому «ренессансу». Бывал он и в патовых ситуациях. В таких случаях на вопрос «Каким же будет Ваш следующий ход?» он отвечал: «Я что-нибудь придумаю». И действительно придумывал».

Или публикация фрагментов из интервью Майрам Акаевой прессе. Прочитую книгу еще раз:

«Майрам Акаева: «Наша семья — это свято для нас». И еще: «Я потеряла свободу, как стал муж Президентом».

В одном из первых интервью корреспондентам на вопрос о том, как Майрам отнеслась к тому, что Акаева избрали Президентом, последовал довольно откровенный ответ: «В то время он находился в Москве. Скажу вам честно, когда наш водитель приехал к нам и сказал, что мужа

собираются выдвигать на пост Президента, я невольно засмеялась. На следующий день его действительно избрали Президентом».

Скажите, готовы ли к тому, что, неровен час, его вынудят уйти в отставку?

Прямо скажу, это для нас не будет трагедией. Можете быть уверены в том, что на следующий же день он с головой уйдет в науку».

Теперь, наверное, место сказать и еще о двух предшествовавших нашей совместной книжечке: о национальной валюте, к созданию которой мы были причастны, книгах, написанных в таком же ключе.

Дело в том, что с уходом А. А. Акаева в Белый Дом, он, как комета, прихватил с собой и несколько академиков (тогдашних и будущих). Первым среди них был и Турар Койчуев.

Научно курируя экономику, занимаясь экономическими проектами, разрабатывая альтернативную Конституцию страны, Турар прекрасно (опять-таки, один из первых) понимал необходимость разработки собственной национальной валюты. Под грифом «секретно» была создана официальная комиссия (кажется, в 1991 г.) во главе с премьер-министром Чынгышевым. Но фактически ею руководил вице-премьер акад. Т. Койчуев. Он и меня привлек к работе комиссии (как историка, знакомого с монетной системой средневекового Кыргызстана, а также с историей денежного дела в России и СССР). Мы работали «секретно», зная, что это дело государственной тайны. Везде в ходу был рубль, и разглашение тайны выглядело бы как подрыв единой рублевой денежной системы. Хотя слухи и просачивались о создании собственных национальных денег, но разговоры были не о Кыргызстане (тайна все-таки была соблюдена), а, скорее, о соседях (Узбекистане и Казахстане).

Памятуя о том, что всякое тайное становится явным, мы с Т. Койчуевым по горячим следам и «секретным»

материалам подготовили текст одной книжечки и брошюры, которые сразу же с официальным объявлением о введении Кыргызстаном собственной валюты были опубликованы.

Нацвалюта была введена 10 мая 1993 г., а наша брошюра вышла из печати в начале июля 1993 г. — называлась она (в духе тураровской концепции) — «Сом — проблемы и надежды», а книжечка — «В мире денег» (сентябрь 1993 г.).

В научно-популярной форме мы рассказали об истории денег на территории Кыргызстана с древности до суверенитета. Как они появились и как исчезали, закономерности и курьезы, связанные с монетами и нумизматикой. Подвели все к национальной валюте, рассмотрели проблемы и надежды, связанные с введением первых в истории кыргызского народа собственных денег. Рассказали о том, откуда взялся сом (исторически — грубо обработанный слиток драгметалла) и тыйын (шкурка белки — эквивалент обмена в средние века). А также кто и почему изображен на деньгах (выдающиеся деятели и памятники культуры).

Мы еще не знали, как будет воспринято сообщение о введении нацвалюты, и соответственно попытались рассмотреть вопросы «за» и «против» (т. е. — «позитив» и «негатив»).

Приведу примеры, цитируя брошюру:

«Конечно же, введение национальной валюты следовало бы предварить глубокими реформами в экономике и структуре народного хозяйства, однако экономическая и политическая ситуации развивались таким образом, что на первый план в числе аргументов «за» и «против» выдвигались доводы тактического плана. Среди них отметим кризис денежно-кредитной и финансовой систем в бывшем СССР, во всех бывших союзных республиках, катастрофическое падение покупательной способности рубля, высокие темпы инфляции и неуправляемый рост цен, серьезные диспропорции между производством и потреблением, обесцененный рост денежных доходов при углубляющемся

дефиците практически всех товаров народного потребления, в том числе первой необходимости, снижение абсолютных объемов производства. Это и переход к рациионированию товаров как средству защиты республиканского потребительского рынка, и большой удельный вес бартерных сделок, введение собственных денег рядом республик, входящих в рублевую зону, а также несогласованность в проведении экономических реформ, в частности, денежно-кредитной политики и ценообразования...

...Президент и Правительство Кыргызстана до последней возможности не ставили перед Верховным Советом вопрос о введении национальной валюты, хотя обстановка диктовала необходимость принятия практических мер в этом направлении. Дело ускорило состояние экономики республики, поиски путей выхода из экономического кризиса, разработка стратегии и тактики проведения экономических реформ. Анализ всего этого комплекса проблем приводил к выводу о необходимости введет национальной валюты. Следует заметить, что большую роль этом сыграли настояния Международного валютного фонда.

Ни одно из государств рублевой зоны не избежало крупных потерь, вызванных такой либерализацией цен. Кыргызстан же, лишенный достаточно крупных ресурсов, имеющих выход на международный рынок, был не в состоянии проводить сколько-нибудь эффективную антиинфляционную политику и попал в полную зависимость от России с ее печатным денежным станком. Не имея реальной экономической самостоятельности и важнейшего ее инструмента — национальной валюты, мы ничего не могли противопоставить угрозе гиперинфляции со всеми ее взрывоопасными экономическими, политическими социальными последствиями.

И даже в этих условиях президент и правительство Республики, понимая, что одному Кыргызстану придется испытать огромные трудности при выходе из кризиса,

старались не выводить его из рублевой зоны. И только когда очередные проинфляционные акции руководства России поставили Республику перед реальной возможностью нового взрыва цен и угрозе гиперинфляции, 3 мая 1993 г. в Верховный Совет было внесено предложение о введении национальной валюты. Нас обнадеживало и то, что Международный валютный фонд гарантировал материальное обеспечение кыргызских денег. После тщательного обсуждения в Парламенте предложение было принято 211 депутатов проголосовали «за», «против» — 41, воздержались — 28. Верховный Совет образовал специальный комитет для практического осуществления принятого большинством голосов решения. 10 мая 1993 г. национальная валюта Кыргызстана получила права гражданства».

В целом, надо сказать, введение собственной нацвалюты оказалось «архисвоевременным» и целиком оправдало себя экономически и финансово. За Кыргызстаном пошли Узбекистан и Казахстан, и вскоре все республики, ставшие суверенными, обзавелись собственной валютой.

Этот успех республики я целиком связываю с деятельностью Т. Койчуева, ученого-экономиста и практика-политика. История подтвердила его правоту.

Все казалось бы шло хорошо, точнее нормально (в тех условиях). И ничто не предвещало грозы. Пока в феврале 1998 г. на очередном Общем собрании при обсуждении второго пункта повестки дня «О новой Концепции реформирования Национальной академии наук на период с 1998 по 2005 гг.» не грянул гром. В своем вступительном слове на собрании 5 декабря 1997 г. президент Академии Т. Койчуев сказал:

«Несмотря на трудности начального этапа переходного периода, связанные с экономическим кризисом, и, отсюда, на ухудшение финансового и материального обеспечения, Национальная академия наук вносила свой посильный вклад в реформенные процессы, в их научное обеспечение. Достигнуты определенные качественные достижения.

Вместе с тем, НАН КР не может сегодня в полной мере быть удовлетворенной и результатами наших исследований».

Лаверовско-Акаевская концепция развития Академии наук, — несмотря на то, что в ней многие положения сохраняют свое значение и поныне, — нуждается в уточнении, прибавлении, новой редакции. Но заложенные в ней дух творческого новаторства и суть — приближение истины к практике — должны быть сохранены и развиты.

Вот почему мы посчитали нужным принять обновленную Концепцию развития академической науки».

«Второй крупный вопрос, который будет рассматриваться на этом собрании — это о внесении частичных изменений в Устав НАН КР. Я думаю, что это правомерно, ибо произошедшие и происходящие после 1993 года демократические преобразования в стране и экономические, политические, социальные реформы должны найти определенное отражение в деятельности НАН и ее Уставе. С демократическими преобразованиями и реформами связан третий вопрос о Положении и Уставе Института».

В этом была заложена мина, которая привела к уходу президента Академии наук и всей его команды. И, получается, спровоцировал это сам Койчув.

При обсуждении Концепции были высказаны мнения:
— академика А. М. Мамытова:

«В эти дни я глубоко и подробно ознакомился с нашей Концепцией. И возникло у меня некоторое мнение. Вышло еще одно постановление Правительства «О роли науки в техническом и технологическом перевооружении». Есть здесь один пункт, который звучит так: образовывать комиссию по содействию развитию науки для разработки единой государственной научно-технической политики.

Я думаю, не лучше ли нам этот вопрос, пока комиссия будет работать, отложить. Нам надо идти на перевыборы Президиума. Это мое предложение».

— академика А. К. Карыпкулова:

«Для нас, для академиков, для ее коллектива, основным законом является Устав, который мы сейчас обсуждаем с внесением существенных изменений. Изменен принцип формирования Президиума. Поэтому, я думаю, что нынешний Президиум, я не знаю, нам надо осознать, особенно, всем действительным членам-академикам. Тот Президиум, который был сформирован до принятия Устава, уже теряет силу.

Вместо того, чтобы указать выход из экономического кризиса, Академия наук сама оказалась в глубоком кризисе. Члены Академии наук должны осознать, если такое решение Вы не примите, завтра же будет об этом сказано во всех средствах массовой информации, везде и всюду о том, что, приняв такой закон, сказав «А» — не сказали «Б». Поэтому я поддерживаю Амана Мамытовича, думаю, что мы на это должны идти, если согласится Правительство, а Правительство должно согласиться».

— академика К. К. Каракеева:

«Вопрос очень серьезный. Речь идет о стратегии Академии наук, поэтому к выработке этого документа нужно отнестись очень внимательно и серьезно. Я бы предложил следующее: раздать его всем членам Академии наук, дать месячный срок, чтобы каждый член Академии наук внимательно изучил и дал бы свои замечания в письменном виде. Все эти замечания и предложения Президиум должен обобщить и затем выйти на мартовское Годичное собрание, доложить. Даже члены Президиума я вижу, как следует не обсуждали. У меня такое предложение».

— академика М. М. Миррахимова:

«Я согласен с тем, чтобы переизбрали нас, с тем, чтобы был новый подход в решении создавшейся ситуации. Я поддерживаю Концепцию. Но хочу отметить, чтобы Концепция разрабатывалась не одной группой, а параллельно велась двумя с тем, чтобы члены Академии имели право выбора. И сегодня, пожалуйста, я могу отказаться от членства в Президиуме».

— академика К. Жумалиева:

«Я думаю, что Академия, как написано в Уставе, как высшее государственное учреждение, в принципе, проводит самостоятельную политику и об этом говорит факт принятия нового Устава, как академик я принимал в этом участие. Я думаю, что он будет утвержден Правительством нашей республики. Все изменения и дополнения были изучены Правительством, получили полное согласие с нашей стороны. И поэтому, в принципе, решать Вам, и в этом смысле Правительство будет поддерживать полное Ваше решение. Но необходимо, чтобы все было по закону».

Новая редакция Устава НАН КР Общим собранием была утверждена. А вторым пунктом постановления было записано:

«После утверждения Устава НАН КР Правительством Кыргызской Республики провести досрочные перевыборы всего состава Президиума НАН КР (за — 28, против — нет, воздержавшихся — нет).

Президент Т. К. Койчуев и весь состав Президиума через 4 года работы (не доработав год) подали в отставку Тут же был избран новый президент — им стал вице-президент Ж. Ж. Жеенбаев, первым вице-президентом (юридически) оставили бывшего вице-президента К. Сулайманкулова, новым вице-президентом Отделения общественных наук был избран акад. А. А. Салиев, новым главным ученым секретарем — директор Института неорганической химии академик И. Иманакунунов, обновился и состав президиума.

Позже прояснились истинные причины и механизмы замены руководства Академии. «Ларчик» открывался просто: интриги в президентском аппарате и правительстве вызвали очередную кадровую чехарду. С приходом нового руководства, но с оставлением прежнего размера финансирования существенных изменений в Академии не произошло. Да и не могло произойти.

Обращаясь к периоду президентства Академии наук Т. Койчуевым, попытаемся сделать объективные выводы, объективные, но не обнадеживающие. Хочется быть оптимистом.

Скажу честно. Как мне видится со стороны, это было несправедливое решение. Прежде всего, со стороны его бывшего коллеги, «младшего друга», Президента страны А. А. Акаева. После освобождения от должности Т. Койчуев еще почти три месяца был в «подвешенном» состоянии: не получил работу, его не принимал Президент, впереди была полная неопределенность. И, главное – необъяснимое положение: за что, почему...?

Лишь на третий месяц, после личного письма Койчуева А. А. Акаеву, когда тот сидел в Президиуме на одном из очередных собраний, «опального» (как тогда казалось) бывшего президента Академии – «трудоустроили»: он был назначен директором Центра экономических и социальных реформ при Минфине КР.

Центр несколько раз переименовывался, но по сути и своей направленности все эти десять лет остается прежним. И 10 лет (О, уже юбилей) этим Центром неизменно руководил академик Т. Койчуев. Надо сказать, руководил успешно, преломляя свои научно-теоретические исследования для практических целей. Он остается оптимистом, жизнерадостным и творческим исследователем.

Как бы подводя итоги научной деятельности Т. К. Койчуева, стоит сказать, что они достойно были оценены как нашим государством, так и научными международными сообществами. Он – заслуженный деятель науки Кыргызской Республики (1992), лауреат Государственной премии Кыргызской Республики в области науки и техники (1996), действительный член Российской академии естественных наук (2000), действительный член Российской академии педагогических и социальных наук (1997), действительный член Международной Евразийской экономической

академии (1997), почетный академик Инженерной академии Кыргызской Республики (1992), почетный академик Общественной академии им. Ч. Айтматова (1994), почетный академик Академии наук Сицилии (1995), почетный член Центра культуры им. К. Ататюрка (Турция) (1997), лауреат Академической премии им. академика И. Ахунбаева (НАН КР), лауреат Международной Евразийской экономической академии (1999), лауреат премии Союза журналистов Кыргызской Республики (1998), за выдающийся вклад в развитие экономической науки награжден дипломом им. лауреата Нобелевской премии академика Л. Канторовича (1996), был депутатом Международного парламента за мир и безопасность народов (1995–2000) и наделен полномочиями Чрезвычайного и Полномочного посла. Награждался: знаком «За активную работу» Всесоюзным обществом «Знание», серебряной медалью ВДНХ СССР и орденом «Манас» III степени и т. д.

Даже перейдя на работу из Академии руководителем Центра экономических исследований сначала при Минфине, а затем при Правительстве Кыргызской Республики, Турар Койчуев продолжал оставаться одним из самых активных действительных членов Академии. Я не помню ни одного серьезного собрания или совещания, и не только по научным проблемам, на котором бы не выступил Т. Койчуев и не внес бы каких-то конкретных деловых замечаний или предложений. Вот и на последнем отчетном собрании Отделения общественных наук Академии в феврале 2008 г. накануне избрания нового президента, он внес очень конструктивное предложение по совершенствованию работы главного научного штаба республики.

Приведу основные их положения:

«Глубокое исследование тенденций исторического общественного развития и выявление новых его законов и закономерностей, определение новых, «обогащенных» методологических подходов к исследованиям и формирование

их приумноженного, качественно обновленного теоретического фундамента и, отсюда, достижение научных результатов в виде оригинальных и крупных теоретических обобщений, которые могут служить теоретической базой новой ориентации и новой политики в общественном развитии (включая политику, государство и право, экономику, социальную структуру), позволит существенно поднять значимость соответствующих наук в жизни общества...

...Исходя из вышеуказанных соображений, я считаю целесообразным и неотлагательным создание Института теории-методологии общественных наук в составе Отделения общественных наук как самостоятельной научно-исследовательской структуры (коротко: ИТМОН).

Исследования ИТМОН потребуют координации и взаимодействия не только между институтами Отделения общественных наук, но и других отделений НАН КР, а также вузовской и отраслевой наукой, независимыми исследовательскими структурами, государственными структурами, политическими партиями и независимыми общественными организациями, а, отсюда, согласования и рассмотрения вопросов и контроля их исполнения не только на бюро Отделения, но и на Президиуме НАН КР».

«Хочу подчеркнуть, что «дело» не в научных карьерных интересах (они имеют свое место в науке), а в том, чтобы обеспечить творческий прорыв в том направлении общественной науки, которое оказалось в тени, хотя сегодня, по моему глубокому убеждению, является приоритетным в общественных науках по своей теоретической и практической значимости. Пора отходить от практики работы годами над одними и теми же проблемами, которые потеряли научную актуальность и никакого интереса не представляют для практики...».

Когда под занавес XX века Т. Койчуева спросили:

— Что бы Вы пожелали ученым Кыргызстана XXI века?

Он ответил просто:

— В XXI веке придет новое поколение ученых, которым желаю патриотизма, вдохновения и самоотдачи.

В свои семьдесят лет он, как говорят кочевники, еще на коне и остро его оружие — перо. Ждем от него новых научных трудов, ибо, считаю, никто лучше него не расскажет, как и кто разрушил экономику страны и с каким трудом и каким путем она восстанавливается. Он свидетель и соучастник того и другого процесса. Главный экономист страны. Правда, и, к сожалению, только теоретик. Так что «лебединая песня» Турара еще впереди.

Что ж, подождем...

Сегодня он на взлете. 70-летний юбилей — это для ученого очередной старт нового научного марафона. Он здоров, полон сил и энергии. Он — оптимист, уверен в себе и в будущем. Его родители были долгожители, оба прожили более 90 лет. Турар обязательно доживет до 100 лет, чего все мы, его друзья, ему и желаем.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Турар Койчуев — первый президент Национальной Академии Наук КР // К 70-летию академика НАН Кыргызской Республики Т. Койчуева. Бишкек, 2008

РЯДОМ С ПРЕЗИДЕНТОМ АКАДЕМИИ

Работая более полувека в Академии наук Кыргызстана (с 1960 г.), вспоминаю всех его президентов — от П. К. Ахунбаева и К. Г. Каракеева до И. Айтматова, Турара Койчуева и Ш. Жоробековой. В памяти всплывают отдельные примечательные события, интересные детали, особо значимые мероприятия.

В этом ряду президентов академии самым примечательным событием, я бы даже сказал уникальным, явилось избрание в 2008 г. впервые не только в истории Кыргызстана, но и в истории советской науки и союзных (в том числе суверенных) республик президента женщины. Это была Шарипа Жоробекова — доктор химических наук, профессор, академик НАН КР. Это было уникальным явлением, напоминавшим аналогичное событие в истории российской науки.

250 с лишним лет назад, в 1783 г., подруга Екатерины II, Екатерина Романовна Дашкова возглавила учрежденную в этом году Российскую академию наук, став ее первым президентом.

Активная участница переворота 28 июня 1762 г., приведшего на престол Екатерину II, она более 10 лет провела за границей, встречалась с видными политическими, государственными и научными деятелями — А. Смитом, Вольтером, Дидро и др. После смерти Екатерины II Павлом I Е. Р. Дашкова была отстранена от дел. Но осталась в истории науки благодаря своим мемуарам, опубликованным А. И. Герценом в Лондоне.

Этот эпизод напомнил нам Чингиз Айтматов, зайдя в академию по завершении своей дипломатической миссии за рубежом.

Ш. С. Жоробекова

Чингиз Торекулович зашел ко мне в кабинет (я был вице-президентом Отделения общественных наук при Ш. Ж. Жоробековой) и заявил: «Все, теперь я Ваш академик, остаюсь в Кыргызстане». Поспрашивал, как дела в Институте языка и литературы, возглавляемом А. Акматалиевым, поблагодарил за поддержку его избрания академиком. В это время ко мне зашли президент Шарипа Жоробековна и руководитель пресс-службы Академии Нурия Шагапова. Беседа продлилась недолго. Чашка чая и полрюмки коньяка скрасили разговор. Шарипа Жоробековна сказала мэтру, что наверху в Институте языка и литературы у А. Акматалиева ему готовится кабинет, где он спокойно может продолжать работать (сейчас Институт языка и литературы носит почетное имя Чингиза Айтматова).

Отчетливо помню несколько комплиментов Чингиза Торекуловича в адрес президента. «Женщина во главе науки, — сказал он, — придает работе новый оттенок — мягкость и чисто женскую заботу о быте, мелочах и практичности». При этом еще раз вспомнил Е. Р. Дашкову, встречавшуюся и переписывавшуюся с Адамом Смитом, Вольтером, Дидро, влиявшую на внешнюю и внутреннюю политику своей высокопоставленной подруги — государыни Екатерины II, правда, после ее смерти отстраненную от дел Павлом I.

Состоялась встреча Ч. Т. Айтматова с академиками НАН КР, где мэтр высказал ряд напутственных пожеланий в адрес президента и руководства академии.

Мы сфотографировались на память. Он ушел, поехал в дружественный Татарстан, откуда уже больным его перевезли в Германию, а затем — Ата-Бейит на Чон-Таше. Получается, это был последний визит Ч. Айтматова в академию наук и последняя наша встреча с ним.

Вспоминая сегодня свою работу с президентом Шарипой Жоробековной, хочу подчеркнуть ее женскую мягкость в общении и президентскую твердость администратора в кадровой политике и научной работе. И мне, будучи даже весьма далеким от химико-технологических, медико-биологических и сельскохозяйственных проблем, приходилось вникать в работу других отделений. С 2003 г. наши кабинеты вице-президентов на втором этаже академии находились друг против друга — с общей приемной, и, естественно, общаться приходилось довольно часто, практически все рабочие дни науки. Приходилось по-здоровому и завидовать соседнему отделению, которое по инициативе Шарипы Жоробековны приобщилось к финансированию МНТЦ (Международный научно-технический центр). Именно тогда ее отделение получило хорошие научно-практические результаты, соответствующие мировым стандартам. В результате коллектив разработчиков был удостоен Госпремии Кыргызской Республики в области науки и техники.

Наше же отделение — Институты гуманитарного профиля — сидели только на бюджете.

Приходилось, как говорится, выживать, а так хотелось полнокровно пожить. Надо сказать, что финансировалась только статья зарплаты. Не было средств на экспедиции (не только археологические или биолого-зоологические, но даже горно-геологические). Книги выпускались (да и сейчас выпускаются) только на внебюджетные средства да за счет иностранных проектов и грантов. Сегодня финансирование науки опустилось практически до минимального уровня — меньше одного процента от ВВП Республики. Что и вызвало серьезные нарекания в правительстве и требования коренного реформирования и перестройки управления всей Академии наук, вплоть до ее перевода из государственного в разряд общественного уровня.

Лично для меня самым памятным из времени совместной работы с Ш. Жоробековой явилось решение Президиума академии о создании Кабинета источниковедения и рукописного наследия в Институте истории.

Приведу полностью этот документ, принятый под занавес моего ухода с поста вице-президента.

Президенту НАН КР
академику Жоробековой Ш. Ж.
вице-президента НАН КР
академика Плоских В. М.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Исполнилось ровно полвека, как я неизменно работаю в Национальной академии наук (с осени 1960 г.).

За это время защитил кандидатскую и докторскую диссертации, был избран членом-корреспондентом и академиком, трижды избирался вице-президентом.

Все мои основные научные исследования выполнены в Академии по шести направлениям:

- аграрные отношения в Кыргызстане в XVIII–XIX вв.;
- кыргызско-российские взаимоотношения (XVIII–XIX вв.);
- политогенез кыргызской государственности;
- история НАН КР и «репрессированная» наука;
- история кыргызской письменности и источниковедение;
- археология и памятники культурного наследия.

С 1972 г. неизменно руководил кыргызскими археолого-этнографическими экспедициями, а с 1985 г. — подводными исследованиями на Иссык-Куле.

За все эти годы собрал большое количество копий архивных документов из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Томска, Алматы, Душанбе, Ташкента, ЦГА КР и АПД Кыргызстана по указанным выше научным направлениям. (Это не одна тысяча единиц архивных документов, старинных книг и рукописей).

Опубликовал свыше двух десятков научных и научно-популярных книг, учебников и учебных пособий, около тысячи статей в научных журналах и средствах массовой информации.

Собрал раритетную книжную коллекцию по истории Кыргызстана и Средней Азии, истории России и всемирной истории (точное количество даже затрудняюсь назвать — от 2 до 5 тыс. единиц).

Под занавес своей научной жизни я бы хотел передать весь этот научный багаж безвозмездно в родную Академию наук и считаю, что наилучшим местом хранения его были бы рукописные фонды Отделения общественных наук, которым я руководил около двух десятилетий.

Считаю, что все эти материалы могут еще послужить кыргызской науке и молодым научным сотрудникам в подготовке диссертационных работ.

Для обработки, хранения и использования моей коллекции потребуется выделить две смежные комнаты в Институте языка и литературы (при котором рукописный фонд) — одну как хранилище, вторую как читальный кабинет, и закрепить одного лаборанта для составления каталогов архивных документов, рукописных книг и раритета.

Согласие директора Института академика А. А. Акматалиева имеется, обещано и полное содействие в оформлении научного кабинета.

С уважением,
академик, д.и.н., проф.,
заслуженный деятель науки,
дважды лауреат Госпремии
в области науки и техники,
вице-президент НАН КР
В. М. Плоских
30.11.2010 г.

Президиум принял соответствующее постановление.

На сегодняшний день Научно-учебный кабинет создан, оборудован и скоро будет доступен для работы докторантов, аспирантов и даже студентов.

За что я очень признателен президенту.

Шарипа Жоробековна легко вела Академию. Но — наступили нелегкие бакиевские времена, затем новая революция, новые кадровые перестановки...

И Жоробекова ушла в родной Институт химии директором, освободив место нынешнему президенту, доктору филологии академику А. Э. Эркебаеву.

Говоря научным сухим языком, сегодня под руководством Ш. Ж. Жоробековой ведется перспективное «новое направление научной деятельности — получение уникальных детоксицирующих агентов на основе конгломератов гумусовых веществ с нанокompозитами, а также ионообменных

материалов, настроенных на определенный металл, которые могут быть использованы для очистки сточных промышленных вод и выделения ценных элементов. Уже получены оригинальные результаты исследования сорбционной активности конгломератов «гуминовые вещества — нанокompозит» по отношению к ионам уранила и тяжелых металлов» (Это — из официального отчета по академии).

Всем понятно? Мне не очень, но именно так резюмирована в официальном представлении Ш. Ж. Жоробекова.

Закончился и мой очередной (третий) срок вице-президента. Уже как пенсионер перешел на полставки в свой родной Институт истории, в котором проработал с 1960 года. Поступил временно младшим лаборантом при И. К. Ахунбаеве, защитил кандидатскую диссертацию, будучи помощником К. Г. Каракеева, защитил докторскую диссертацию при М. М. Адышеве, работал руководителем Отделения общественных наук при И. Т. Айтматове, вице-президентом при Т. К. Койчуеве, Ж. Жеенбекове, Ш. Ж. Жоробековой и последний год при нынешнем президенте А. Э. Эркебаеве.

Время идет, жизнь течет, грядут новые реформы, отнюдь не облегчающие проблемы науки.

Настал и юбилей нашей героини. Хочется пожелать искренне уважаемой мною Шарипе Жоробековне сил и энергии, новых открытий и патентов на благо науки и государства!

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Рядом с президентом академии // Шарипа Жоробекова. Еще не вечер. Бишкек, 2014.

ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ

«Людей выдающихся немного. Их потому и именуют выдающимися, потому что их мало, и они известны.

Известность выдающейся личности определяется ее трудами и личными качествами. Их отличает главное — масштаб. Они — организаторы и дальновидные руководители больших коллективов, работающих с неизменным успехом.

Как верно заметил Борис Пастернак, есть такие отрасли духовной жизни общества, где преуспеть может лишь хороший человек. Поэзия, история — в их числе. Здесь знание и понимание срастаются воедино. Это требует глубины», — заметил Арон Абрамович Брудный в одной из многочисленных бесед, в которых мы нередко проводили свободное время.

Сегодня, вспоминая об Ароне Абрамовиче, я окончательно склоняюсь к мысли о том, что его, как никого другого, следует причислить именно к ряду тех «людей выдающихся», о которых говорил и писал в своих научных трудах Арон Абрамович.

Он вполне соответствует своему же вердикту: «Время живет в людях, а не только люди во времени».

В итоге пятидесятилетней научной деятельности он стал известен научному и педагогическому миру как выдающийся психолог, историк, экспериментатор, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки, Заслуженный деятель образования, лауреат Государственной премии Кыргызской Республики. Его научные труды оценены учеными мира избранием членом-корреспондентом Национальной Академии наук Кыргызской Республики, действительным членом Московской Государственной Академии

А. А. Брудный

педагогических и социальных наук, действительным членом Российской Академии естественных наук, членом Калифорнийской и Нью-Йоркской Академий наук.

Коллеги по Кыргызско-Российскому Славянскому университету помнят, что Арон Абрамович является основателем кафедры психологии в Университете.

Наиболее лаконичную, по мнению ученых, характеристику научной значимости трудов Арона Абрамовича сделали ученые Института психологии Российской Академии наук: «Арон Абрамович — известный советский философ. Основная тема его исследования — человек как объект познания. Он один из основателей психолингвистики как научного направления.

В его трудах по проблемам понимания и общения обоснован ряд положений, получивших признание в отечественной

и зарубежной науке. Разработанный им метод смыслового анализа получил эффективное применение. В его работах раскрыты существенные возможности человеческого фактора».

А. А. Брудный является автором около 300 научных работ, в том числе монографий «Семантика языка и психология человека», «Наука понимать», «Пространство возможностей», получивших весьма высокую оценку научной общественности. Он инициатор издания и редактор серии сборников «Сознание и действительность», «Знак и общение», «Сознание и общение», «Философско-психологические проблемы коммуникации», «Сознание и понимание», «Философско-методологические проблемы теории общения» и др. В них последовательно освещен ряд методологических проблем комплексного изучения человека. Результаты его исследований используются в различных сферах науки и практики: информатике, психологии, экологии, языкознании, при решении проблем обучения, проектирования и изобретательской деятельности.

Школа, которую он основал, разработала актуальные проблемы теории познания, под его руководством подготовлено и защищено около 30 кандидатских и докторских диссертаций.

А. А. Брудный неоднократно выступал на международных конгрессах, организовывал симпозиумы и секции на научных съездах и конференциях. Его работы переведены на иностранные языки.

Один из видных организаторов науки — он являлся председателем проблемного Совета по комплексному изучению человеческого фактора при Президиуме АН Киргизской ССР, членом редколлегии «Известия» Академии наук Киргизской ССР, двадцать лет руководил работой Киргизского отделения Общества психологов СССР.

Многие ученые и коллеги считают, и совершенно справедливо, А. А. Брудного одним из творцов современной

философии. Удивительно одаренный от природы человек, среди множества мнений и теорий задавался вопросами «Понимания» и «Смысла» и помогал людям увидеть «Пространство их возможностей». Его жизнь складывалась неординарно. Он искал Истину Бытия всегда: и когда, получив блестящее медицинское образование, решил посвятить себя философии, и когда, будучи молодым доктором наук, увлекся процессами Понимания и только потом пришел к Психологии. Профессиональная жизнь Арона Абрамовича была беззаветным посвящением науке, служением психологии и философии. Его жизнь насыщена встречами с видными учеными современности.

Вся жизнь Арона Абрамовича, особенно его научное творчество, была связана с историей, философией и психологией народа Кыргызстана, причем именно так, как он говорил: «Время живет в людях, а не только люди во времени».

Рождение нашей «выдающейся личности» Арона Абрамовича произошло также в Кыргызстане, в г. Фрунзе 13 января 1932 г.

Отец его Абрам Львович учился в медицинском институте в Ленинграде, после окончания которого получил диплом врача отоларинголога. Молодой специалист, движимый естественным рвением помочь стране, немедленно отправился в те места, где, как думал он, совсем нет или очень мало врачей. Тем более, что его специализация вполне соответствовала существующему положению — заболевания были распространены, а врачей всегда не хватало. Абрам Львович вначале отправился в Коканд, а затем в г. Фрунзе, где начал свою врачебную деятельность фактически с нуля.

Здесь же сложилась семья, родился сын Арон. Мать Арона Людмила Андреевна — девушка из офицерской семьи, училась в институте благородных девиц, владела иностранными языками, умела играть на фортепиано, прекрасно готовила. «Вообще Людмила Андреевна умела

делать все, что должна была уметь женщина», — вспоминал он о матери.

Отец, разумеется, проводил все свое время на работе, в лечебницах. Но воспитанию и образованию сына родители уделяли много времени. В частности, в личном листке по учету кадров Арон Абрамович в графе «Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете» своей рукой записал: «английский — читаю и перевожу, немецкий, польский — читаю, могу объясняться». Вряд ли наша образовательная система позволяла освоить все эти «языки» нашему будущему ученому...

Среднее образование Арон получил в одной из лучших школ города Фрунзе № 6. Обучаясь в 9-м классе, он «умудрился» сдать экзамены за 10-й класс и окончил школу экстерном, согласно специальному разрешению наркомата образования.

В тот же год он поступил в медицинский институт, а через год отправился «совершенствовать» свое медицинское образование в город Ленинград. Здесь он слушал лекции учеников И. П. Павлова и проводил с ними лабораторные эксперименты.

Арон Абрамович получил блестящее медицинское образование и, как отмечено в личном листке, в 1954 г. после окончания Киргизского медицинского института с дипломом с отличием по специальности «врач-лечебник» поступил в аспирантуру по специальности «физиология животных»...

Следует заметить, что проводя опыты на собаках, как было принято в «школе Павлова», когда он уже учился в медицинском институте, молодой врач чувствовал, что медицинское образование даст ему знания «по болезням». Но ему хотелось знать больше: изучить человека в историческом времени. И он одновременно с медицинским институтом стал обучаться экстерном на историческом факультете Киргизского государственного университета. По его мнению, это было как раз то сочетание, которое

очень подходит ему — освоить его будущее увлечение человеком как объектом познания в историческом времени.

Свой первый научный труд — диссертацию Арон Абрамович защитил по философии. Очевидно, приверженность психологии еще не определилась.

Почти вся творческая жизнь замечательного ученого связана с Академией наук Кыргызской Республики. Здесь же он защитил докторскую диссертацию по теме «Язык, сознание и действительность», а в 1984—1998 гг. — заведовал отделом комплексного исследования института философии.

Здесь следует заметить, что конец XX и начало XXI веков — это очень трудное, но интересное историческое время, которое переживали народы когда-то огромной великой державы. Тяжело это время переживала и академическая наука республики и ученые, вынужденные буквально выживать, вели борьбу за ее сохранение.

В 1993 г. впервые в Центральной Азии у нас в Кыргызстане произошло открытие Кыргызско-Российского Славянского университета. Арон Абрамович вошел в группу первых преподавателей первой кафедры истории и культурологии, философии и психологии, языка и литературы. В 1995 г. из этой кафедры выделяется кафедра психологии и философии, работу которой возглавил Арон Абрамович.

В течение пяти лет он организовывал разработку планов и программ дисциплин, преподаваемых студентам. И... самое главное, все свое время пребывания на кафедре проводил со студентами в беседах, конференциях, викторинах, привлекая извечным психологическим лозунгом к человеку: «Познай себя».

В 2000 г. он, оставив заведование кафедрой, продолжал работать в должности профессора-консультанта кафедры психологии Кыргызско-Российского Славянского университета. Одновременно являлся профессором и заведующим исследовательской лабораторией Американского университета в городе Бишкеке.

Традиции познания, заложенные Ароном Абрамовичем и его соратниками на кафедре, живут и в настоящее время, разумеется, в соответствии с новыми веяниями, распространяя Разумное, Доброе, Вечное.

Меня, как историка, особенно поражает глубина и масштабность его мыслей об историческом процессе и роли человека в нем. Однажды в личной беседе на вопрос, является ли человек главной фигурой исторического процесса, Арон Абрамович ответил: «Да. Именно люди делают историю. Здесь имеются в виду не только и не столько исторические личности, сколько особенности и свойства самого человека и мира, в котором он живет».

И далее, развивая свою мысль о человеке — творце истории — он очень плавно, ненавязчиво, но убедительно переходит, наверное, к главному вопросу нашего времени: что есть история как реальность?..

Следует заметить, что нам всегда было интересно беседовать на самые разные темы, вплоть до бытовых. В то время, а собственно и сейчас, я уверен, что самый глубокий, убедительный и исчерпывающий ответ давал именно Арон Абрамович. И я с удовлетворением вспоминаю о нашей совместной работе в Академии наук и в Славянском университете. В последние годы жизни Арона Абрамовича мы задумали написать совместную «Книгу-беседу». Но не случилось, не успели... Правда, некоторые заметки об актуальных проблемах остались.

В частности, на вопрос: Что есть история как реальность? Арон Абрамович, тонкий психолог, отвечает: «История — это движение человечества по стреле времени. Факт существования системы «прошлое — настоящее — будущее» не вызывает сомнений. Проблема состоит лишь между прошлым, настоящим и будущим. От того, какова эта связь (если она есть), зависит, удастся ли людям расширить сферу своих возможностей, продлить существование человечества в обозримом будущем».

То есть существование человечества есть проявление и следствие его жизнеспособности, думаем и мы, историки.

Нам, историкам, известно, что высокая жизнеспособность человека исторически определялась четырьмя неравнозначными факторами: реализация способности к труду и способности проектировать и использовать продукты труда; наличие природных ресурсов, обеспечивающих источники средств к существованию; известная популяционная разобщенность: разорительные явления, происходящие в отдельной части земли, не всегда влияли на жизнь других, и, наконец — базисный фактор, который Арон Абрамович, согласившись с тремя предыдущими, все-таки считает первоосновой — способность человека к самовоспроизведению, половой отбор, производство человека человеком.

Арон Абрамович считал, что многое в истории человечества зависит от самих социальных систем. «В настоящее время мы адаптируемся к системе, не претендующей на полную разумность. Ушедшая в прошлое система, которая не уставала взывать к прогрессу и разуму, на деле отдалялась от разума с каждым годом своего существования», — с грустью констатировал мудрец Брудный.

Но тут же с оптимизмом он заметил: «Процесс развития человечества существует, движутся в будущее классы, нации, государства. Вписаться в движение тех социальных образований, которые имеют наиболее яркую историческую перспективу, — вот решение проблемы осмысленности индивидуального существования».

И, обращаясь к истории Кыргызстана, которая была постоянным объектом наших бесед, он заметил, что она обладает «собственной финальностью», которая придает ей смысл. Для этого необходимо возрастающее овладение силами природного материального мира, совершенствование человеческого бытия путем развития цивилизации и культуры, главные факторы тут — наука, философия, искусство и, конечно же, актуализация возможностей, заложенных

в природе самого человека. Его силы и потребности лежат в основе цивилизации, и она совершенствуется, чему конца не видно. И нам, историкам, известно, как на протяжении более чем двух тысячелетий традиции кочевой цивилизации способствовали народу не только противостоять вызовам в разные исторические эпохи, но и развиваться дальше.

Размышляя исторически, Арон Абрамович считал, что «хронотоп» (в смысле, придаваемом этому термину М. Бахтиным) кыргызской истории образуют современные цивилизации. Особый интерес представляет для нас цивилизация, историческое пространство которой простирается в Восточной Европе, Кавказском регионе, Северной и Центральной Азии, а историческое время еще предстоит определить...»

И опять возникает вопрос: могут ли выйти на историческую арену новые силы, может ли перераспределиться значение уже известных? На этот вопрос историкам трудно ответить и сегодня...

Но Арон Абрамович, руководимый какой-то своей фантастической прозорливостью, почти 20 лет назад заметил: «Согласно китайской концепции XXI в., производство будет сосредотачиваться в Китае и в странах Востока, ресурсы будут вносить в мир Россия и сопредельные страны, интеллект сосредоточится в Европе, а финансовым центром мира останутся США. Положение Центральной Азии в этом случае будет определяться тем, что она граничит с Китаем. По ней пройдут новые дороги. Недаром Наполеон говорил, что вся тайна цивилизации — в путях сообщения. В дорогах.

Центральная Азия, через которую шел Великий Шелковый путь, это знает. Ей, может быть, и предстоит дать ответ на вопрос о будущем евразийской цивилизации».

То есть, согласно концепции Арона Абрамовича, на вопросы о будущем ответы будет давать история человечества и, наверное, история самого человека с его психологическим потенциалом.

Арон Абрамович умный, интересно и глубоко мыслящий философ, по его собственной формулировке самого понятия «философ», заметил: «...философия, видимо, существует затем, чтобы решать вопрос о смысле существования субъекта. И решение этого вопроса вне анализа конкретных исторических обстоятельств вряд ли возможно. Но каковы бы ни были эти обстоятельства относительно субъекта, все же можно сказать главное. Главное — это смысл его жизни. В чем же он заключается?.. В том, чтобы она продолжалась. В продолжении существования человечества — смысл его истории».

Сам он очень гармонично вписывался в современную научную и социальную жизнь, и даже политическую... С появлением в Кыргызстане фонда «Сорос» стал одним из первых преподавателей школы будущей элиты. Включившись в политическую жизнь, он стал членом группы по подготовке программы Социал-демократической партии Кыргызстана, и активно печатался в первых оппозиционных газетах. Как философ широкого профиля, он всегда интересовался культурным наследием и стал одним из редакторов журнала «История культурного наследия Кыргызстана». Он был одним из инициаторов проекта «История развития Кыргызстана» под названием «Третий путь»...

В тяжелые годы перестройки, то есть переустройства духовного состояния общества, он всем своим научным творчеством старался приблизить предсказанные им же преобразования в обществе.

Он постоянно выступал со статьями одинаково активно и по актуальным вопросам истории и философии.

Современники однозначно отзывались о нем, как о «большом ученом и прекрасном педагоге», о том, что «его научные труды, его работы научно-популярного характера широко известны», о том, что «результаты его экспериментальных исследований всегда имели выход в конкретные научные знания», о том, что «будучи известным философом,

он обращался к проблемам, непосредственно связанным с информатикой, проектированием и изобретательской деятельностью» и многим другим.

Известный философ, он принял активное участие в программе «Кыргызы и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления». Программа эта требовала Основы, считал Арон Абрамович. «Основы фактической, которая создается годами конкретных исторических и иных научных исследований; основы духовной, которая слагается как результат достижения учеными внутренней зрелости; наконец, основы общественно-политической, создающей такие условия для ученых и науки, которые позволяют рассчитывать на постижение Истины». Здесь речь идет о преемственности и важности трудов предшественников.

И сегодня его коллеги, друзья и ученики считают, что Арон Абрамович Брудный всегда был главным хранителем «Духа Человека-книги», «Духа Ученого и Учителя». Надо сказать, что этот дух живет в его учениках и в его книгах.

В день самой первой встречи с первыми студентами Кыргызско-Российского Славянского университета в большом актовом зале была прослушана первая в стенах КРСУ лекция, прочитанная профессором Ароном Абрамовичем Брудным. Она была посвящена истории университетов, концепции университетского образования и тому значению, которое приобрела в нем философия — ПЕРВАЯ собственно вузовская дисциплина.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Опередивший время // Они были первыми. Б., 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
ОЧЕВИДНОСТЬ НЕВЕРОЯТНОГО	5
От букваря до академии наук	9
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Е. Д. ПОЛИВАНОВ И «МАНАС»	33
Вводная	35
Из проекта так и не принятой юбилейной декларации тысячелетний «Манас» суверенного Кыргызстана	35
«Манас» и идеология возрождения кыргызстана	39
Е. Д. Поливанов: Страницы жизни	46
Е. Д. Поливанов в Кыргызстане	51
Е. Д. Поливанов и «Манас»	61
Путь на эшафот	73
Заключительная	80
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
АСКАР АКАЕВ УЧЕНЬИ, ПОЛИТИК...	87
Предисловие	89
Штрихи биографии	94
Педагог вуза	98
Партийный функционер	98
Президент Академии наук	99
Взлет на политический олимп	101
Кризис власти	101
Выборы Президента	104
Первые шаги	107
Испытание на демократизм	108
У руля суверенного Кыргызстана	110
Во главе государства	112
На пути к государственному «ренессансу»	112
Главная трудность	116
Принятие Конституции Символика государства	119
Введение национальной валюты	122

Противостояние Президента и Жогорку Кенеша	124
5 Лет и 100 дней президента Акаева	129
В экономическом цейтноте	134
Духовный суверенитет – определяющая сила	135
Марафон с президентскими выборами	138
Инаугурация	143
Референдум	146
«Выживет ли Кыргызстан?»	148
Проблемы экономические, политические, социальные, культурные	151
Легко ли президенту оставаться человеком?	156
В кругу семьи	161
Первая леди. Награда это или ноша?	162
Что потерял Аскар Акаев – ученый?	165
Что он приобрел как политик?	166
Я, как президент, в большом долгу	169
(Вместо заключения)	169

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА КЫРГЫЗСТАНА	173
Молдоке национальной интеллигенции	175
Мугалим – учитель учителей	183
Последний зигзаг судьбы	188
Из истории репрессированной кыргызской лингвистики (Этюды о К. К. Юдахине)	199
Мир кочевников: исследования Ю. Н. Рериха по истории Центральной Азии	230
Вклад Санкт-петербургских ученых в изучение Кыргызстана	259
Российский палеонтолог Б. П. Марковский в Кыргызстане	267
Я был первым помощником второго президента Академии наук Киргизской ССР (Вспоминая Курман-Гали Каракеева)	271
Уроженец Иссык-Куля	272
Жизнь в науке	274
Кадры решают все	279
Впервые вместе на больших международных форумах	282

Очерк жизни и деятельности профессора	
Б. М. Зимы	288
Талантливый ученый, педагог, человек	300
Мои воспоминания о К. К. Орозалиеве	303
Краткий очерк жизни и научной деятельности	
В. М. Массона	316
Турар койчуев – первый президент	
Национальной Академии наук КР	323
Рядом с президентом академии	348
Опередивший время	355

Владимир Михайлович Плоских

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Ученые-исследователи Кыргызстана XX в.

Книга 2

ТОМ VII

Редактор: д-р. ист. наук *С. В. Плоских*

Дизайн, компьютерная верстка: *В. Горнушкин*

Подписано к печати 09.09.2019.

Заказ № 45.

Формат бумаги 60 x 84 ¹/₁₆. Объем 23 п. л.

Тираж 500 экз.

ОсОО «НЕО ПРИНТ»

